

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2017

Том 9

№ 2

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2017

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2017
Том 9
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2017.
185 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Лохто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спириевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIJSKIJ REGION

2017

Volume 9

№ 2

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2017

BALTIJSKIJ
REGION
2017
Volume 9
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2017.
185 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2017

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Perti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolesov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kretinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Špiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

СОДЕРЖАНИЕ

Притяжение моря

- Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона 7
- Дружинин А. Г.* Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация 28

Национальная и региональная конкурентоспособность

- Кристьянсдоттир Х.* Эмпирическое исследование национальной конкурентоспособности 44
- Баженов Ю. Н., Елсуков М. Ю., Подишувейт О. В.* Внешнеэкономические аспекты практической реализации конкурентоспособности Санкт-Петербурга 61

Вопросы социальной географии

- Молодикова И. Н., Лялина А. В.* Территориальные различия взглядов немцев на миграционный кризис в Германии: политический аспект 82
- Степанова С. В.* Туристский ресурс границ: потенциал приграничных регионов Северо-Запада России 105
- Рахманов А. Б.* Страны Балтийского региона в глобальном кулинарном пространстве 122

Международное сотрудничество: исторический аспект

- Васильева Н. А., Косов Ю. В.* Современные тренды ганзейских традиций в Балтийском регионе 142
- Миронюк Д. А., Женгота К.* К вопросу истории развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши: программный подход 156

Рецензия

- Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского союза в регионе Балтийского моря / И. А. Максимцев, А. В. Королева, Н. П. Сирота. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. — 170 с. (Н. М. Межевич, Н. С. Чукалова) 180

CONTENTS

Attraction of the Sea

Fedorov G. M., Mikhailov A. S., Kuznetsova T. Yu. The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region 7

Druzhinin A. G. The coastalisation of population in today's Russia: A socio-geographical explication 28

National and Regional Competitiveness

Kristjánsdóttir H. Country Competitiveness: an Empirical Study 44

Bazhenov Y. N., Elsukov M. Y., Podshuveit O. V. The role of International trade in improving the competitiveness of Saint Petersburg 61

Social Geography

Molodikova I. N., Lyalina A. V. Territorial differences in the attitudes to the migration crisis in Germany: The political aspect 82

Stepanova S. V. Russia's North-West Borders: Tourism Resource Potential 105

Rakhmanov A. B. Countries of the Baltic Region in the Global Culinary Space 122

International cooperation: history

Vasilyeva N. A., Kosov Yu. V. Modern Hanseatic Trends in the Baltic Region 142

Mironyuk D. A., Žegota K. The history of the integration between Russia's Kaliningrad region and Poland's northeastern voivodeships: A programme approach 156

Review

EU — Russia Economic and Trade Cooperation: Current State and Prospects / I. A. Maksimtsev, A. V. Koroleva, N. P. Sirota — Saint Petersburg: UNECON publishing house, 2016 (*N. M. Mezhevich, N. S. Chukalova*) 180

ПРИТЯЖЕНИЕ МОРЯ

ВЛИЯНИЕ МОРЯ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И РАССЕЛЕНИЯ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Г. М. Федоров¹

А. С. Михайлов¹

Т. Ю. Кузнецова¹

Изучение влияния близости моря на экономику и расселение началось в середине XIX века и активизировалось в середине XX века. Исследования выявили, что приморское положение в общем случае положительно влияет на развитие регионов, обычно более освоенных и быстрее развивающихся по сравнению с внутренними территориями. В то же время действие других факторов — природных, социально-экономических, демографических, политических — часто проявляется сильнее, и преимущества оказываются на стороне внутренних территорий. Обе тенденции характерны для макрорегиона Балтийского моря, которое соединяет расположенные на его побережье территории. Однако «притяжение моря» от места к месту неодинаково. В статье показаны наиболее существенные территориальные, в том числе межстрановые, различия, отражающие разную роль близости Балтийского моря в развитии экономики и расселения стран макрорегиона. Качественные различия мезорегионов выявляются с помощью сочетания теоретической и эмпирической типологизации. Посредством экономико-статистического и картографического анализа выделен тип мезорегионов — приморских коридоров развития, играющих решающую роль в экономическом развитии и консолидации Балтийского макрорегиона. Соответствующие типологические различия регионов должны учитываться в стратегическом и территориальном планировании, в том числе (в транснациональных макрорегионах) на межгосударственном уровне.

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.01.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1

© Федоров Г. М., Михайлов А. С.,
Кузнецова Т. Ю., 2017

Ключевые слова: притяжение моря, Балтийское море, Балтийский макрорегион, типология регионов, приморские коридоры развития

Введение

Можно считать доказанным общее положительное воздействие близости моря на экономику и расселение. Однако нельзя отрицать и то, что близость моря — только один из факторов размещения, и не всегда он является главным. Социально-экономические и экономико-демографические различия приморских регионов России весьма значительны, то есть действие приморского фактора (способствующего развитию) во многих случаях уступает по своему значению другим факторам, как природным, так и социально-экономическим, в особенности экономико-географическому положению. В ряде случаев наиболее велико значение таких природных факторов, как наличие ценных полезных ископаемых. Могут сильно сказываться различия в темпах воспроизводства населения. Близость экономически развитых регионов (как российских, так и зарубежных) способствует развитию рассматриваемого субъекта РФ, удаленность — препятствует. В странах и регионах со слабым развитием внешнеэкономических связей и замкнутостью хозяйства на национальный рынок преимущества в развитии получают внутренние регионы благодаря их центральному географическому положению.

Для целей прогнозирования регионального развития и проведения государствами региональной политики целесообразно выделить типы регионов по степени обусловленности их развития приморским положением с учетом динамики протекающих в них экономических процессов и изменений в расселении. На международном уровне такие исследования особенно актуальны в Балтийском регионе в связи с наличием здесь межгосударственных органов, координирующих пространственное развитие. В рамках Совета государств Балтийского моря (СБГМ) действуют программа «Видение и стратегии вокруг (региона) Балтийского моря» (Vision and Strategies around the Baltic Sea Region, VASAB), программа трансграничного сотрудничества «Интеррег. Регион Балтийского моря. 2014—2020», принимаются меры по координации Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года и обновленная Стратегия ЕС для региона Балтийского моря. В данной статье рассматриваются некоторые пространственные особенности влияния близости моря на экономическое развитие территории Балтийского транснационального региона.

Изученность вопроса

Исследование «притяжения моря» в иностранной научной практике

Изучение влияния близости моря на концентрацию хозяйственной активности и населения начато давно, в середине XIX века. Большинство западных научных исследований, реализуемых в контексте общественной географии, проводятся на примере Средиземноморского ре-

гиона, где анализ темпов урбанизации и динамики численности населения свидетельствует о планомерном усилении эффекта талассоаттрактивности — тяготения хозяйственной активности к морскому или океаническому побережью (англ. coastalization) — с середины XX века [30; 36; 38; 40; 46; 47; 56 и др.]. Согласно [41], усиление феномена талассоаттрактивности привело к тому, что с 1950 по 2000 год увеличение численности населения прибрежных городов Южной Европы составило до 1,8 раза.

«Прибрежный ажиотаж» [41, с. 430] также фиксируется в результатах исследований на национальном уровне. В Греции [49] и Португалии [32] наблюдается тенденция разрастания городов за счет урбанизации окраинных пригородных приморских территорий. Концентрация населения, экономической активности, инфраструктуры отмечается в приморских зонах Ливана [42] и Испании [56], в том числе автономной области Каталония [50]. Непропорциональное распределение валового регионального продукта в пользу приморских территорий отмечается в Ирландии [37]. Свидетельства неравномерности социально-экономического пространства вследствие прибрежного (морского и океанического) притяжения отмечаются в Индии [54], Китае [51], США [39] и других странах по всему миру.

Несбалансированная демографическая динамика между внутренними (то есть континентальными, срединными) и приморскими регионами стран, вне зависимости от уровня экономического развития, привела к тому, что большинство современных метрополий располагается на территории или близ приморских зон [48; 53]. По оценкам ученых, 70—85% мировых городов с населением более 10 млн человек, включая столицы Бангладеш, Бразилии, Индии, Нигерии, Японии, находится в пределах 100-километровой приморской зоны [33; 44; 45; 52]. При этом, как отмечает [55], беспрецедентный уровень освоения прибрежной зоны стремительно расширяется территориально.

Изученность «притяжения моря» российскими учеными

В России изучение влияния близости моря на развитие экономики и расселения получило распространение во второй половине XX века. Правда, Л. И. Мечников, известный русский ученый опубликовал свою знаменитую книгу «Цивилизация и великие исторические реки», еще в 1889 году. Публикация эта вышла на французском языке в Париже, поскольку ее автор проживал в эмиграции в Швейцарии [43]. А первый ее перевод на русский язык был сделан в 1898 году [17]. Л. И. Мечников, подчеркивая роль морских пространств в истории человечества, попытался обосновать следующую последовательность смен цивилизаций: речная — морская — океаническая.

В СССР влияние близости моря на размещение и развитие экономики и расселения стало активно изучаться с середины 1960-х годов. В это время начали динамично развиваться связанные с морем виды экономической деятельности. Значительных размеров достигли внеш-

неторговые связи Советского Союза, а в их обеспечении, особенно с ростом торговли с развитыми капиталистическими и развивающимися странами, все большую роль играл морской транспорт. В 1960 году внешнеторговый оборот превысил уровень 1950-го (в сопоставимых ценах) в 3 раза, в 1970 году — в 7 раз, в 1980-м в 13 раз, в 1986-м — в 16 раз. Вылов рыбы и морепродуктов, не достигавший в 1950 году 2 млн т, возрос к 1975 году до 10 млн т [19]. На морских побережьях Черного и Балтийского морей стало быстро развиваться санаторно-курортное хозяйство. Усиление роли связанных с морем отраслей экономики повлияло на повышенные темпы роста численности населения приморской зоны, в частности, ее прибрежной части. Возросла потребность в научном обосновании развития приморских территорий и их территориального планирования. Началось становление отечественной экономической географии Мирового океана, одним из важных направлений которой стало исследование влияния моря на развитие приморских территорий.

Большой вклад в создание в 1970—1980-е годы теоретических основ комплексных географических исследований роли приморских зон в экономическом развитии страны внесли работы С. Б. Лаврова, В. В. Поксишевского, С. С. Сальникова, П. Я. Бакланова, В. С. Бондаренко, В. А. Дергачева, Б. С. Залогина, В. И. Лымарева, С. Б. Слевича и др. [4; 6; 9; 11; 14; 16; 20; 21; 23; 29]. В 1990-е годы число публикаций по экономической географии Мирового океана резко сократилось, но в 2000-е годы исследования контактной зоны «море — суша» вновь активизировались, что выразилось в росте числа публикаций и более глубокой проработке проблем районирования приморских территорий и подробном изучении некоторых из них. Стали обосновываться меры использования их географических преимуществ в стратегическом и территориальном планировании. Значительный вклад в исследование влияния моря на развитие экономики и расселения в постсоветский период внесли А. П. Алхименко, И. С. Арзамасцев, П. Я. Бакланов, Л. А. Безруков, Г. Г. Гогоберидзе, С. М. Говорушко, Н. В. Гонтарь, А. Г. Дружинин, В. В. Ивченко, С. С. Лачининский, А. С. Михайлов, С. А. Сухинин, Г. М. Федоров и др. [1; 2; 5; 7; 10; 12; 15; 18; 24; 27].

Различия приморских стран и регионов Балтики по характеру влияния моря на их развитие

Со времен викингов и Ганзы Балтийское море играет важную роль в транспортных коммуникациях, соединяющих населяющие его побережье народы и способствующих развитию приморских городов как центров взаимной морской торговли прилегающих к ним территорий. Однако в разных частях Балтийского макрорегиона значение близости моря неодинаково, и степень освоенности морского побережья сильно различается. Влияние близости моря естественным образом сказывается на размещении крупных городских агломераций, сформировавшихся вокруг морских портов, ряд которых одновременно являются столица-

ми — нынешними (Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки, Рига, Таллин) или бывшими (Санкт-Петербург). Но не меньшее влияние оказывают и климатические условия, обуславливающие снижение плотности населения с севера на юг вне зависимости от близости моря. Для Германии, Польши и Литвы вообще характерна более высокая плотность населения удаленных от моря территорий (рис. 1). Общей закономерностью является также меньшая заселенность территорий стран ЕС, прилегающих к бывшей границе СССР и нынешней границе РФ.

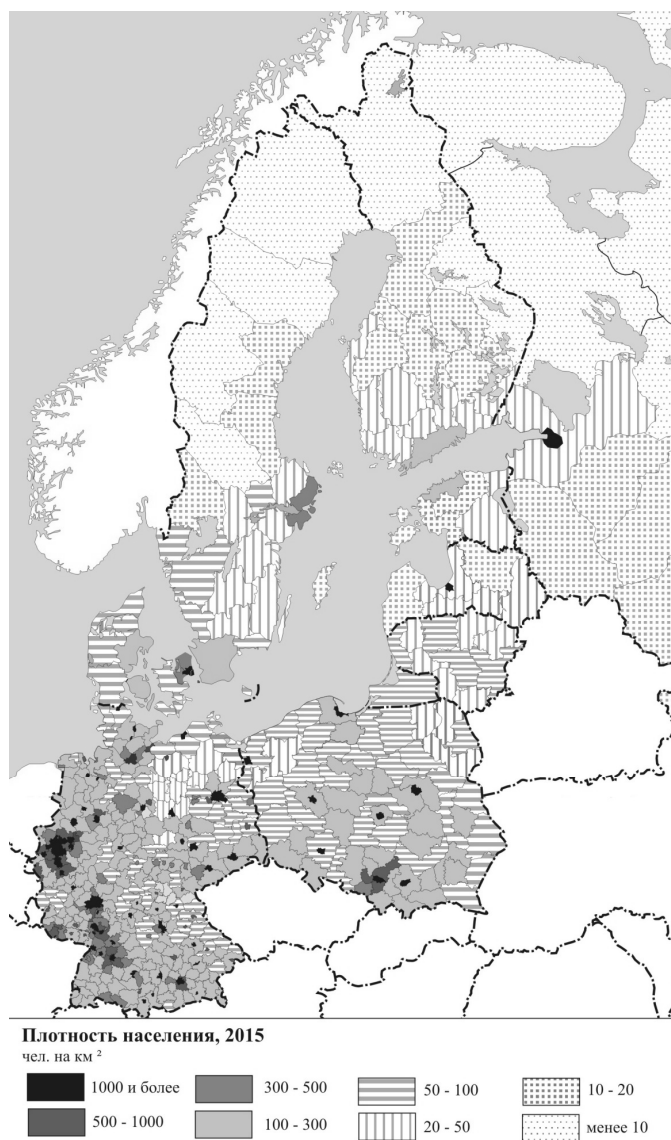

Рис. 1. Плотность населения микрорегионов стран Балтийского региона и балтийских субъектов РФ, 2015

Составлено авторами на основе данных: [28; 31].

Еще лучше, чем плотность населения, дифференциацию территории отражает показатель поля расселения. На рисунке 2 четко прослеживаются территориальные различия «притяжения моря», которые позволяют разделить страны Балтийского региона на три группы:

- 1) со значительным «притяжением» (Швеция, Дания, Финляндия, Латвия, Эстония);
- 2) с меньшим влиянием близости моря на экономику и расселение (Германия, Польша, Литва);
- 3) с большой дифференциацией территории, на одной части которой «притяжение моря» значительно, а на другой не наблюдается (Россия).

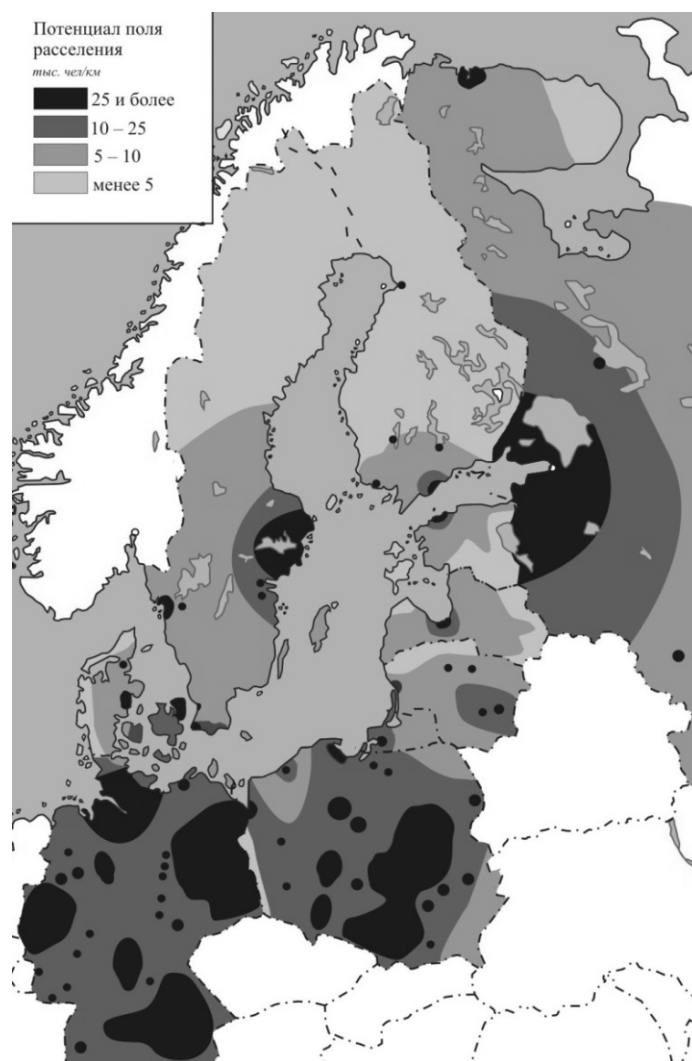

Рис. 2. Потенциал поля расселения стран Балтийского региона и балтийских субъектов РФ

Составлено авторами.

Но с течением времени роль «притяжения моря» усилилась и в тех странах, где внутренние регионы освоены лучше приморских.

Так, средняя плотность населения пяти приморских земель Германии (Бремен, Гамбург, Нижняя Саксония, Мекленбург-Форпоммерн, Шлезвиг-Гольштейн) составляет 176 человек на км², тогда как во внутренних землях — 251 человек на км². Но в 2011—2017 годы темпы роста численности населения во всех приморских землях, кроме Мекленбург-Форпоммерн, были выше (1% в год), чем во внутренних (0,3%). При этом население Гамбурга возросло на треть [34]. Это позволяет судить о том, что исторически более освоенными и заселенными были внутренние районы Германии, а в настоящее время быстрее развиваются приморские (за исключением земли Мекленбург-Форпоммерн, территория которой ранее входила в состав ГДР).

В Польше приморские воеводства (Варминьско-Мазурское, Западно-Поморское, Поморское) в целом также имеют более низкую (в 1,6 раза) плотность населения по сравнению с внутренними. И точно так же, как в приморских землях Германии, за 2011—2017 годы они имели более благоприятные показатели динамики численности населения. Численность жителей здесь увеличилась на 0,2%, тогда как на внутренних территориях — сократилась на 0,4%. При этом в Поморском воеводстве, ядро которого составляет Трехградье (агломерация Гданьск — Гдыня — Сопот), численность населения возросла на 2,1%. Примечательно, что в двух других приморских воеводствах, менее урбанизированных и заселенных, число жителей уменьшилось, но меньше, чем во внутренних регионах.

Более детально динамику численности населения микрорегионов Балтийского макрорегиона отражает рисунок 3. Характерен рост численности населения большинства приморских регионов Северных стран, Германии, Эстонии и России. Но внутренние регионы Германии имеют более высокие темпы роста по сравнению с приморскими, большинство расположенных на морском побережье регионов Польши (кроме Трехградья) теряет население.

Различия стран и регионов по степени влияния моря на хозяйственную деятельность отражает также рисунок 4. Как можно заметить, более низкий уровень грузооборота морских портов в расчете на 1000 жителей имеет Польша, Германия и Россия. Значительно выше показатели Северных стран и Литвы. И самые высокие — в Латвии, Эстонии и на Северо-Западе РФ¹. На последнюю группу приходится обслуживание значительной части внешнеторгового оборота российских регионов, не относящихся к Северо-Западу РФ.

¹ Здесь к Северо-Западу РФ отнесены Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская и Калининградская области («Северо-Запад в узком смысле»).

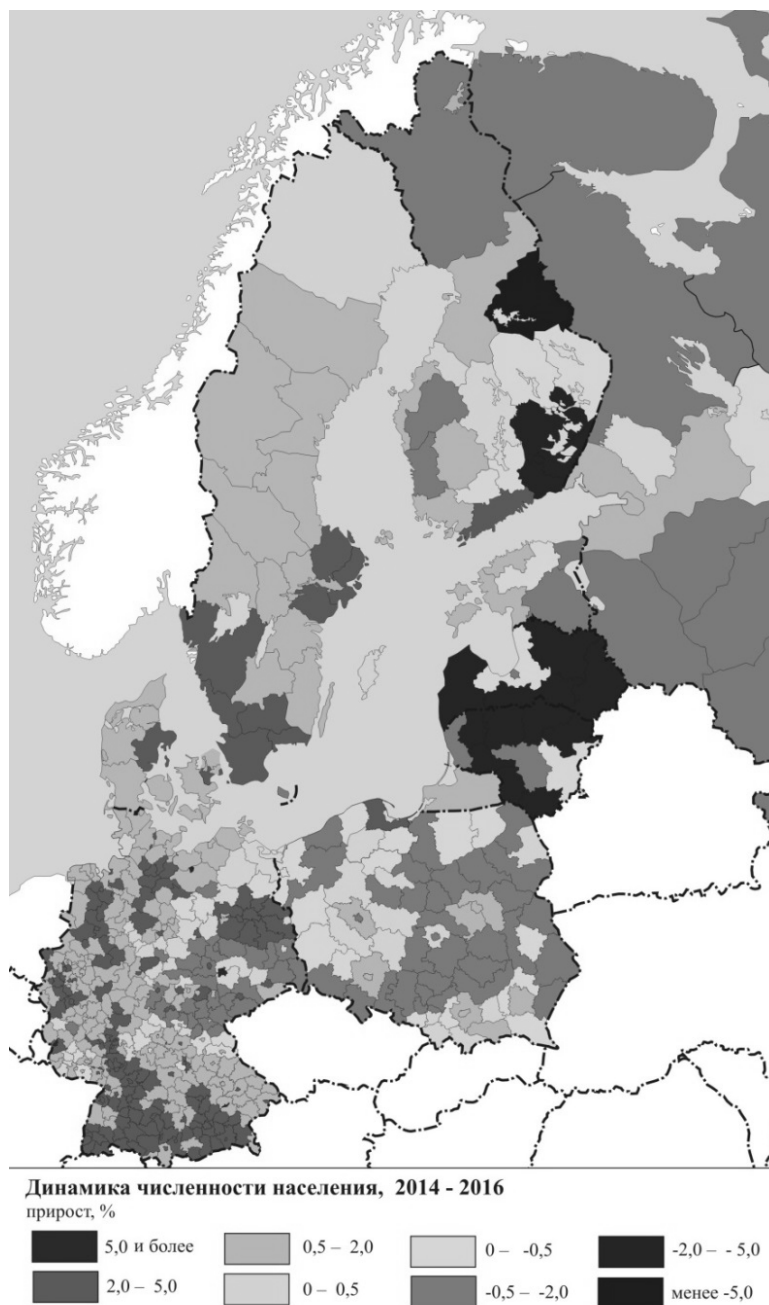

Рис. 3. Динамика численности населения микрорегионов стран Балтийского региона и балтийских субъектов РФ, 2014—2016

Составлено авторами на основе данных: [28; 31].

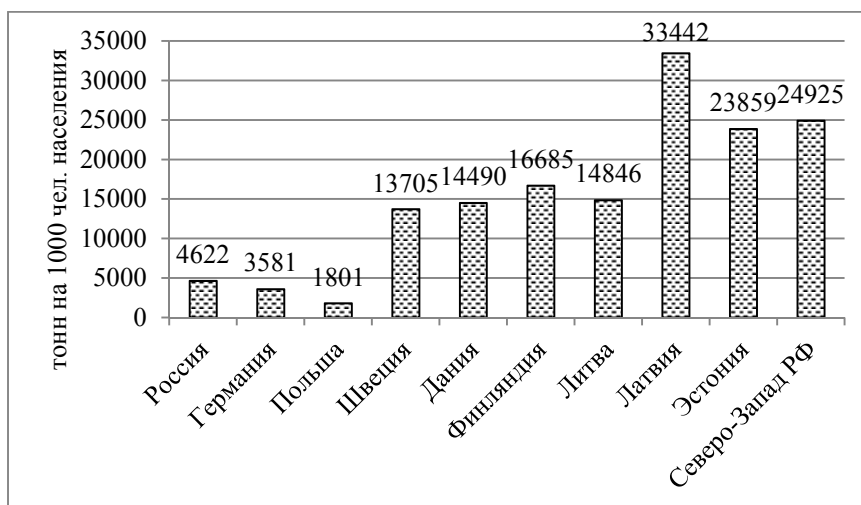

Рис. 4. Грузооборот морских портов, тонн в расчете на 1000 человек населения, 2015

Составлено авторами на основе данных: [3; 34].

Различия динамики численности населения приморских регионов РФ в разрезе морских бассейнов

В России территориальные различия влияния моря на экономику и расселение еще более значительны. Слабо заселенные побережья морей Тихого и Северного Ледовитого океанов сильно отличаются от хорошо освоенных побережий Балтийского, Черного, Азовского и Каспийского морей.

В приморской зоне Российской Федерации в советский период численность населения возрастала гораздо быстрее, чем во внутренних регионах, а после распада СССР различия между темпами прироста (сокращения) численности населения приморских и внутренних регионов хотя и сохранились, но существенно сократились. Если в 1959—1989 годы на побережье всех морских бассейнов численность населения возрастала, причем быстрее, чем во внутренних регионах, то в дальнейшем темпы прироста населения субъектов РФ, расположенных на побережье морей Арктического и Дальневосточного бассейнов, стали ниже, чем во внутренних регионах страны.

В целом за период 1959—2016 годов удельный вес приморских регионов в общей численности населения РФ возрос с 18,2 до 22,8%. Увеличение было характерно для регионов Балтийского, Азово-Черноморского, азиатской части Арктического и Каспийского бассейнов. Доля Дальневосточного и европейской части Арктического бассейнов в общей численности населения РФ сократилась. Данная тенденция сохранилась и в 2011—2016 годы (табл. 1).

Таблица 1

**Изменение удельного веса приморских и внутренних регионов
в численности населения Российской Федерации, 1959—2016**

Регион	Год			
	1959	1989	2011	2016
Бассейны:				
Балтийский	4,42	5,12	5,26	5,51
Арктический (европейская часть)	2,16	2,41	1,89	1,80
Арктический (азиатская часть)	2,35	3,11	3,00	3,01
Дальневосточный	2,96	3,78	3,02	2,94
Каспийский	1,67	2,12	2,94	2,98
Азово-Черноморский	6,80	7,75	8,26	8,33
Итого приморские регионы	18,24	21,91	22,50	22,79
Внутренние регионы	81,76	78,09	77,50	77,21
<i>Всего</i>	100	100	100	100

Составлено авторами на основе данных [26].

Что касается регионов РФ, расположенных на Балтике, доля находящихся здесь субъектов (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области) в общей численности населения РФ за 1959—2016 годы возросла с 4,4 до 5,5%

Выделение регионов — приморских коридоров развития

Существенные различия факторов и особенностей развития приморских регионов позволили Г.Г. Гогоберидзе выполнить комплексную типологию приморских регионов Мирового океана [7]. Выделенные им типы качественно различаются как природными, так и хозяйственными особенностями и темпами социально-экономического и демографического развития.

Наиболее эффективным способом выделения типов регионов мы считаем сочетание эмпирической и теоретической типологизации. Наиболее удачна, на наш взгляд, теоретическая типологизация регионов Дж. Фридманна [35]. Он выделяет регионы-ядра (ключевые регионы), продвинутые регионы, коридоры развития, сырьевые и отстающие (депрессивные) регионы. Этот перечень в работах калининградских ученых дополняется международными коридорами развития, которые располагаются между регионами-ядрами двух или нескольких стран [13].

Примером использования эмпирических данных для типологизации приморских регионов России служит типология, выполненная в 2016 году Г. М. Федоровым. С помощью ряда количественных признаков реги-

оны отнесены к тому или иному типу, выделенному Дж. Фридманном (с последующими дополнениями) на основе теоретического выделения гипотетически возможных типов [27].

Разрабатывая идею о международных коридорах развития, мы предлагаем выделить в их составе приморские коридоры развития. Кроме того, по нашему мнению, некоторые регионы могут содержать признаки более чем одного типа. Так, приморскими коридорами развития в Балтийском регионе являются все расположенные на морском побережье регионы-ядра, формирующиеся вокруг крупнейших городских агломераций Балтийского макрорегиона. Как коридоры развития они развиваются не только (а иногда и не столько) за счет расположения между другими регионами-ядрами своей страны и зарубежных государств, но и сами имеют тесные связи с наиболее развитыми иностранными регионами. Таковы регионы-ядра и одновременно приморские коридоры развития, сформировавшиеся вокруг Стокгольма, Копенгагена, Хельсинки. Санкт-Петербургская агломерация, находящаяся на коммуникациях Московского метрополитенского ареала с зарубежными регионами-ядрами, и сама является регионом-ядром, что усиливает ее значение как приморского коридора развития.

Два других расположенных на Балтике субъекта РФ (Ленинградская и Калининградская области) относятся к приморским коридорам развития. К этому типу могут быть отнесены и несколько зарубежных приморских центров: польские Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот) и Щецин, шведские Гетеборг и Мальмё, финский Турку.

Расположенные на Балтике российские регионы имеют наиболее выгодное экономико-географическое положение среди всех приморских субъектов РФ, поскольку расположены вблизи главных внешнеэкономических партнеров России — стран ЕС, на которые (даже после резкого сокращения взаимного товарооборота в 2015—2016 годы) в 2016 году пришлось 42,8% объема российской внешней торговли.

Некоторые данные о социально-экономическом положении балтийских регионов РФ приведены в таблице 2. Большинство их социально-экономических показателей более благоприятны по сравнению со среднероссийскими. Среди других субъектов РФ все они отличаются высокой освоенностью территории, более значительными душевыми объемами производства продукции обрабатывающей промышленности, высоким уровнем отношения объема внешней торговли к ВРП, намного более высоким коэффициентом миграционного прироста. Их морские порты, особенно Санкт-Петербург и порты Ленинградской области, обрабатывают большие объемы внешнеторговых грузов.

Вместе с тем Санкт-Петербург, имея среди трех рассматриваемых регионов самый высокий уровень ВВП на душу населения, характеризуется сравнительно низкими темпами его роста. Инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения в нем практически равны среднероссийским, в Ленинградской области **в** **немногого** выше, а в Калининградской области составляют только две трети от среднего по РФ уровня. Можно предположить, что потенциал этих регионов как приморских коридоров развития стал использоваться не в полной мере.

Таблица 2

Некоторые показатели РФ и балтийских субъектов РФ

Показатель	Российская Федерация	С.-Петербург	Ленинградская обл.	Калининградская обл.
Плотность населения, человек на км ² , 01.01.2016	8,5	3733	21	65
Основные фонды на одного занятого, тыс. руб., 2015	2350	2042	3594	1294
ВРП на душу населения, тыс. руб., 2014	403	511	402	316
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб., 2015	99	100	112	64
Продукция обрабатывающих производств, тыс. руб. на душу населения, 2015	226	379	460	409
ВРП 2014 года по отношению к 2005 году (в текущих ценах), %	327	241	348	374
Оборот внешней торговли по отношению к ВРП, 2014, %	51	76	107	243
Грузооборот морских портов, млн т, 2015	676,7	51,1	166,9	12,7
Удельный вес в грузообороте морских портов РФ, %	100,0	7,6	24,7	1,9
Коэффициент миграционного прироста, на 1000 человек населения, 2015	1,7	4,9	6,8	8,2

Составлено авторами на основе данных: [8; 22; 26].

Заключение

Хотя близость моря среди факторов размещения занимает видное место, положительно сказываясь на концентрации экономики и населения, во многих случаях приморское положение существенно уступает другим факторам, в особенности природным. Северные и восточные приморские регионы России с неблагоприятным для жизни населения климатом развиваются медленнее внутренних регионов.

На Балтике выделяются государства как с концентрацией населения в приморской зоне — Северные страны, Латвия и Эстония — так и страны, где освоенность приморских регионов ниже, чем континентальных — Германия, Польша — хотя в последние годы и здесь имеет место более быстрое развитие территорий, расположенных на морском побережье. Для России характерна тенденция более быстрого развития приморских регионов, за исключением Арктического и Дальневосточного бассейнов.

Безусловно, и стратегическое, и территориальное планирование должно учитывать специфику приморских регионов. Однако к ним нельзя применять единообразные стратегии. Наибольшие возможности

ускоренного развития имеют регионы — приморские коридоры развития (особенно если они являются также регионами-ядрами, как Санкт-Петербург, обладающий большим социально-экономическим и инновационным потенциалом). Обеспечивая экономические связи между регионами — ядрами взаимодействующих стран, они не только обрабатывают транзитные грузы и участвуют в их доработке, но и развивают собственные производства товаров и услуг, заимствуя и модифицируя инновации регионов, внешние связи которых они обслуживают. Подобная вовлеченность приморских коридоров развития в международные производственные и инновационные сети обуславливает формирование узлов международных, в том числе трансграничных и трансакваториальных, кластеров на территории регионов этого типа. Данный факт в значительной степени способствует развитию территориальных социально-экономических и инновационных систем приморских регионов стран Балтийского моря и требует дальнейшего детального изучения.

Список литературы

1. Алхименко А. П. Вопросы региональной организации морского природопользования и управления морехозяйственными комплексами // Региональная организация и управление морехозяйственными комплексами страны : тез. докл. V Конференции по географии и картографированию океана / отв. ред. А. П. Алхименко. СПб., 1992. С. 3—8.
2. Арзамасцев И. С., Бакланов П. Я., Говорушко С. М. и др. Прибрежно-морское природопользование: теория, индикаторы, региональные особенности. Владивосток, 2010.
3. Ассоциация морских торговых портов. URL: www.morport.com/rus/news/document1751/shtml (дата обращения: 01.02.2017).
4. Бакланов П. Я. Формирование акваториальных хозяйственных комплексов и районов на Дальнем Востоке // Приморские регионы: географические и социально-экономические проблемы развития. Владивосток, 1987. С. 84—93.
5. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
6. Бондаренко В. С. Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестник МГУ. Сер.: География. 1981. № 1. С. 77—81.
7. Гогоберидзе Г. Г. Комплексное регионирование приморских территорий Мирового океана. СПб., 2007.
8. Грузооборот морских портов России за январь-декабрь 2015 г. // Ассоциация морских торговых портов. URL: <http://www.morport.com/rus/news/document1751.shtml> (дата обращения: 01.01.2017).
9. Дергачев В. А. Социально-экономические аспекты изучения береговой зоны океана // Вопросы географии. М., 1982. Сб. 119 : Морские берега. С. 11—18.
10. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. № 2 (28). С. 85—100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.
11. Залогин Б. С. Экономическая география Мирового океана. М., 1984.
12. Ивченко В. В. Сетевое программирование развития приморских регионов России. Калининград, 2008.

13. Клемешев А. П., Федоров Г. М. От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.
14. Лавров С. Б., Сальников С. С. Промышленный «сдвиг к морю» и формирование индустриально-портовых комплексов // География океанов : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Е. Шведе. Л., 1975. С. 51—56.
15. Лачининский С. С., Семенова И. В. Позиционирование мирового приморского города Санкт-Петербурга в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2015. №3 (25). С. 62—75. doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-4.
16. Лымарев В. И. Морские берега и человек. М., 1986.
17. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб., 1898.
18. Михайлов А. С. География международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 149—163. doi: 10.5922/2074-9848-2014-1-10.
19. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
20. Покшишевский В. В. Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения // Изв. Всесоюз. Геогр. о-ва. 1975. Т. 107, вып. 1. С. 29—35.
21. Покшишевский В., Федоров Г. Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // География океана: теория, практика, проблемы. Л., 1988. С. 148—161.
22. Регионы России. 2016. М., 2016.
23. Слевич С. Б. Океан, ресурсы и хозяйство. Л., 1988.
24. Социально-экономическое развитие приморских регионов Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2016.
25. Сухинин С. А. «Приморский фактор» в современной центрo-периферийной структуре Ростовской области: специфика проявления и учет в системе управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. №4. С. 33—39.
26. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).
27. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 121—134. doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-7.
28. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 11.03.2017).
29. Экономическая география Мирового океана / под ред. С. С. Сальникова. Л., 1979.
30. *Antipolis S. Urban Sprawl in the Mediterranean region. Mediterranean Blue Plan.* URL: http://planbleu.org/sites/default/files/publications/urbsprawl_1.pdf (дата обращения: 15.02.2017).
31. *Area by NUTS 3 region // Eurostat.* URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 11.03.2017).
32. *Barreto A. Social Change in Portugal: 1960—2000 // Contemporary Portugal Politics, society and culture / ed. A. C. Pinto. N. Y., 2003. P. 159—182.*
33. *Blackburn S., Marques C. Mega-urbanization on the coast // Megacities and the Coast: risk, resilience and transformation / eds. M. Pelling, S. Blackburn. L.; N. Y., 2013. P. 25—26.*

34. *Database Eurostat*. URL: ec.europa.eu/eurostat/web/transport/data/database (дата обращения: 01.02.2017).
35. *Friedmann J.* A general theory of polarized development. Ford Foundation. Urban and Regional Development Advisory Program in Chile. Santiago, 1967.
36. *Izci R.* How to interpret sustainability in the Mediterranean // The Mediterranean's European challenge. Msida, 2004. Vol. 5 : The European Union and the Mediterranean / ed. P. G. Xuereb. P. 611—628.
37. *Hynes S., Farrelly N.* Defining standard statistical coastal regions for Ireland // *Marine Policy*. 2012. Vol. 36, №2. P. 393—404.
38. *Kasanko M., Barredo J.I., Lavalle, C. et al.* Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas // *Landscape and Urban Planning*. 2006. Vol. 77, №1—2. P. 111—130.
39. *Kildow J.T., McIlgorm A.* The importance of estimating the contribution of the oceans to national economies // *Marine Policy*. 2010. Vol. 34, №3. P. 367—374.
40. *Leontidou L.* The Mediterranean City in Transition. Cambridge, 1990. P. 296.
41. *McFadden L.* Governing Coastal Spaces: The Case of Disappearing Science in Integrated Coastal Zone Management // *Coastal Management*. 2007. Vol. 35, №4. P. 429—443.
42. *Makhzoumi J., Chmaitelly H., Lteif C.* Holistic conservation of bio-cultural diversity in coastal Lebanon: A landscape approach // *Journal of Marine and Island Cultures*. 2012. Vol. 1, №1. P. 27—37.
43. *Metchnikoff L.* La civilisation et les grands fleuves historiques. P., 1889.
44. *Nicholls R.J., Wong P.P., Burkett V.R. et al.* Coastal systems and low-lying areas. *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Portnews*. URL: <http://portnews.ru/news/227777/> (дата обращения: 01.01.2017).
45. *Pullen J., Ching J., Sailor D. et al.* Progress toward the challenges of our coastal urban future // *Bulletin of the American Meteorological Society (BAMS)*. 2008. November. P. 1727—1731.
46. *Salvati L.* Looking at the Future of the Mediterranean Urban Regions: Demographic Trends and Socioeconomic Implications // *Romanian journal of regional science*. 2014. Vol. 8, №2. P. 74—83.
47. *Salvati L., Forino G.* A 'laboratory' of landscape degradation: social and economic implications for sustainable development in peri-urban areas // *Innovation and Sustainable Development*. 2014. Vol. 8, №3. P. 232—249.
48. *Salvati L., Zitti M.* Territorial disparities, natural resource distribution, and land degradation: a case study in southern Europe // *Geojournal*. 2007. Vol. 70, №2—3. P. 185—194.
49. *Sayas J.P.* Urban sprawl in the peri-urban coastal zones of Athens // *The Greek Review of Social Research*. 2006. Special issue 121. P. 71—104. URL: <http://dx.doi.org/10.12681/grsr.9569>
50. *Serra P., Vera A., Tulla A.F.* Spatial and Socio-environmental Dynamics of Catalan Regional Planning from a Multivariate Statistical Analysis Using 1980s and 2000s Data // *European Planning Studies*. 2014. Vol. 22, №6. P. 1280—1300. doi: 10.1080/09654313.2013.782388
51. *Shi-Qing L., Rui L.* Reshaping Economic Geography of China: "Four Little Dragons" and a New Round of China's Western Development // *RSA China Conference 2015: "Harmonious Development, Common Prosperity and the Transformation of Cities and Regions"*. URL: <http://www.regionalstudies.org/uploads/funding/conferences/presentations/european-conference-2012/presentations/shiqing-and-rui.pdf> (дата обращения: 11.02.2017).

52. *Schubel J. R., Carolyn L.* The Emergence of Megacities // *Medicine and Global Survival*. 2000. Vol. 6, №2. P. 107—110.

53. *Small C.* Global population distribution and urban land use in geophysical parameter space // *Earth Interactions*. 2004. Vol. 8. P. 1—18.

54. *Sreeja K. G., Madhusoodhanan C. G., Eldho T. I.* Coastal zones in integrated river basin management in the West Coast of India: Delineation, boundary issues and implications // *Ocean and Coastal Management*. 2016. Vol. 119. P. 1—13. doi.: 10.1016/j.ocecoaman.2015.09.017.

55. *Stojanovic T. A., Farmer C.* The development of world oceans & coasts and concepts of sustainability // *Marine Policy*. 2013. Vol. 42. P. 157—165. doi: 10.1016/j.marpol.2013.02.005.

56. *Suárez Vivero J. L. de, Rodríguez Mateos J. C.* Coastal Crisis: The Failure of Coastal Management in the Spanish Mediterranean Region // *Coastal Management*. 2005. Vol. 33, №2. P. 197—214. doi: 10.1080/08920750590917602.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Об авторах

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

Татьяна Юрьевна Кузнецова, кандидат географических наук, доцент Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

Для цитирования:

Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №2. С. 7—27. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1.

THE INFLUENCE OF THE SEA ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT AND SETTLEMENT STRUCTURE IN THE BALTIC SEA REGION

G. M. Fedorov¹

A. S. Mikhailov¹

T. Yu. Kuznetsova¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on January 20, 2017

Earliest studies into the influence of the sea on the economy and settlement structure date back to the mid-19th century. They became common in the 20th century. Researchers have come to a general understanding that a coastal position has a beneficial effect on the development of regions. Such areas have a denser population and develop more rapidly than inland regions. At the same time, the effect of environmental, socioeconomic, demographic, and political factors is often stronger than the influence of the sea. Thus, an inland position can be more beneficial than a coastal one. Both trends are observed in the Baltic Sea macroregion. However, the 'gravitational force' of the sea varies from place to place. This article focuses on the most significant differences between territories and countries. These differences reflect the uneven influence of the proximity of the Baltic Sea on the development of population and national economies. Qualitative differences between mesoregions are measured using a combination of theoretical and empirical typologies. An economic, statistical, and cartographic analysis helps to identify a special type of mesoregions — coastal development corridors, which make an important contribution to the economic development and consolidation of the Baltic macroregion. In transnational macroregions, such typological differences must be taken into account in strategic and spatial planning at the intergovernmental level.

Key words: gravitational force of the sea, Baltic Sea, macroregion, typology of regions, coastal development corridors

References

1. Alkhimenko, A. P. 1992, Issues of the regional organization of marine nature management and management of marine complexes. In: Alkhimenko, A. P. (ed.) *Regional'naya organizatsiya i upravlenie morekhozyaistvennymi kompleksami strany*, Abstracts of the Vth Conference on Geography and Oceanography, St. Petersburg, p. 3—8. (In Russ.)
2. Arzamastsev, I. S., Baklanov, P. Ya., Govorushko, S. M. etc. 2010, *Pribrezhno-morskoe prirodopol'zovanie: teoriya, indikatory, regional'nye osobennosti* [Coastal-marine nature management: theory, indicators, regional features], Vladivostok. (In Russ.)
3. Association of Sea Commercial Ports, 2017, available at: www.morport.com/rus/news/document1751/shtml (accessed 01.02.2017). (In Russ.)

4. Baklanov, P. Ya. 1987, Formation of aqua-territorial economic complexes and areas in the Far East. In: *Primorskie regiony: geograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya* [Primorye regions: geographical and socio-economic development problems], Vladivostok, p. 84—93. (In Russ.)
5. Bezrukov, L. A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in international and regional development], Novosibirsk. (In Russ.)
6. Bondarenko, V. S. 1981, Economic and geographical study of coastal zones, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografia*, no. 1, p. 77—81. (In Russ.)
7. Gogoberidze, G. G. 2007, *Kompleksnoeregionirovanie primorskikh territorii Mirovogo okeana* [Complexregion of coastal territories of the World Ocean], St. Petersburg. (In Russ.)
8. Cargo turnover of Russia's seaports for January-December 2015, 2016, *Association of Sea Commercial Ports*, available at: <http://www.morport.com/rus/news/document1751.shtml> (accessed 01.01.2017). (In Russ.)
9. Dergachev, V. A. 1982, Socio-economic aspects of studying the coastal zone of the ocean, *Voprosy geografii, Morskie berega* [Questions of geography, Seaside beaches], no. 119, Moscow, St. Petersburg, p. 11—18. (In Russ.)
10. Druzhinin, A. G. 2016, Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 57—67. DOI: 10.5922/2079-8555-2016-2-5.
11. Zalagin, B. S. 1984, *Ekonomicheskaya geografiya Mirovogo okeana* [Economic geography of the World Ocean], Moscow. (In Russ.)
12. Ivchenko, V. V. 2008, *Setevoe programmirovaniye razvitiya primorskikh regionov Rossii* [Network programming development of coastal regions of Russia], Kaliningrad. (In Russ.)
13. Klemeshev, A. P., Fedorov G. M. 2004, *Ot izolirovannogo eksklava — k «koridoru razvitiya»*. *Al'ternativy rossiiskogo eksklava na Baltike* [From an isolated exclave — to the "corridor of development". Alternatives to the Russian oil in the Baltic], Kaliningrad. (In Russ.)
14. Lavrov, S. B., Salnikov, S. S. 1975, Industrial "shift to the sea" and the formation of industrial-port complexes. In: Shvede, E. E. *Geografiya okeanov* [Geography of the oceans], collection of scientific papers, Leningrad, p. 51—56. (In Russ.)
15. Lachininskii, S., Semenova, I. 2015, Saint Petersburg as a Global Coastal City: Positioning in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 7, no. 3, p. 47—57. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-3-4.
16. Lymarev, V. I. 1986, *Morskie berega i chelovek* [Sea coast and people], Moscow. (In Russ.)
17. Mechnikov, L. I. 1898, *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki. Geograficheskaya teoriya razvitiya sovremennykh obshchestv* [Civilization and the great historical rivers. Geographic theory of the development of modern societies], St. Petersburg. (In Russ.)
18. Mikhailov, A. S. 2014, Geography of international clusters in the Baltic region, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 1, p. 113—123. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-10.
19. *The national economy of the USSR for 70 years*, 1987, Jubilee statistical yearbook, Moscow. (In Russ.)
20. Pokshishevsky, V. V. 1975, Theoretical aspects of the attraction of settlement to the sea coasts and the experience of quantifying this attraction, *Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 107, no. 1, p. 29—35. (In Russ.)

21. Pokshishevsky, V., Fedorov, G. 1988, The fundamentals of population geography and settlement within the World Ocean, *Geografiya okeana: teoriya, praktika, problemy* [Geography of the ocean: theory, practice, problems], Leningrad, p. 148—161. (In Russ.)
22. Regions of Russia. 2016, 2016, Moscow. (In Russ.)
23. Slevich, S.B. 1988, Okean, resursy i khozyaistvo [Ocean, resources and economy], Leningrad. (In Russ.)
24. Druzhinin, A.G. (ed.) 2016, *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie primorskikh regionov Evropeiskoi chasti Rossii: faktory, trendy, modeli* [Socio-economic development of the coastal regions of the European part of Russia: factors, trends, models], Rostov-on-Don. (In Russ.)
25. Sukhinin, S.A. 2015, "Primorsky factor" in the modern centro-peripheral structure of the Rostov region: the specificity of manifestation and accounting in the management system, *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, no. 4, p. 33—39. (In Russ.)
26. The Federal Service of State Statistics, 2017, available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 01.02.2017). (In Russ.)
27. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, Vol. 7, no. 4, p. 89—101. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-7.
28. The population of the Russian Federation by municipalities, 2017, available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (accessed 11.03.2017). (In Russ.)
29. Salnikov, S.S. (ed.) 1979, *Ekonomicheskaya geografiya Mirovogo okeana* [Economic geography of the World Ocean], Leningrad. (In Russ.)
30. Antipolis, S. 2001, *Urban Sprawl in the Mediterranean region. Mediterranean Blue Plan*, available at: http://planbleu.org/sites/default/files/publications/urbsprawl_1.pdf (accessed 15.02.2017).
31. Area by NUTS 3 region, 2017, *Eurostat*, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 11.03.2017).
32. Barreto, A. 2003, Social Change in Portugal: 1960—2000, In: Pinto, A. C. *Contemporary Portugal Politics, society and culture*, N. Y., p. 159—182.
33. Blackburn, S., Marques, C. 2013, Mega-urbanization on the coast. In: Pelling, M., Blackburn, S. *Megacities and the Coast: risk, resilience and transformation*, L., N. Y., p. 25—26.
34. *Database Eurostat*, available at: ec.europa.eu/eurostat/web/transport/data/database (accessed 01.02.2017).
35. Friedmann, J. 1967, *A general theory of polarized development. Ford Foundation. Urban and Regional Development Advisory Program in Chile*, Santiago.
36. Izci, R. 2004, How to interpret sustainability in the Mediterranean. In: Xuereb, P. G. (ed.) *The Mediterranean's European challenge. Msida*, Vol. 5, The European Union and the Mediterranean, p. 611—628.
37. Hynes, S., Farrelly, N. 2012, Defining standard statistical coastal regions for Ireland, *Marine Policy*, Vol. 36, no. 2, p. 393—404.
38. Kasanko, M., Barredo, J.I., Lavalle, C. et al. 2006, Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas, *Landscape and Urban Planning*, Vol. 77, no. 1—2, p. 111—130.
39. Kildow, J.T., McIlgorm, A. 2010, The importance of estimating the contribution of the oceans to national economies, *Marine Policy*, Vol. 34, no. 3, p. 367—374.
40. Leontidou, L. 1990, *The Mediterranean City in Transition*, Cambridge, p. 296.

41. McFadden, L. 2007, Governing Coastal Spaces: The Case of Disappearing Science in Integrated Coastal Zone Management, *Coastal Management*, Vol. 35, no. 4, p. 429—443.
42. Makhzoumi, J., Chmaitelly, H., Lteif, C. 2012, Holistic conservation of bio-cultural diversity in coastal Lebanon: A landscape approach, *Journal of Marine and Island Cultures*, Vol. 1, no. 1, p. 27—37.
43. Metchnikoff, L. 1889, *La civilisation et les grands fleuves historiques*.
44. Nicholls, R. J., Wong, P. P., Burkett, V. R. et al. 2007, Coastal systems and low-lying areas. *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Portnews*, available at: <https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar4/wg2/ar4-wg2-chapter6.pdf> (accessed 01.01.2017).
45. Pullen, J., Ching, J., Sailor D. et al. 2008, Progress toward the challenges of our coastal urban future, *Bulletin of the American Meteorological Society (BAMS)*, November, p.1727—1731.
46. Salvati, L. 2014, Looking at the Future of the Mediterranean Urban Regions: Demographic Trends and Socioeconomic Implications, *Romanian journal of regional science*, Vol. 8, no. 2, p. 74—83.
47. Salvati, L., Forino, G. 2014, A ‘laboratory’ of landscape degradation: social and economic implications for sustainable development in peri-urban areas, *Innovation and Sustainable Development*, Vol. 8, no. 3, p. 232—249.
48. Salvati, L., Zitti, M. 2007, Territorial disparities, natural resource distribution, and land degradation: a case study in southern Europe, *Geojournal*, Vol. 70, no. 2—3, p.185—194.
49. Sayas, J.P. 2006, Urban sprawl in the peri-urban coastal zones of Athens, *The Greek Review of Social Research*, Special issue 121, p. 71—104. DOI: <http://dx.doi.org/10.12681/grsr.9569>.
50. Serra, P., Vera, A., Tulla, A.F. 2014, Spatial and Socio-environmental Dynamics of Catalan Regional Planning from a Multivariate Statistical Analysis Using 1980s and 2000s Data, *European Planning Studies*, Vol. 22, no. 6, p. 1280—1300. DOI: 10.1080/09654313.2013.782388.
51. Shi-Qing, L., Rui, L. 2012, Reshaping Economic Geography of China: “Four Little Dragons” and a New Round of China's Western Development, *RSA China Conference 2015: “Harmonious Development, Common Prosperity and the Transformation of Cities and Regions”*, available at: <http://www.regionalstudies.org/uploads/funding/conferences/presentations/european-conference-2012/presentations/shiqing-and-rui.pdf> (accessed 11.02.2017).
52. Schubel, J.R., Carolyn, L. 2000, The Emergence of Megacities, *Medicine and Global Survival*, Vol. 6, no. 2, p. 107—110.
53. Small, C. 2004, Global population distribution and urban land use in geophysical parameter space, *Earth Interactions*, Vol. 8, p. 1—18.
54. Sreeja, K. G., Madhusoodhanan, C. G., Eldho, T. I. 2016, Coastal zones in integrated river basin management in the West Coast of India: Delineation, boundary issues and implications, *Ocean and Coastal Management*, Vol. 119. p. 1—13. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2015.09.017.
55. Stojanovic, T. A., Farmer, C. 2013, The development of world oceans & coasts and concepts of sustainability, *Marine Policy*, Vol. 42, p. 157—165. DOI: 10.1016/j.marpol.2013.02.005.
56. Suárez Vivero, J. L. de, Rodríguez Mateos, J. C. 2005, Coastal Crisis: The Failure of Coastal Management in the Spanish Mediterranean Region, *Coastal Management*, Vol. 33, no. 2, p. 197—214. DOI: 10.1080/08920750590917602.

The authors

Prof. Gennady M. Fedorov, Director of the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

Dr Andrei S. Mikhailov, Senior Research Associate, Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

Dr Tatyana Yu. Kuznetsova, Associate Professor, the Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

To cite this article:

Fedorov, G. M., Mikhailov, A. S., Kuznetsova, T. Yu. 2017, The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Structure in the Baltic Sea Region, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 7—27. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1.

**ТАЛАССОАТТРАКТИВНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЛИКАЦИЯ**

А. Г. Дружинин^{1, 2}

Талассоаттрактивность населения рассматривается как универсальный (хотя и не повсеместный) пролонгированный общественно-географический феномен, связанный с эволюцией пространственной архитектуры страны, регионов с неустойчивой «балансирующей» социально-экономических потенциалов ведущих городов, с хозяйственной и селитебной проекциями глобальных геоэкологических, геоэкономических и геополитических процессов, с масштабом и эффектами транснациональных, трансграничных контактов, с меняющимися образами тех или иных приморских территорий. Проанализирован присущий России многовековой тренд «перетока» демографического потенциала из «внутриконтинентальных» районов на приморские окраины страны. На обширном эмпирико-статистическом материале показано, что в постсоветский период талассоаттрактивность стала в еще большей мере урбодцентрированной, обрела выраженную региональную и локальную избирательность, фокусируясь на городских агломерациях балтийского, каспийского и отчасти азово-черноморского побережий. Акцентированы (и проиллюстрированы примерами по Российской Федерации) полимасштабные проявления «инверсии талассоаттрактивности» и «квазиаттрактивности» приморских зон. Охарактеризованы факторы и оценены перспективы дальнейшего «притяжения» населения к приморским зонам страны (включая побережья Калининградской области, а также Ленинградской области и Санкт-Петербурга). Показано, что на фоне возросших (в том числе и в контексте смены геостратегического вектора России) социально-экономических рисков приморские зоны продолжают сохранять ключевое положение в обретающей видоизмененную конфигурацию селитебной системе России.

¹ Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105.

² Балтийский федеральный
университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 09.01.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2

© Дружинин А. Г., 2017

Ключевые слова: приморские города, изменение численности населения, морехозяйственный комплекс, трансграничные взаимодействия, Россия

Введение

Представления о существенности влияния «морского фактора» на хозяйственную и селитебную системы человечества, об устойчивом и масштабном «притяжении» населения к морским побережьям, или, иначе, его **талассоаттрактивности** (в англоязычной литературе прева­лирует аналог данного понятия — *coastalization* [1; 2]), как одной из основополагающих составляющих территориальной организации общества являются традиционными и в целом ныне доминирующими. Они базируются не только на текущей общественно-географической аналитике (многочисленных констатациях преимущественной концен­трации населения на приморских территориях как в общепланетарном масштабе [3—5], так и в страновом, региональном форматах [6; 7]), но и на видении исторической «череды» талассократий («морских цивили­заций», по Л. И. Мечникову [8]), на осмыслении многовековой эконо­мической практики (согласно Ф. Броделю, море неизменно «означало богатство» [9, с. 355]). Их результирующей выступают идеологемы о влиянии «морской силы» на историю [10], существенности различий между приморскими и «внутриконтинентальными» территориями [11], роли океанического обмена в экономическом развитии [12] и др.

Оказываясь созвучной геополитическим и геоэкономическим инте­ресам «приморских», «океанических» государств в получении различ­ных выгод и преимуществ от своего позиционирования, функционала, статуса, характера вовлеченности (во многом обеспечиваемой морски­ми коммуникациями [13]) в мирохозяйственные обмены, талассоат­трактивность (как вектор, процесс, структурированное состояние и со­ответствующая им идея) все более обретает черты устойчивого образа, имманентной составляющей современной географической картины ми­ра. С конца 1960-х — начала 1970-х годов (на фоне активнейшего в тот период развития на побережьях СССР портовой инфраструктуры, при­морских рекреационных систем, установления фактически «глобально­го присутствия» нашей страны в Мировом океане) представления о та­лассоаттрактивности (в том числе и с акцентом непосредственно на геодемографическую сферу [14—18]) укореняются, культивируются в отечественной науке. Ныне, на фоне наметившейся с начала 2000-х го­дов устойчивой позитивной динамики портово-логистических ком­плексов, приморских городов и их агломераций, вновь полномасштаб­но воссоздаются условия для активизации соответствующего дискурса [19]. Цель данной статьи — общественно-географическая экспликация феномена талассоаттрактивности в России, выявление современных (характерных для постсоветского периода) масштабов, векторов и фак­торов «притяжения» населения к морским побережьям, оценка пер­спектив исследуемого явления в меняющемся евразийском и глобаль­ном контексте.

Талассоаттрактивность в «континентальной» России: многовековой тренд

История нашей страны, в существенно большей мере идентифицируемой как «континентальная», нежели «приморская» («континент в себе», по П. Н. Савицкому [12], «океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит», по И. А. Ильину [20, с. 7]), — это во многом история «приращения» и последующего освоения (в том числе и «реосвоения» российским государством и русской культурой) ее морских побережий. Процесс этот — пролонгированный, растянувшийся практически на четыре столетия (с периода основания города Архангельска и вплоть до заселения территорий Калининградской и Южно-Сахалинской областей, образованных уже по итогам Второй Мировой войны). Основу талассоаттрактивности при этом в значительной мере составлял центробежный тренд (из «месторазвития», «исконных» внутренних регионов на окраины расширяющей свои рубежи страны). Симптоматично в этой связи видение русской колонизации как «стремления к морю» [21]. Инкорпорируемые в Российскую империю (по мере расширения ее границ) все более разнообразные по своим географическим характеристикам побережья оказывались во многих ситуациях не только ресурсно ценной «контактно-барьерной» территорией, но и предельным рубежом устойчиво расширявшегося российского геополитического и геокультурного фронта. Некоторые из них обрели «столично-пристоличные» позиционные характеристики (Санкт-Петербург и его окрестности) либо сконцентрировали значимые транспортно-логистические функции (Одесса, Ростов-на-Дону, Таганрог и др.); иные (Архангельск, а затем и Владивосток, Мурманск) становились опорными базами дальнейшего освоения периферийных (в том числе приморских) территорий.

«Вовлечение» побережий в российское хозяйственное и селитебное пространство, реализация их морехозяйственного потенциала коррелировали с формированием и развитием приморской поселенческой сети. Талассоаттрактивность центробежной колонизационной динамики в связи с этим дополнялась возрастающей демографической притягательностью приморских урбанистических центров. По данным первой всеобщей переписи населения (1897), из 56 городов России, превысивших порог в 50 тыс. жителей, 13 являлись приморскими либо примыкали к устьевым участкам крупных судоходных рек, что само по себе иллюстрирует наметившийся уже к концу XIX века ощутимый сдвиг системы расселения страны в пользу приморских территорий.

В советский период, несмотря на первоначальное превалирование тренда «континентализации» [22; 23], талассоаттрактивность сохранила свое действие, одновременно обретая новые импульсы, векторы, формы. Индустриализация (в том числе и напрямую связанная с морехо-

зяйственной деятельностью) превратила ведущие приморские города в регионально значимые фокусы урбцентрированной миграции, предопределив тем самым их ощутимый рост (табл. 1).

Таблица 1

**Численность населения некоторых ведущих приморских городов России
(в динамике), тыс. чел.***

Город	1897	1959	1989	2016
Санкт-Петербург (Ленинград)	1264	3321	4678	5207
Ростов-на-Дону	148**	600	1019	1115
Махачкала (Петровск)	9,7	123	318	710
Владивосток	29	299	634	607
Астрахань	113	296	509	532
Сочи	14	187	337	468
Калининград (Кёнигсберг)	190***	204	401	453
Севастополь	54	152	393	409
Мурманск	-	222	468	305
Архангельск	21	273	416	358
Новороссийск	17	112	186	267
Петропавловск-Камчатский	0,4	86	269	181

* Составлено автором по данным переписей населения.

** С городом Нахичевань-на-Дону.

*** В состав Российской империи не входил.

Полноформатно проявилась также сезонная, связанная с туристско-рекреационной активностью, талассоаттрактивность морских побережий (только за период 1961—1985 годов на берегах Черного и Балтийского морей было образовано 3 города и 30 поселков городского типа с доминирующей рекреационной специализацией [24]). Активно «продвигалось» население на арктические и тихоокеанские рубежи (уже в 1959 году перепись зафиксировала 66 тыс. жителей в Магадане, 86 — в Петропавловске-Камчатском, 80 — в Северодвинске, 22 — в Нарьян-Маре, 18 — в Дудинке и т. д.; спустя еще три десятилетия в СССР только в приморских городах на побережьях Северного Ледовитого и Тихого океанов постоянно проживало около 3,4 млн человек). Как и в предшествующие исторические периоды, процесс талассоаттрактивности при этом в существенной мере предопределялся общей ритмикой государства, его возможностями, стратегическими векторами развития, служил геополитическим и геоэкономическим интересам «страны-континента», базировался на ее экономических и демографических ресурсах.

Характерно, что в последние советские десятилетия возникла своеобразная «зеркальность» динамики исследуемого процесса в общесо-

юзном и собственно российском масштабе; если в целом по СССР демографический «вес» приморских территорий в целом сокращался (что высветило, в частности, исследование В. В. Покшишевского и Г. М. Фёдорова [17]), то в РСФСР, напротив, за 1959—1989 годы удельный вес 17 приморских регионов (идентифицируемых нами как талассоцентрированные [25], то есть отличающиеся реальным наличием отраслей морехозяйственного комплекса, выраженным смещением к морским акваториям важнейших селитебных и хозяйственных центров) в населении РСФСР возрос с 15,7 до 18,1%, или на 8,3 млн человек. В последующий период (в контексте геополитических и геоэкономических трансформаций) талассоаттрактивность в Российской Федерации вновь продемонстрировала свою рельефность, обретя большую пространственную сфокусированность и инвариантность.

Доминантные факторы и проявления талассоаттрактивности в постсоветской России

В результате распада СССР береговая линия нашей страны сократилась почти на 11 тыс. км; за пределами юрисдикции Российской Федерации оказались 25 из 67 морских портов и 10 из 20 приморских городов с людностью более 250 тыс.; в упадок стало приходить арктическое судоходство (грузооборот по трассам Севморпути за 1990—2000 годы сократился с 7 до 1,5 млн тонн [26]). Частично «отодвинутая» от моря (наиболее освоенных и комфортных в природно-климатическом отношении побережий), испытывающая трансформационный кризис во всех основных компонентах «морской экономики» [19] и одновременно все активнее вовлекаемая в международное разделение труда, Россия сфокусировалась на обустройстве немногочисленных приморских транспортно-логистических коридоров (прежде всего, обеспечивающих европейское и в целом «западное» направление трансакваториальных контактов). Процесс этот корреспондировал со «сжеживающей концентрацией» [27] хозяйственного и демографического потенциалов, с социально-экономическим «опустыниванием» периферийных территорий страны [28], лишая подавляющую часть сегментов побережья былой привлекательности для населения. Существенная коррекция векторов талассоаттрактивности (еще в большей степени *урбоцентрированной*, обретшей выраженную *региональную и локальную избирательность*) в постсоветский период связана и с проявившейся практически повсеместно (за исключением Дагестана) естественной убылью населения.

Демографический спад (достигший своего «дна» к началу 2000-х) уже к середине 1990-х годов охватил подавляющую часть приморских регионов России (за исключением Ленинградской, Калининградской и Астраханской областей, Дагестана, а также Краснодарского края) (табл. 2).

Таблица 2

**Естественный (ЕП) и миграционный (МП) прирост (убыль) населения
в талассоцентрированных приморских регионах России, %***

Регион	1990		1995		2005		2014	
	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП
Санкт-Петербург	-14	12	-89	13	-72	128	13	102
Ленинградская область	-15	57	-110	121	-123	146	-54	120
Калининградская область	29	71	-50	113	-92	33	-7	67
Архангельская область	37	-22	-59	-31	-66	-73	-9	-68
Ненецкий АО	97	-111	7	-251	23	-21	79	1
Мурманская область	55	-22	-33	-146	-38	-169	3	-65
Краснодарский край	-1	81	-53	133	-54	70	6	84
Астраханская область	46	6	-34	79	-33	-6	23	24
Ростовская область	0,0	49	-66	58	-67	21	-20	12
Республика Дагестан	200	-25	144	73	95	55	136	-47
Камчатский край	62	2	-21	-276	-15	-199	17	-98
Приморский край	56	26	-37	-42	-58	-51	-6	-20
Магаданская область	81	-173	-26	-742	-26	-180	3	-153
Сахалинская область	60	1	-81	-301	-61	-104	6	-59
Чукотский АО	104	-230	12	-916	38	73	28	-30
Россия в целом	22	11	-57	34	-59	20	2	19

* Составлено по данным Росстата.

Тенденция сокращения численности населения проявилась и во всех ведущих приморских городах, включая Санкт-Петербург (население незначительно сокращалось с 1992 по 2008 год), Ростов-на-Дону (депопуляция здесь превалировала с 1992 по 2001 год), Владивосток (неблагоприятный демографический тренд имел место с 1993 по 2009 год), Архангельск (с 1992 по 2007 год), Сочи (2000—2007 годы) и др. В целом же в период между переписями 1989 и 2002 годов из 74 локализованных на побережье Российской Федерации (либо в устьях крупных судоходных рек) городов депопуляция наблюдалась в 50. И лишь в 24 зафиксирован демографический рост (суммарно на 455 тыс. человек), 32 % которого «обеспечила» Махачкала, 13 % — Сочи, 11 % — Ростов-на-Дону, 10 % — Новороссийск и 6 % — Калининград.

Ко второй половине 2000-х годов тенденция естественной убыли населения страны постепенно сходит на нет; нарастают центростремительные миграционные потоки, продуцируемые возросшими социально-экономическими градиентами между ведущими городами-метрополиями и периферийными территориями [29], заметен восстановительный тренд и в «морской составляющей» экономики. В существенно из-

менившемся общественно-географическом контексте приморские города во все возрастающей мере продемонстрировали позитивную (отличную по вектору от городов России в целом) динамику; за 2002—2010 годы демографическую массу нарастили 28 приморских урбанистических центров. Характерно при этом, что в суммарный прирост (541 тыс. человек) наибольший вклад внесли Махачкала с городами-спутниками (36%), а также Санкт-Петербург (35%).

В дальнейшем процесс постепенного перетока населения в немногие города продолжился; возросло и число приморских поселений с положительной демографической динамикой. В 2016 году в сопоставлении с 2010-м людность увеличилась в 41 городе (на 49% за счет концентрации населения в ведущем приморском центре России — Санкт-Петербурге), включая практически все столицы субъектов РФ (кроме Мурманска и Магадана, где темпы депопуляции, впрочем, существенно замедлились). В последние два года зримый демографический «разворот» продемонстрировали и города крымского побережья (кроме Алушты).

В итоге за 1989—2016 годы суммарная численность населения приморских городов России возросла на 6,2%, или на 794 тыс. человек, достигнув величины почти в 13,7 млн, что эквивалентно 95% демографического потенциала всех приморских муниципалитетов и 12,6% всего городского населения страны (в 1989 году аналогичный показатель составлял 11,76%). Подобный выраженный «сдвиг к морю» оказался сопряжен, прежде всего, с процессом пространственной *концентрации* населения, его последовательного перераспределения в пользу крупнейших городов. Так, если в 1989 году в приморских городах с людностью более 500 тыс. проживало 55,5% всего населения приморских городов Российской Федерации, то в 2016-м — 59,7%. И напротив, доля городских поселений людностью до 50 тыс. сократилась с 11,4 до 8,0%. Аналитика свидетельствует о неуклонном перераспределении населения в пользу поселений, наделенных «столичным» статусом (центров субъектов Федерации либо городов федерального значения), за исследуемый период нарастивших свою долю в демографическом потенциале приморских городов с 73,6 до 75,0%.

На фоне «стягивания» населения в крупнейшие приморские города наблюдался и общий трендовый *переток демографического потенциала в пользу балтийского и каспийского побережья*: доля Балтийской приморской макрзоны в населении приморских городов России за 1989—2016 годы возросла на 2 процентных пункта, Каспийской — на 3,5, при одновременном сокращении аналогичного показателя для городских поселений арктических побережий на 3,2 и приморских городов Тихоокеанской макрзоны на 2,9 процентных пункта. Талассоаттрактивность в итоге оказалась полностью созвучной магистральным постсоветским «сдвигам» в территориальной организации общества, геоэкономическим ориентирам страны.

Инверсии талассоаттрактивности и «квазиаттрактивность» морских побережий

Талассоаттрактивность универсальна, но в своих фактических проявлениях — не повсеместна. Во множестве конкретных геоситуаций под воздействием комплекса природных и общественно-географических факторов приморские территории способны изначально не проявлять (либо с течением времени утрачивать) свою потенциальную социально-экономическую и демографическую притягательность, порождая противоположные по своей направленности эффекты, идентифицируемые как counter-coastalization [30], «инверсия талассоаттрактивности» [31].

Применительно к такому явлению, как талассоаттрактивность, понятие ее инверсии, являясь инвариантным, дополняющим, призвано вместить в себя любого рода сложившиеся диспропорции в хозяйственном и селитебном освоении территории в пользу ее внутриконтинентальных, удаленных от моря ареалов, преимущественное отторжение теми или иными участками побережья миграционных потоков, ощутимый исход населения из приморских зон. Специфика России при этом такова, что процесс талассоаттрактивности неизменно протекает на фоне его полимасштабных инверсий.

Почти 36,8 из 41 тыс. км морских границ Российской Федерации простираются вдоль ее арктического и тихоокеанского побережий, освоение которых изначально имело (как это справедливо акцентировал А. Н. Пилясов [32]) прерывистый, «островной» характер. Эти приморские территории, существенно удаленные от основной полосы расселения страны (от 500 км в Европейской части, 1000 — на Урале, до 2000 и более — в Сибири), в постсоветский период лишились былой государственной поддержки и фактически оказались в положении *полипериферии* (выраженной зависимости и неравенства обменов по отношению не только к собственным региональным «столицам», но и к Мурманску, Архангельску — центрам арктического судоходства, к общегосударственной метрополии, а также зарубежным бенефициарам). В результате за истекшую четверть века из 34 городских поселений арктического и тихоокеанского побережий России (от Мурманска до Владивостока) позитивную демографическую динамику продемонстрировали лишь 4 (Южно-Сахалинск, Нарьян-Мар, Салехард и Артём). Общие же демографические потери для приморских городов Арктической зоны и российского Дальнего Востока за постсоветский период составили почти 600 тыс. человек, что превышает весь прирост населения Санкт-Петербурга за аналогичный период и эквивалентно людности главного города Российской Федерации на Тихом океане — Владивостока.

Следует, справедливости ради, отметить, что эффекты талассоаттрактивности рельефно просматриваются даже на фоне столь внуши-

тельного и пролонгированного оттока населения от побережий: в целом и поныне сокращающийся демографический потенциал Севера и Северо-Востока России продолжает отчасти удерживаться приморскими городами, выполняющими функции стабилизатора системы расселения, ее опорного каркаса. Показательно, что если для всех приморских субъектов Тихоокеанской России (крупнейшего в стране акваториального макрорегиона [33]) численность населения к 2016 году составила лишь 71 % от уровня 1989-го, то для соответствующего кластера приморских городов — 85,5 %.

Инверсия талассоаттрактивности имеет место и на мезоуровне. В частности, в Крыму резкое сокращение плотности населения и числа населенных пунктов наблюдается при приближении к заливу Сиваш [34]. Аналогичная ситуация сложилась и на юге Финского залива (западнее атомграда Сосновый Бор), где десятилетиями воспроизводилась асимметрия в уровне освоенности побережья и территорий вдоль осевой автомагистрали Санкт-Петербург — Нарва [35]. Лишь в последнее десятилетие в связи с развитием морского порта в Усть-Луге эта инверсия начинает исчезать.

В постсоветский период инверсии талассоаттрактивности в существенной мере связаны с возросшими центр-периферийными градиентами, порождающими в первую очередь преимущественную концентрацию населения в Московском регионе. Так, только за 2014 год суммарный миграционный прирост в Москве и Московской области составил 201 тыс. человек, в то время как в Санкт-Петербурге с Ленинградской областью — лишь 74 тыс.; при этом соотношение миграционного прироста в Московском регионе и, к примеру, приморских городах Кубани составляет 10:1.

Ставшая еще более рельефной в современных политико-экономических реалиях, *неравновесная бицентричность* территориальной организации российского общества (с перманентным, начиная с XVIII столетия попеременным перераспределением веса между Москвой и Санкт-Петербургом) выступает ныне основной (в общероссийском масштабе) детерминантой талассоаттрактивности и ее инверсии. Важно при этом осознавать, что «притягивается» население не столько к побережью, сколько в локализованные на нем поселения, обретающие аттрактивность благодаря своему функционалу, размеру, статусу, позиционированию в селитебной и хозяйственной иерархии, выстраиваемой на обширных (и отнюдь не только «приморских») пространствах. Такие центры, как Санкт-Петербург и Ростов-на-Дону, — это фактически «вынесенные к морю» общефедеральные и макрорегиональные столицы, опережающий рост их демографического потенциала в этой связи лишь отчасти связан с морским фактором. Схожая (хотя и не столь выраженная) ситуация наблюдается в Архангельске и Владивостоке — городах, также «замыкающих» на себе массивы в том числе и внутриконтинентальных пространств. Талассоаттрактивность населения в свя-

зи с этим частично являет «квазихарактер»; она не только воплощает «континентально-океаническую дихотомию» [36], но и выражается в неразрывном единстве с процессами метрополизации. Чем крупнее приморские города и весомее их статус, тем в большей мере они «приморско-континентальные».

Приставка «квази» в определенной мере уместна и для характеристики ситуации на каспийском побережье Дагестана (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности населения приморских городов России*

Город	1989	2002	2002/1989, %	2010	2010/2002, %	2016	2016/2010, %	2016/1989, %
Все приморские города России**	12891,4	12658,2	98,2	13006,4	102,8	13685,4	105,2	106,2
В том числе:								
Санкт-Петербург	4677,5	4661,2	99,7	4848,7	104,0	5207,0	107,4	111,3
Города арктического и тихоокеанского побережий	3364,1	2800,7	83,3	2742,5	97,2	2743,3	100,1	81,5
Города побережья Дагестана	484,1	680,5	140,6	858,2	126,1	995,5	116,0	205,6
Россия (все городское население)**	109638	108050	98,6	106661	98,7	108600	102,0	99,1

* Рассчитано автором на основе данных переписей населения и сведений текущего статистического учета.

** Данные по России за все годы включают показатели Крыма.

За последнюю четверть века демографический потенциал Махачкалинской агломерации более чем удвоился. На фоне слабо меняющейся степени урбанизированности территории (удельный вес горожан за 1990—2016 годы вырос всего на 1,4 процентных пункта) само городское население Республики ощутимо «сдвинулось к морю» (доля приморских городов в городском населении региона за двадцатипятилетний период увеличилось с 60 до 73 %). В то же время рост городского населения все последние годы практически наполовину обеспечивался его естественной динамикой, а во «взрывном» росте Махачкалы (немногим более столетия назад в этом поселении проживало всего 9,7 тыс. жителей) роль фактора моря не является доминирующей (морская составляющая в ВРП Республики Дагестан не превышает 2 % [37]). Развитие Махачкалинской агломерации окажется в числе ключевых факторов талассоаттрактивности населения России и в средне- и долгосрочной перспективе.

Заключение

Уже в ближайший период (по «низкому» варианту прогноза Федеральной службы государственной статистики — с 2019 года, по «среднему» — с 2024 года) в Российской Федерации вновь возобновится тренд депопуляции. Процесс этот затронет практически все приморские поселения и хронологически совпадет с повсеместным, связанным с технико-технологическими изменениями, «сжатием» рынка труда, в особой мере резким и ощутимым — в Арктической зоне. Ее освоение уже сейчас предполагается осуществлять преимущественно на основе вахтового метода с опорой на так называемые безлюдные технологии, что предполагает дальнейшее угасание сложившейся системы расселения [38]. На этом фоне продолжится концентрация человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупнейших городских агломерациях [39], включая, разумеется, приморские.

Позитивная демографическая динамика в них будет поддерживаться не только архиважным для страны возрождением морехозяйственного комплекса, но и нарастающей (по мере углубления экономических и демографических градиентов с сопредельными «центрами силы») привлекательностью основных «коммуникационных коридоров» (Санкт-Петербург, Новороссийск, Владивосток, Ростов-на-Дону, Калининград). Существенным фактором талассоаттрактивности станет и общая комфортность (природно-климатическая, инфраструктурная, ландшафтно-архитектурная) среды проживания, дополняемая потенциалом самозанятости (в туристско-рекреационной, аграрной сферах, «челночной» торговле). Это обеспечит приоритетный приток населения на черноморское побережье Кубани (в треугольник Краснодар — Тамань — Сочи), в Ростовскую и Владивостокскую агломерации, города Крыма, приморские территории Калининградской области. По-прежнему «приморское» население будет прирастать на Каспии («евразийском средиземноморье», чьи экономические возможности еще только предстоит реализовать).

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Список литературы

1. Kasanko M., Barredo J.I., Lavalle C. et al. Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas // *Landscape and Urban Planning*. 2006. Vol. 77, № 1—2. P. 111—130.
2. Salvati L. Looking at the future of the mediterranean urban regions: demographic trends and socioeconomic implications // *Romanian journal of regional science*. 2014. Vol. 8, № 2. P. 74—83.
3. Pak A., Majd F. Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // *Ocean and Coastal Management*. 2011. № 54. P. 129—136.

4. *Cohen J. E., Small Ch., Mellinger A. et al.* Mooney Estimates of Coastal Populations // *Science. New Series.* 1997. Vol. 278, № 5341. P. 1211—1212.
5. *Vallega A.* Agenda 21 of ocean geography // *Geography, oceans and coasts towards sustainable development* / eds. A. Vallega [et al.]. Milano, 1998. P. 17—116.
6. *Berardo C.* Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions // *Journal of Coastal Conservation.* 1999. Vol. 5, № 2. P. 105—112.
7. *Махновский Д. Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // *Балтийский регион.* 2014. № 4. С. 59—78.
8. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
9. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 2006. Т. 2 : Игры обмена.
10. *Mahan A. T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783. N. Y., 1987.
11. *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history // *The Geographical Journal.* 1904. Vol. 23, № 4. P. 421—437.
12. *Савицкий П. Н.* Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // *Континент-Евразия.* М., 1997. С. 398—418.
13. *Cowen D.* Neil Smith after Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics // *Antipode.* 2009. Vol. 41, № 1. P. 22—48.
14. *Покишиевский В. В.* Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения // *Известия ВГО.* 1975. Т. 107, № 1. С. 87—96.
15. *Покишиевский В. В.* География расселения на берегах Мирового океана. Л., 1979.
16. *Дергачёв В. А.* Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980.
17. *Покишиевский В. В., Федоров Г. М.* Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // *География океана: теория, практика, проблемы.* Л., 1988. С. 148—161.
18. *Дружинин А. Г., Дружинина С. С.* Экономико-географические аспекты исследований приморского расселения (по материалам Ростовской области) // *Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения.* Л., 1989. С. 133—141.
19. *Дружинин А. Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // *Известия РАН. Серия географическая.* 2016. № 6. С. 10—19.
20. *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926—1933. София, 1934.
21. *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
22. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М. ; Л., 1930.
23. *Добрецов Н. Л., Конторович А. Э., Кулешов В. В. и др.* Стратегия социально-экономического развития Сибири: научные основы и начало реализации // *Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации.* М., 2004. С. 479—592.
24. *Дергачёв В. А.* Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // *Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения.* Л., 1989. С. 39—50.
25. *Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели* / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2016.
26. *Романенко А. А.* Морские порты, транспортный флот и судостроение России // *Морехозяйственный комплекс России.* СПб., 2005. С. 24—70.
27. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009.

28. *Пространство* современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М., 2012.
29. Дружинин А. Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 1. С. 19—27.
30. *Famoso N.* Sicily: a dialectic between coastal and inland areas // Urban change and the environment. The case of North-western Mediterranean / ed. G. Cortesi. Guerini ; Milano, 1995. P. 269—294.
31. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 85—100.
32. *Пилясов А. Н.* Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии / отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М., 2016. Сб. 141 : Проблемы регионального развития России. С. 503—528.
33. *Тихоокеанская* Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П. Я. Бакланов. Владивосток, 2012.
34. *Трансграничное* кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экостические эффекты : монография / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов на/Д, 2017.
35. Дружинин А. Г., Лачининский С. С., Краснов А. И., Сорокин И. С. Поляризация системы расселения в приморской зоне Ленинградской области в 1989—2015 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2016. № 3. С. 58—65.
36. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
37. Дружинин А. Г. «Морской фактор» в современной российской экономике (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 16—26.
38. *Стратегия* социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года. URL: http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_169.pdf (дата обращения: 07.01.2017).
39. *Прогноз* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 07.01.2017).

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет; профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А. Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.

THE COASTALISATION OF POPULATION IN TODAY'S RUSSIA:
A SOCIO-GEOGRAPHICAL EXPLICATION

A. G. Druzhinin^{1, 2}

¹ Southern Federal University

105 B. Sadovaya ul. Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on January 09, 2017

The coastalisation of population is considered as a prolonged, universal, although not a ubiquitous — socio-geographical process. This process is a result of the evolving spatial architecture of countries and regions, a lack of balance between the potential of leading cities, economic and settlement projections of global geoecological, geo-economic, and geopolitical processes, the scale and effect of transnational and transboundary contracts, and the changing images of coastal areas. This article analyses the trend towards the 'drift' of the demographic potential from the inland territories to the coastal periphery, which has been observed in Russia for centuries. A vast body of empirical data and statistics is used to demonstrate that, during the post-Soviet period, coastalisation has become city-centred and regionally/locally selective with a focus on the agglomerations of the Baltic, Caspian, and partly Azov-Black Sea coasts. The multi-scale phenomena of 'inverse coastalisation' and 'quasi-coastalisation' are analysed and relevant cases are considered. The author identifies numerous factors and explores prospects of the further coastalisation of population in the Kaliningrad and Leningrad regions and Saint Petersburg. The author argues that against the background of increasing socioeconomic risks — particularly due to the change in Russia's geostrategic priorities — the coastal zones remain crucial to the new configuration of the country's settlement system.

Key words: coastal cities, population change, maritime complex, cross-border contacts, Russia

References

1. Kasanko, M., Barredo, J.I., Lavalle, C., McCormick, N., Demicheli, L., Sagris, V., Brezger, A. 2006, Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas, *Landscape and Urban Planning*, Vol. 77, no. 1—2, p. 111—130.
2. Salvati, L. 2014, Looking at the future of the mediterranean urban regions: demographic trends and socioeconomic implications, *Romanian journal of regional science*, Vol. 8, no. 2, p. 74—83.
3. Pak, A., Majd, F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean and Coastal Management*, no. 54, p. 129—136.
4. Cohen, J.E., Small, Chr., Mellinger, A., Gallup, J., Sachsm J., Vitousek, P.M., Harold, A. 1997, Mooney Estimates of Coastal Populations, *Science*, New Series, Vol. 278, no. 5341, Nov. 14, p. 1211—1212.
5. Vallega, A. 1998, Agenda 21 of ocean geography. In: Vallega, A. et al. (eds.) *Geography, oceans and coasts towards sustainable development*, p. 17—116.
6. Berardo, C. 1999, Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions, *Journal of Coastal Conservation*, no. 5, p. 105—112.
7. Makhnovsky, D.E. The Coastal Regions of Europe: Economic Development at the Turn of the 20th Century, 2014, *Balt. Reg.*, Vol 6, no. 4, p. 50—66. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-4.

8. Mechnikov, L. I. 1995, *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [Civilization and the great historical rivers], Moscow, 461 p. (In Russ.)
9. Brodel, F. 2006, *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv. T. 2. Igrы obmena* [Material civilization, economy and capitalism, XV—XVIII centuries. T. 2. Exchange games.], Moscow, 672 p. (In Russ.)
10. Mahan, A. T. 1890, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*.
11. Mackinder, H. J. 1904, The geographical pivot of history, *The Geographical Journal*, no. 23, p. 421—37.
12. Savitskiy, P. N. 1997, *Kontinent-Okean (Rossiya i mirovoy rynek). Kontinent-Evraziya* [Continent-Ocean (Russian and world market). Eurasia Continent], Moscow, p. 398—418.
13. Cowen, D. 2009, Neil Smith after Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics, *Antipode*, Vol. 41, no. 1, p. 22—48.
14. Pokshishevskiy, V. V. 1975, Theoretical aspects of gravity settling to the sea coast and experience quantify this attraction, *Izvestiya VGO*, Vol. 107, no. 1, p. 87—96. (In Russ.)
15. Pokshishevskiy, V. V. 1979, *Geografiya rasseleniya na beregakh Mirovogo okeana* [Geography of settlement on the shores of the Oceans], Leningrad, 342 p. (In Russ.)
16. Dergachev, V. A. 1980, *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya Mirovogo okeana* [Fundamentals of economic zoning of the Oceans], Kiev, 110 p. (In Russ.)
17. Pokshishevskiy, V. V., Fedorov, G. M. 1988, Basics of geography of population and settlement within the world's oceans. In: *Geografiya okeana: teoriya, praktika, problemy* [Geography of the ocean: theory, practice, problems], Leningrad, p. 148—161. (In Russ.)
18. Druzhinin, A. G., Druzhinina, S. S. 1989, Economic-geographical aspects of coastal settlement studies (based on the Rostov region). In: *Yuzhnye morya SSSR: geograficheskie problemy issledovaniya i osvoeniya* [Southern seas of the USSR: geographical problems of research and development], Leningrad, p. 133—141. (In Russ.)
19. Druzhinin, A. G. 2016, "The sea component of" social geography of Russia: traditions and innovations, *Izvestiya RAS. Seriya geograficheskaya*, p. 10—19. (In Russ.)
20. Ilyin, I. A. 1934, *O Rossii. Tri rechi* [About Russia. Three speech.], 78 p. (In Russ.)
21. Golovnev, A. V. 2015, *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization], Ekaterinbur, 592 p. (In Russ.)
22. Bernshteyn-Kogan, S. V. 1930, *Ocherki geografii transporta* [Transport Geography Essays], Moskva-Leningrad, 348 p. (In Russ.)
23. Dobretsov, N. L., Kontorovich, A. E., Kuleshov, V. V. et al 2004, Strategy of social and economic development of Siberia: scientific foundations and the beginning of implementation. In: *Strategii makroregionov Rossii: metodologicheskie podkhody, priority i puti realizatsii* [Strategies for Russia's Macro-regions: methodological approaches, priorities and ways of implementation], Moscow, p. 479—592. (In Russ.)
24. Dergachev, V. A. 1989, Maritime complex of the Azov-Black Sea region, the Soviet Union: economic and geographical aspects. In: *Yuzhnye morya SSSR: geograficheskie problemy issledovaniya i osvoeniya* [Southern seas of the USSR: geographical problems of research and development], Leningrad, p. 39—50. (In Russ.)
25. Druzhinin, A. G. (ed.) 2016, *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie primorskikh territoriy Evropeyskoy chasti Rossii: faktory, trendy, modeli* [Socio-economic development of coastal areas of the European part of Russia: factors, trends, models], Rostov-na-Don, 236 p. (In Russ.)
26. Romanenko, A. A. 2005, Seaports, transport fleet and shipbuilding in Russia. In: *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii* [Seaports, transport fleet and shipbuilding Russia], St. Petersburg, p. 24—70. (In Russ.)

27. Treyvish, A.I. 2009, *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, region, country and the world. The development of Russia through the eyes of stranoveda], Moscow, 372 p. (In Russ.)
28. Druzhinin, A.G., Kolosov, V.A., Shuvalov, V.E. (ex. eds.) 2012, *Prostranstvo sovremennoy Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiya (razmyshleniya geografov-obshchestvovedov)* [The space of modern Russia: opportunities and barriers (reflection of sociogeographers scientists)], Moscow, 336 p. (In Russ.)
29. Druzhinin, A.G. 2014, Metropolitan and metropolization in modern Russia: conceptual approaches to political and geographical context, *Izvestiya RAS. Seriya Geograficheskaya*, no. 1, p. 19—27. (In Russ.)
30. Famoso, N. 1995, Sicily: a dialectic between coastal and inland areas. In: Cortesi, G. (ed.) *Urban change and the environment. The case of North-western Mediterranean*, Guerini, Milano, p. 269—294.
31. Druzhinin, A.G. 2016, Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 57—67. DOI: 10.5922/2079—8555—2016—2—5.
32. Pilyasov, A.N. 2016, Cities-bases of the Arctic frontier. In: Kotlyakov, V.M., Streletsky, V.N., Glezer, O.B., Safronov, S.G. (ex. eds.) *Voprosy geografii*, no. 141. Problemy regional'nogo razvitiya Rossii, Moscow, p. 503—528. (In Russ.)
33. Baklanov, P. Ya. (ex. ed.) 2012, *Tikhookeanskaya Rossii: stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego* [Pacific Russia: the pages of the past, present, future], Vladivostok, 406 p. (In Russ.)
34. Druzhinin, A.G. (ed.) 2017, *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskikh zonakh Evropeyskoy chasti Rossii: faktory, modeli, ekonomicheskie i ekisticheskie efekty* [Cross-border clustering in the Coastal zones of the European part of Russia: factors, model, the economic effects], Rostov-on-Don, 346 p. (In Russ.)
35. Druzhinin, A.G., Lachininskiy, S.S., Krasnov, A.I., Sorokin, I.S. 2016, The polarization of the settlement system in the coastal zone of the Leningrad region in 1989—2015, *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Estestvennyye nauki*, no. 3, p. 58—65. (In Russ.)
36. Bezrukov, L.A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development], Novosibirsk, 369 p. (In Russ.)
37. Druzhinin, A.G. 2016, "Sea factor" in modern Russian economy (a social-geographer's view), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 2, p. 16—26. (In Russ.)
38. Strategy of social and economic development of the Murmansk region until 2025, 2010, Murmansk, available at: http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_169.pdf (accessed 07.01.2017). (In Russ.)
39. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2030, 2013, Moscow, available at: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (accessed 07.01.2017). (In Russ.)

The author

Prof. *Aleksandr G. Druzhinin*, Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

To cite this article:

Druzhinin, A.G. 2017, The Coastalisation of Population in Today's Russia: A Socio-Geographical Explication, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 28—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Х. Кристьянсдоттир¹

Что обуславливает конкурентоспособность страны? Какими свойствами должна обладать экономическая политика, чтобы обеспечить конкурентоспособность? Данная статья представляет собой попытку эмпирического анализа национальной конкурентоспособности с целью выделения факторов, определяющих конкурентоспособность стран. Понимание соответствующих механизмов приведет к более эффективному государственному регулированию условий предпринимательской деятельности и совершенствованию стратегий повышения конкурентоспособности.

Исторический анализ показывает, что масштаб экономики и условия торговли играют ключевую роль в экономическом благополучии страны.

Хотя индивидуальная конкурентоспособность или конкурентоспособность предприятий являются привычным объектом исследования, в данной работе речь пойдет об общей экономической конкурентоспособности стран при учете эффекта масштаба на национальном уровне. Высказывается предположение, что на торговлю влияют различные факторы, в частности, свобода предпринимательства и открытость экономики.

Исследование опирается на данные о конкурентоспособности 55 стран, публикуемые Международным институтом управленческого развития. Для оценки масштаба рынка, объемов экспорта, открытости и размера прямых иностранных инвестиций используются методы мультиномиальной логистической регрессии и метод Хекмана. Особое внимание уделяется условиям предпринимательской деятельности. Апробируются несколько

¹ Университет Исландии
101, Исландия, Рейкьявик,
ул. Семундаргата, 2

Поступила в редакцию 21.11.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-3

© Кристьянсдоттир Х., 2017

вариантов базовой модели с учетом изменений макроэкономической конъюнктуры. Делается вывод о том, что успех 10 наиболее конкурентоспособных стран обусловлен прямыми иностранными инвестициями, экспортом и благоприятными условиями предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: конкурентоспособность, прямые иностранные инвестиции, мультиномиальная логистическая регрессия, метод Хекмана

Введение

Традиционно рассматривается конкурентоспособность отдельных индивидов и предприятий [12]. Объект данного исследования — общая конкурентоспособность стран при учете эффекта масштаба на национальном уровне [18].

Исторически масштаб экономики и торговые условия играют ключевую роль в экономическом благополучии стран [17]. При этом торговля подвержена воздействию множества факторов [5], например, свободы предпринимательства и открытости экономики. Важно ответить на вопрос, являются ли увеличение способности населения адаптироваться к изменениям и высокая вовлеченность женщин в трудовую деятельность [12] залогом конкурентоспособности современного общества. А также насколько состоятельны теории, постулирующие высокую зависимость некоторых экономик от торговли [17], и более конкурентоспособны ли такие экономики.

Сегодня конкурентоспособными называют экономики, характеризующиеся умеренным налогом на прибыль коммерческих предприятий и низким уровнем инфляции [12]. В данном контексте возникают следующие вопросы. Возможен ли дальнейший анализ факторов конкурентоспособности? Могут ли полученные результаты использоваться при разработке макроэкономической политики в других странах? В данной работе предпринимается попытка детального анализа ключевых факторов национальной конкурентоспособности в сравнении с другими странами.

Финансовый кризис 2008 года стал сильным потрясением для мировой экономической системы, внеся беспорядок в привычные экономические показатели [13]. Глобальная экономическая система в течение долгого времени не могла оправиться от последствий кризиса. Стали высказываться сомнения в эффективности традиционных показателей экономического благополучия [17; 34]. В данной работе рассматривается международная конкурентоспособность стран в докризисный период [2; 10; 20; 23].

В литературе представлено множество моделей конкурентоспособности, ниже будет предпринята попытка согласовать данные модели с эмпирическими показателями. Для эмпирического анализа была выбрана гравитационная модель Бергстренда [1], учитывающая масштаб экономик и рынков. Также использовался и обновленный вариант этой модели. Обращение к модели капитала знаний [25] позволило ввести в анализ дополнительные факторы конкурентоспособности, например

показатели развития человеческого капитала. Были использованы данные о конкурентоспособности, ежегодно публикуемые Международным институтом управленческого развития [12].

Новизна данного исследования заключается в применении метода Хекмана [11] и мультиномиальной логической регрессии к данным Международного института управленческого развития (Швейцария).

Существует значительное пространство для выбора, так как рассматриваемая группа стран имеет высокие показатели общественного и экономического развития. Это проявляется, в частности, в доступности технологий, гибкости рынка труда и высокой вовлеченности женщин в трудовую деятельность [12]. Есть несколько факторов, обуславливающих высокую занятость среди женщин: относительно низкая ставка налога на второй доход в домохозяйстве и самый широкий охват пособий по уходу за ребенком среди стран ОЭСР. Кроме того, в этих странах рабочая сила представлена преимущественно квалифицированными специалистами, а большинство населения имеет как минимум среднее образование, что формирует сильный средний класс. Согласно некоторым теориям, сильный средний класс — залог динамичного развития рынка труда и экономики, а также повышения конкурентоспособности. В Европе прослеживается тенденция увеличения степени интеграции, при этом гибкость рынка труда возрастает во всех странах. Стоит отметить, что подобная динамика традиционно свойственна американской экономике [32].

Данные ниже предположения проверяются методом мультиномиальной логической регрессии и методом Хекмана с учетом масштаба рынка, объема экспорта, экономической открытости и уровня прямых иностранных инвестиций.

1. Обзор литературы

Теме конкурентоспособности посвящено значительное число работ [7], но в данной статье предлагается новый подход к анализу. Во внимание принимаются различные силы и факторы, в частности, фигурирующие в материалах, публикуемых МВФ и Международным институтом управленческого развития (МИУР) [12; 13]. Ставится вопрос о том, являются ли международные инвестиции основой национальной конкурентоспособности. Все более популярной темой исследований в области международной экономики становятся факторы, привлекающие инвестиции в различные страны [25]. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) определяются как владение минимум 10% доли участия в уставном капитале иностранного предприятия [34]. Традиционно считалось, что географически инвестиции направлены с севера на юг, а не наоборот, но данное предположение было опровергнуто [25]. Авторы многих работ задаются вопросом о том, почему транснациональные компании решаются нести постоянные затраты [6], связанные с осуществлением прямых иностранных инвестиций. При этом такое решение принимается в два этапа [30]. Определяется, стоит ли осуществлять ПИИ и, если да, в каком объеме. Наличие постоянных затрат играет ключевую роль в решении о ПИИ.

В некоторых исследованиях предпринимаются попытки ответить на вопрос, руководствуются ли транснациональные компании налоговыми соображениями при принятии решения об инвестициях в ту или иную страну [3; 4]. Решения, принимаемые на основании ставки налога и стоимости рабочей силы, — актуальная тема исследований, так как иностранные инвестиции считаются залогом устойчивого экономического роста. Таким образом, государства стараются привлечь инвестиции, создавая адекватную налоговую среду. Перед транснациональными компаниями зачастую стоит выбор между экспортированием продукции и инвестициями. Например, в первые десятилетия после Второй мировой войны японские автомобильные корпорации, в частности Toyota, рассматривали возможности как экспорта продукции, так и открытия производств в США [15]. В литературе выделяются вертикальные [15] и горизонтальные стимулы к ПИИ [24]. Была предложена модель, учитывающая стимулы к вертикальным инвестициям [15], нацеленным на получение доступа к дешевому сырью. Модель горизонтальных прямых иностранных инвестиций [24] объясняет наличие горизонтальных стимулов. Такие инвестиции имеют место в том случае, когда транснациональные компании открывают производства за рубежом с целью получения доступа к новым рынкам. В случае корпорации Toyota речь шла о горизонтальных инвестициях.

В последние годы часто публикуются оценки торговых и инвестиционных потоков, основанные на теории, предложенной в ряде работ [15; 24; 25]. Нередко применяется гравитационная модель [1] и модель капитала знаний [25]. В данной работе предпринимается попытка разработать модель, сочетающую в себе признаки и функциональность обеих моделей [29].

Особое внимание уделяется участию женщин в трудовой деятельности в рассматриваемых странах [14; 27].

Некоторые исследователи анализируют конкуренцию в контексте международной торговой среды [8; 28; 31]. Цель данного исследования — развить идеи, предложенные в более ранних работах, и представить эмпирический подход к анализу конкурентоспособности.

2. Модель и данные

2.1. Гипотеза, основанная на обзоре литературы

Выборка анализируется при помощи трех разных методов для получения точной оценки конкурентоспособности стран. Первый метод — метод наименьших квадратов, часто используемый в экономическом анализе. Он основан на двух гипотезах — H_0 и H_1 . Гипотеза H_0 предполагает отсутствие связи. Если H_0 отвергается при достижении определенного уровня значимости, верной считается гипотеза H_1 о наличии связи [9]. Таким образом, оценивается конкурентоспособность стран.

Второй используемый метод — это метод Хекмана [11]. Первый шаг заключается в определении того, достигла ли страна порога конкуренции. Второй шаг — оценка того, в какой мере страна достигла данного порога.

Третий метод — мультиномиальная оценка. Она позволяет определить вероятность вхождения страны в число наиболее конкурентоспособных государств и т. д.

2.2. Переменные

В таблице 1 представлены используемые переменные с обоснованием выбора между функциями LN и SINH.

К переменным применяются функции Ln и Sinh, чтобы проследить изменения во времени. Данная процедура является стандартной для анализа временных рядов с поправкой на изменения во времени. Функция Ln применяется к данным временных рядов без учета фактора инфляции. Функция Sinh также используется для поправки на временные изменения. Кроме того, она позволяет работать с нулевыми и отрицательными значениями, что невозможно при использовании функции Ln. Это обстоятельство особенно важно, так как объем экспорта и ПИИ может принимать нулевые и отрицательные значения при рассмотрении показателей конкретных стран в конкретные годы. Таким образом, функция Sinh обеспечивает более точные результаты анализа, чем традиционно используемая Ln.

2.3. Методология (три этапа анализа)

На первом этапе метод наименьших квадратов используется для оценки всей выборки. Далее исследователь переходит к методу Хекмана, в два этапа определяя десять самых конкурентоспособных стран. В рамках данной процедуры при помощи пробит-регрессии происходит оценка вероятности того, что страна входит в определенную группу, а затем используется метод наименьших квадратов. На следующем этапе строится мультиномиальная логистическая регрессия. Установлено, что в общем случае ПИИ повышают вероятность вхождения страны в число десяти наиболее конкурентоспособных государств, даже если в анализе будут учитываться эти десять стран.

Подобная процедура позволяет оценить вероятность того, что определенная переменная (например, увеличение объема экспорта) может обеспечить конкурентоспособность страны. Также важно понять, насколько конкурентоспособны страны, стимулирующие занятость женщин и являются ли преимуществом большие объемы экспорта. Для получения ответов на эти вопросы был использован метод мультиномиальной логистической регрессии (см. табл. 4). Формула (1) отображает соотношение между логарифмической функцией и обратным гиперболическим синусом:

$$\sinh^{-1}(x) = \ln(x + \sqrt{1 + x^2}). \quad (1)$$

Применение обратного гиперболического синуса объясняется необходимостью рассматривать не только положительные, что позволяет

делать и логарифмическая функция, но и нулевые и отрицательные значения. Характеристики используемой модели представлены в формуле (2):

$$\begin{aligned} RANK_{i,t} = & I?_0 + I?_1 \sinh^{-1} [FDI_{RATIO_{i,t}}] + I?_2 \ln(POP_{i,t}) + \\ & + I?_3 \ln(FEMALE_{PART_{i,t}}) + I?_4 \sinh^{-1}(EXP_{i,t}) + \\ & + I?_5 \ln(OPEN_{i,t}) + I?_6 \sinh^{-1}(INF_{i,t}) + I?_7 COR_{TAX_{i,t}} + \\ & + I?_8 EX_{RATE_{i,t}} + I?_9 EN_SHIP_{i,t} + I?_{10} FLEX_AD_{i,t} + a?_{i,t}. \end{aligned} \quad (2)$$

Данная модель родственна гравитационной модели, так как она учитывает такие факторы, как численность населения, открытость экономики и соотношение курсов валют. Объем ПИИ и экспорта также принимается во внимание. При этом один из последних двух факторов выступает в роли зависимой переменной в гравитационной модели. Используемые элементы модели капитала знаний вводят косвенные показатели уровня развития человеческого капитала, позволяя, таким образом, оценить женские трудовые ресурсы. В таблице 1 представлены используемые в анализе переменные.

Таблица 1

Использованные переменные

Переменная	Значение
$RANK_{i,t}$	Позиция в рейтинге конкурентоспособности МИУР
$FDI_{RATIO_{i,t}}$	Накопленные ПИИ, доля в ВВП
$POP_{i,t}$	Численность населения, млн человек
$FEMALE_{PART_{i,t}}$	Вовлеченность женщин в трудовую деятельность, доля в общем объеме трудовых ресурсов
$EXP_{i,t}$	Объем экспорта товаров, млрд долларов США
$OPEN_{i,t}$	Уровень открытости экономики. Доля торговли в ВВП. Сумма объемов экспорта и импорта к ВВП
$INF_{i,t}$	Средняя ежегодная инфляция потребительских цен. Процентное изменение уровня цен
$COR_{TAX_{i,t}}$	Реальный налог на прибыль организаций. Данный налог не является препятствием для предпринимательства. По данным обследования мнений руководящего состава компаний, измеряется по шкале от 0 до 10
$EX_{RATE_{i,t}}$	Курс обмена валют. Обменный курс выступает фактором конкурентоспособности предприятий. По данным обследования мнений руководящего состава компаний, измеряется по шкале от 1 до 10
$EN_SHIP_{i,t}$	Вовлеченность управленцев в предпринимательскую деятельность. По данным обследования мнений руководящего состава компаний, измеряется по шкале от 0 до 10
$FLEX_AD_{i,t}$	Способность населения к адаптации к изменившимся условиям. По данным обследования мнений руководящего состава компаний, измеряется по шкале от 0 до 10

В формуле (2) переменные либо представлены в исходном виде, либо преобразованы с помощью логарифмической функции или обратного гиперболического синуса. Дополнительные результаты представлены в таблицах 3 и 4. В таблице 3 приводятся оценки, полученные с помощью метода Хекмана, а в таблице 4 — результаты построения мультиномиальной логистической регрессии.

В «Ежегодном рейтинге глобальной конкурентоспособности» [12] приводятся данные по 55 странам. Рейтинг основан на 323 критериях, объединенных в 4 группы, каждая из которых состоит из 5 подгрупп. Две трети данных взяты из публикаций международных, государственных и региональных организаций, треть данных — результаты обследования мнения руководящего состава компаний.

3. Данные

В работе используются данные, представленные в «Ежегодном рейтинге глобальной конкурентоспособности» [12] (ЕРГК) — ведущем ежегоднике, публикующем сведения о национальной конкурентоспособности. В ежегоднике, издаваемом с 1989 года, анализируется влияние национальных условий на конкурентоспособность предприятий. Выпускающий его Международный институт управленческого развития (МИУР) — ведущее образовательное учреждение в сфере подготовки руководящего состава компаний.

В ЕРГК анализируется конкурентоспособность 55 стран по 300 критериям. Основное внимание уделяется наиболее достоверным данным, публикуемым международными, региональными и государственными организациями.

МИУР и Всемирный экономический форум (ВЭФ) публикуют собственные индексы конкурентоспособности. Конкурентоспособность определяется как способность обеспечить высокий уровень / рост ВВП или благосостояние граждан. Рассматривается конкурентоспособность стран, регионов и городов. Использование ЕРГК объясняется простотой доступа и удобной организацией данных. Нами анализируются данные за 1997—2007 годы — одиннадцатилетний период, непосредственно предшествующий мировому финансовому кризису.

МИУР оценивал конкурентоспособность 51 страны в 2003—2005 годы, 53 стран в 2006-м и 55 — в 2007-м. Важно отметить увеличение объема данных. Национальная конкурентоспособность оценивалась по четырем основным критериям: состоянию экономики (макроэкономическим показателям национальной экономики), эффективности управления (государственному содействию повышению конкурентоспособности), эффективности предпринимательской деятельности (уровню поддержки инновационного, прибыльного и ответственного предпринимательства), развитию инфраструктуры (обеспеченности предпринимательской деятельности основными, технологическими, научными и человеческими ресурсами). Эти четыре категории подразделяются на подкатегории.

В данной работе анализируются прямые иностранные инвестиции, определяемые как инвестиции, направленные на длительный контроль над компанией в стране, отличной от страны происхождения инвестора. Инвестирование в другие страны и привлечение инвестиций в страну имеют разные причины. Под ПИИ понимаются данные о накопленных прямых иностранных инвестициях (платежный баланс, выраженный в долларах США). Во время рассматриваемого периода в определенные годы объем ПИИ и иные переменные принимали отрицательные значения. Отрицательные значения объема ПИИ наблюдалось в тех случаях, когда в течение года объем дивидендов, выплачиваемых инвестирующей стране, превышал непосредственный объем инвестиций. Считается, что наличие ПИИ — показатель того, что инвестор заинтересован в долгосрочных вложениях, что, в свою очередь, говорит о конкурентоспособности страны.

4. Результаты

Результаты применения регрессии представлены в три этапа. Сначала производится оценка при помощи метода наименьших квадратов, далее с помощью метода Хекмана определяется выборка и, наконец, строится мультиномиальная логистическая регрессия.

В таблице 2 представлены результаты применения метода наименьших квадратов к формуле (2).

Таблица 2

Результаты, полученные при помощи метода наименьших квадратов

Переменная	Значение
$\sinh^{-1}(FDI_RATIO_{i,t})$	0,765 (0,61)
$\ln(POP_{i,t})$	6,232*** (17,40)
$\ln(FEMALE_PART_{i,t})$	- 8,961*** (- 2,86)
$\sinh^{-1}(EXP_{i,t})$	- 7,629*** (- 22,02)
$\ln(OPEN_{i,t})$	7,271*** (11,31)
$\sinh^{-1}(INF_{i,t})$	0,329 (1,09)
$COR_TAX_{i,t}$	- 3,629*** (- 12,53)
$EX_RATE_{i,t}$	- 2,346*** (- 9,86)
$EN_SHIP_{i,t}$	- 1,049*** (- 2,60)
$FLEX_AD_{i,t}$	- 1,308*** (- 3,31)
Константа	96,901*** (7,41)
Наблюдения	358
R-квадрат	0,8759

Примечание: t-статистика приведена в скобках; ***, ** и * соответствуют уровням значимости 1%, 5% и 10%.

Проведенная оценка показывает, что ПИИ не имеют решающего воздействия на конкурентоспособность. Делается вывод, что численность населения и объем рынка оказывают положительное влияние на конкурентоспособность, в то время как на ПИИ негативно влияет уровень вовлеченности женщин в трудовую деятельность. Отрицательное воздействие на конкурентоспособность оказывает объем экспорта, а положительное — экономическая открытость. Конкурентоспособность не зависит от уровня инфляции, при этом на ней негативно сказывается повышение ставки налога на прибыль коммерческих предприятий и повышение обменного курса, а положительно — способность населения адаптироваться к меняющимся условиям и вовлеченность руководителей в предпринимательскую деятельность (по данным обследования мнений руководящего состава компаний, по шкале от 0 до 10).

Далее применяется двухшаговый метод Хекмана. Данная регрессивная модель используется при определении выборки. В таблице 3 представлены результаты применения метода Хекмана, далее используется пробит-регрессия. Каждой стране присваивается значение 1 или 0 в зависимости от ее принадлежности к группе десяти самых конкурентоспособных стран.

Таблица 3

Результаты, полученные при помощи метода Хекмана

Результаты пробит-регрессии переменной	Полная выборка
$\sinh^{-1} [FDI_RATIO_{i,t}]$	2,307** (2,08)
$\ln(POP_{i,t})$	- 0,957*** (- 3,05)
$COR_TAX_{i,t}$	- 1,675*** (- 4,82)
$EN_SHIP_{i,t}$	1,059* (1,72)
Constant	9,109 (1,55)
Результаты второго этапа	Десять наиболее конкурентоспособных стран
$\sinh^{-1} [FDI_RATIO_{i,t}]$	1,535*** (3,26)
$\ln(FEMALE_PART_{i,t})$	8,278*** (4,50)
$\sinh^{-1}(EXP_{i,t})$	0,305*** (3,73)
$\ln(OPEN_{i,t})$	- 0,098 (- 0,40)
$EN_SHIP_{i,t}$	0,834*** (5,73)
Константа	- 39,119*** (- 5,20)
Наблюдения	359
Цензурированные наблюдения	287

Примечания: z-статистика приведена в скобках; ***, ** и * соответствуют уровням значимости 1%, 5% и 10%.

Далее данным по каждой из лидирующих стран за определенный год присваивается значение 1, а данным по остальным странам 0. На следующем этапе используется метод наименьших квадратов для определения выборки десяти наиболее конкурентоспособных стран. То есть

на втором этапе оцениваются ключевые факторы конкурентоспособности при учете вероятности вхождения страны в группу десяти наиболее конкурентоспособных стран.

По построенной пробит-регрессии делается вывод о том, что ПИИ и вовлеченность руководителей в предпринимательскую деятельность имеют решающее значение для вхождения страны в число десяти наиболее конкурентоспособных стран. Тем не менее масштаб национального рынка (измеряемый численностью населения) и ставка налога на прибыль коммерческих предприятий оказывают значимое негативное воздействие на попадание страны в группу десяти наиболее конкурентоспособных стран.

Результаты, полученные на втором этапе с учетом вероятности вхождения страны в число десяти наиболее конкурентоспособных стран, ПИИ, вовлеченности женщин в трудовую деятельность, объема экспорта товаров и уровня развития предпринимательства показывают, что данные факторы оказывают значимое положительное воздействие на конкурентоспособность. Результаты построения логит-регрессии представлены в таблице 4.

Таблица 4

**Результаты, полученные при помощи
мультиномиальной логистической регрессии**

Переменная	Группа			
	1—10	11—20	21—30	31—55
$\sinh^{-1} [FDI_RATIO_{i,t}]$	1,75e-06 (0,31)	0,082 (0,72)	0,681* (1,89)	-0,764** (-2,13)
$\ln(POP_{i,t})$	-0,00002 (-0,45)	-0,379*** (-2,95)	0,033 (0,22)	0,346*** (4,11)
$\ln(FEMALE_PART_{i,t})$	0,00001 (0,38)	189 (0,60)	-0,027 (-0,08)	-0,162 (-0,60)
$\sinh^{-1}(EXP_{i,t})$	0,00002 (0,45)	0,413*** (3,05)	0,018 (0,11)	-0,432*** (-4,48)
$\ln(OPEN_{i,t})$	-0,00002 (-0,45)	-0,387*** (-3,07)	-0,126 (-0,80)	0,513*** (4,55)
$\sinh^{-1} [INF_{i,t}]$	-1,60e-06 (-0,47)	0,002 (0,08)	-0,093* (-1,83)	0,090* (1,90)
$COR_TAX_{i,t}$	4,11e-06 (0,43)	0,120*** (2,72)	0,119** (2,00)	-0,240*** (-5,10)
$EX_RATE_{i,t}$	4,82e-06 (0,45)	0,058*** (2,66)	0,119** (2,39)	-0,177*** (-3,87)
$EN_SHIP_{i,t}$	2,23e-06 (0,44)	0,013 (0,32)	0,128** (2,17)	-0,141** (-2,46)
$FLEX_AD_{i,t}$	5,98e-06 (0,43)	0,084* (1,80)	-0,139** (-2,27)	0,056 (1,18)

Примечание: количество наблюдений — 358; t-статистика приведена в скобках под значениями коэффициентов; ***, ** и * соответствуют уровням значимости 1 %, 5 % и 10 %.

В таблице 4 показано, что увеличение объема ПИИ не влечет за собой повышения позиции страны в рейтинге конкурентоспособности в группах 1—10 или 11—20. Тем не менее улучшение данного показателя способствует закреплению страны в группе 21—30 и снижает вероятность попадания в группу, представленную странами, занимающими 31-ю и более низкие позиции. Увеличение объема рынка, сопутствующее увеличению численности населения, повышает вероятность того, что страна окажется на одной из последних позиций в группе 31—55 или войдет в группу 11—20. Вовлеченность женщин в трудовую деятельность не оказывает влияния на вероятность вхождения страны ни в одну из групп. Увеличение объема экспорта имеет положительное влияние на вероятность вхождения в группу 11—20 и негативное — на вхождение в группу 31—55.

Открытость экономики значимо снижает вероятность вхождения в группу 11—20 и увеличивает вероятность попадания в группу с самой низкой конкурентоспособностью. Инфляция имеет отрицательное воздействие на вероятность того, что страна войдет в группу 11—20 и положительное — на вероятность попадания в группу низкой конкурентоспособности. Ставка налога на прибыль коммерческих предприятий, обменный курс и уровень развития предпринимательской деятельности имеют положительное влияние на вероятность вхождения в группы 11—20 и 21—30 и отрицательное — на вероятность попадания во все остальные группы. Наконец, способность населения адаптироваться к меняющимся условиям увеличивает вероятность попадания в группу 11—20 и уменьшает вероятность вхождения во все остальные группы.

В целом построенная регрессия показывает, что некоторые факторы имеют более значимое влияние на конкурентоспособность. Наряду с результатами предыдущих исследований [8; 17; 19; 21; 22; 26] данные выводы должны учитываться при разработке политической стратегии как малыми, так и крупными странами.

Вывод о потенциальной высокой конкурентоспособности малых государств совпадает с результатами более ранних работ [8], в которых затрагивается тема разработки успешной политики экспортно ориентированных стран.

Выводы

Цель данной работы — определение факторов, обеспечивающих высокую конкурентоспособность стран, и представление нового подхода к экономическому анализу таких факторов.

Данные «Ежегодного рейтинга глобальной конкурентоспособности» используются для выделения факторов конкурентоспособности. Применяются элементы гравитационной модели и модели капитала знаний, анализирующих макроэкономические потоки между странами. Несмотря на то что численность населения имеет положительное влияние на конкурентоспособность на уровне всей выборки, оно не оказывает воздействия на десять наиболее конкурентоспособных стран.

Вовлеченность женщин в трудовую деятельность не имеет положительного влияния на вхождение в группу десяти наиболее конкурентоспособных стран, тем не менее данный фактор повышает конкурентоспособность при рассмотрении оценочной вероятности попадания в лидирующую группу. **Открытость** имеет положительное влияние только на страны низкой конкурентоспособности. Но **инфляция** оказывает отрицательное воздействие только на страны группы 21—30, а **ставка налога на прибыль коммерческих предприятий** — только на страны группы низкой конкурентоспособности. **Обменный курс** имеет положительное влияние на вероятность того, что страна войдет в группы 11—30 и отрицательное — на вероятность того, что она окажется в группе низкой конкурентоспособности. Наконец, **гибкость управления** имеет положительное влияние на вероятность вхождения страны в группу 11—20 и отрицательное — на вероятность попадания в группу 21—30. В целом ключевые факторы конкурентоспособности согласуются с особенностями международной экономической среды, что должно учитываться в макроэкономическом управлении.

Подчеркивается необходимость эмпирической оценки конкуренции, так как она позволяет выделить факторы национальной конкурентоспособности. Данный подход дает возможность составить соответствующий рейтинг стран. Эмпирический анализ показывает, что условия ведения бизнеса оказывают влияние на конкурентоспособность предприятий. Некоторые характеристики рынка труда воздействуют на национальную конкурентоспособность.

Результаты данного исследования позволяют сформулировать ряд рекомендаций по разработке политики повышения конкурентоспособности. В частности, некоторые факторы оказывают более значимое воздействие на национальную конкурентоспособность, чем другие. Такими факторами являются гибкость государственного управления, низкий уровень инфляции, открытость, умеренная вовлеченность женщин в трудовую деятельность, умеренная ставка налога, обменный курс, а также экономическая открытость в сочетании со значительными объемами экспорта и высоким уровнем развития предпринимательства. Все вышеперечисленное должно приниматься во внимание в качестве ключевых факторов национальной конкурентоспособности.

Благодарности

Выражаю благодарность профессору Paul De Grauwe (Лёвенский католический университет), Fiona Mary Cribben за полезные комментарии. Также благодарю Sigrídur Mogensen, Heiðrún Hauksdóttir and Maria Karevskaya за помощь в проведении исследования.

Список литературы

1. Bergstrand J.H. The Gravity Equation in International Trade: Some microeconomic Foundations and Empirical Evidence // The Review of Economics and Statistics. 1985. Vol. 67, № 3. P. 474—481.

2. *Binda V.* Creating Nordic Capitalism. The Business History of a Competitive Periphery // *Revista De Historia Industrial*. 2010. №42. P. 205—206.
3. *Blonigen B.A., Davies R.B.* Asymmetric FDI and Tax-Treaty Bargaining: Theory and Evidence // *Journal of Public Economics*. 2004. Vol. 88, №6. P. 119—1148.
4. *Blonigen B.A., Davies R.B.* Do Bilateral Tax Treaties Promote Foreign Direct Investment? // *Handbook of International Trade* / ed. J. Hartigan. Oxford, U.K. ; Cambridge, MA, 2005. Vol. 2 : Economic and Legal Analysis of Laws and Institutions. P. 526—546.
5. *Davies R.B., Ionascu D., Kristjánsdóttir H.* Estimating the Impact of Time-Invariant Variables on FDI with Fixed Effects // *Review of World Economics*. 2008. Vol. 144, №3. P. 381—407.
6. *Davies R.B., Kristjánsdóttir H.* Fixed Costs, Foreign Direct Investment, and Gravity with Zeros // *Review of International Economics*. 2010. Vol. 18, №1. P. 47—62.
7. *Doyle P., Saunders J. Wong V.* Competition in Global Markets — A Case-Study of American and Japanese Competition in the British Market // *Journal of International Business Studies*. 1992. Vol. 23, №3. P. 419—442.
8. *Fedyunina A.* Trade Liberalisation and its Impact on Regional Development: Theoretical and Experimental Studies // *Baltic Region*. 2016. Vol. 8, №3. P. 93—112.
9. *Greene W.H.* *Econometric Analysis*. Prentice Hall. New Jersey, 1997.
10. *Harzing A.W., Pudelko M.* Language competencies, policies and practices in multinational corporations: A comprehensive review and comparison of Anglophone, Asian, Continental European and Nordic MNCs // *Journal of World Business*. 2013. Vol. 48, №1. P. 87—97.
11. *Heckman J.* Sample selection bias as a specification error // *Econometrica*. 1979. №47. P. 153—161.
12. *IMD.* World Competitiveness Yearbook. URL: www.worldcompetitiveness.com/online (дата обращения: 20.01.2016).
13. *IMF.* World Economic Outlook, October 2013: Transitions and Tensions. URL: <http://elibrary.imf.org/view/IMF081/20382-9781484340639/20382-9781484340639/20382-9781484340639.xml> (дата обращения: 22.04.2016).
14. *Immervoll H., Kleven H.J., Kreiner C.T., Verdelin N.* Optimal tax and transfer programs for couples with extensive labor supply responses // *Journal of Public Economics*. 2011. Vol. 95, №11—12. P. 1485—1500.
15. *Helpman E.* A simple theory of international trade with multinational corporations // *Journal of Political Economy*. 1984. №92. P. 451—471.
16. *Jaaskela J.P., Smith P.* Terms of Trade Shocks: What Are They and What Do They Do? // *Economic Record*. 2013. Vol. 89, №285. P. 145—159.
17. *Krugman P.R.* Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. №99. P. 183—199.
18. *Krugman P.* A Song of Ice and Ire: Iceland in context. Presentation at the IMF Conference Iceland's Recovery — Lessons and Challenges, Reykjavík, Iceland, October 27 2011. URL: <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2011/isl/> (дата обращения: 20.01.2016).
19. *Kristjánsdóttir H.* Exports from a Remote Developed Region: Analyzed by an Inverse Hyperbolic Sine Transformation of the Gravity Model // *The World Economy*. 2012. Vol. 35, №7. P. 953—966.
20. *Kristjánsdóttir H.* Foreign Direct Investment in a Small Open Economy // *Applied Economics Letters*. 2013. Vol. 20, №15. P. 1423—1425.
21. *Kristjánsdóttir H.* Foreign Direct Investment in the Hospitality Industry in Iceland and Norway in comparison to the Nordics and a range of other OECD countries // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2016. Vol. 16, №4. P. 395—403.

22. *Kristjánsdóttir H.* Can the Butler's tourist area cycle of evolution be applied to find the maximum tourism level? A comparison of Norway and Iceland to other OECD countries // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2016. Vol. 16, №1. P. 61—75.

23. *Larsen E.* Creating Nordic Capitalism: The Business History of a Competitive Periphery // *Enterprise and Society*. 2010. Vol. 11, №3. P. 636—638.

24. *Markusen J. R.* Multinationals, Multi-plant Economies, and the Gains from Trade // *Journal of International Economics*. 1994. Vol. 16, №3—4. P. 205—226.

25. *Markusen J. R.* *Multinational Firms and the Theory of International Trade*. Cambridge, MA, 2004.

26. *Markusen J. R.* Putting per-capita income back into trade theory // *Journal of International Economics*. 2013. Vol. 90, №2. P. 255—265.

27. *Nielsen S. B., Sørensen P. B.* On the optimality of the Nordic system of dual income taxation // *Journal of Public Economics*. 1997. Vol. 63, №3. P. 311—329.

28. *Palmowski T., Tarkowski M.* Development of Sea Port in Gdynia // *Baltic Region*. 2016. №3. P. 61—74.

29. *Razin A., Rubinstein Y., Sadka E.* Which Countries Export FDI, and How Much? // Paper presented at the 6th Conference of the Analysis of International Capital Markets RTN. Rome, 2003.

30. *Razin A., Rubinstein Y., Sadka E.* Fixed Costs and FDI: The Conflicting Effects of Productivity Shocks // Working Paper 10864. 2004. National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w10864> (дата обращения: 10.02.2016).

31. *Shastitko A., Pavlova N.* Socially Efficient Entry Barriers? // *Baltic Region*. 2016. Vol. 8, №4. P. 34—52.

32. *Söderström H. T., Braunerhjelm P., Friberg R. et al.* *Sweden in the New Economic Geography of Europe*. Stockholm, 2001.

33. *Yorucu V.* Construction in an Open Economy: Autoregressive Distributed Lag Modeling Approach and Causality Analysis Case of North Cyprus // *Journal of Construction Engineering and Management*. 2013. Vol. 139, №9. P. 1199—1210.

34. *World Bank.* Is foreign direct investment (FDI) included in gross fixed capital formation? URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/195312-is-foreign-direct-investment-fdi-included-in-gro> (дата обращения: 14.01.2016).

Об авторе

Хелга Кристьянсдоттир, PhD, факультет бизнеса, Университет Исландии, Исландия.

E-mail: dr.helga.kristjansdottir@bc.edu

Для цитирования:

Кристьянсдоттир Х. Эмпирическое исследование национальной конкурентоспособности // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №2. С. 44—60. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-3.

COUNTRY COMPETITIVENESS: AN EMPIRICAL STUDY

H. Kristjánsdóttir¹¹ University of Iceland
Sæmundargata Str., Reykjavík, 101, Iceland

Submitted on November 21, 2016

What makes countries competitive? What economic policies effectively influence country competitiveness? The aim of this research paper is to analyse country competitiveness empirically, in order to explore the factors that make countries competitive. This can allow governments to structure their business environment differently, and to elaborate strategies aimed at improving their countries' overall competitiveness. Economic size and trading conditions have proven important for economic success throughout history. Individual competitiveness and business competitiveness are commonly talked about. The author analyses the overall economic competitiveness of countries. The author argues that trade is subject to various factors, including entrepreneurship and economic openness. Competitiveness is analysed in this current research, using IMD World Competitiveness Yearbook data for 55 countries in the estimation sample. This unique research applies a Multinomial Logistic procedure, and a Heckman Two-Step procedure in its accountancy for market size, exports, openness, and foreign direct investment. The business environment factors for estimation are highlighted. Also, several macro-economic modifications of the basic model specification are tested, providing further empirical analysis. Results indicate that the ten most competitive countries tend to be driven by foreign direct investment, exports and entrepreneurship.

Key words: competitiveness, foreign direct investment, multinomial logistic procedure, Heckman two-step procedure

References

1. Bergstrand, J.H. 1985, The Gravity Equation in International Trade: Some microeconomic Foundations and Empirical Evidence, *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 67, no. 3, p. 474—481.
2. Binda, V. 2010, Creating Nordic Capitalism. The Business History of a Competitive Periphery, *Revista De Historia Industrial*, no. 42, p. 205—206.
3. Blonigen, B.A., Davies, R.B. 2004, Asymmetric FDI and Tax-Treaty Bargaining: Theory and Evidence, *Journal of Public Economics*, Vol. 88, no. 6, p. 1119—1148.
4. Blonigen, B.A., Davies, R.B. 2005, Do Bilateral Tax Treaties Promote Foreign Direct Investment? In: Hartigan, J. (ed.) *Handbook of International Trade, Volume II: Economic and Legal Analysis of Laws and Institutions*, p. 526—546.
5. Davies, R.B., Ionascu, D., Kristjánsdóttir, H. 2008, Estimating the Impact of Time-Invariant Variables on FDI with Fixed Effects, *Review of World Economics*, Vol. 144, no. 3, p. 381—407.
6. Davies, R.B., Kristjánsdóttir, H. 2010, Fixed Costs, Foreign Direct Investment, and Gravity with Zeros, *Review of International Economics*, Vol. 18, no. 1, p. 47—62.

7. Doyle, P., Saunders, J. Wong, V. 1992, Competition in Global Markets — A Case-Study of American and Japanese Competition in the British Market, *Journal of International Business Studies*, Vol. 23, no. 3, p. 419—442.
8. Fedyunina A. A. 2016, Trade Liberalisation and its Impact on Regional Development: Theoretical and Experimental Studies, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 3, p. 70—83. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-6.
9. Greene, W.H. 1997, *Econometric Analysis*. Prentice Hall, New Jersey.
10. Harzing, A.W., Pudelko, M. 2013, Language competencies, policies and practices in multinational corporations: A comprehensive review and comparison of Anglophone, Asian, Continental European and Nordic MNCs, *Journal of World Business*, Vol. 48, no. 1, p. 87—97.
11. Heckman, J. 1979, Sample selection bias as a specification error, *Econometrica*, no. 47, p. 153—161.
12. IMD. World Competitiveness Yearbook, available at: www.worldcompetitiveness.com/online (accessed 20.01.2016).
13. IMF. World Economic Outlook, October 2013: Transitions and Tensions, available at: <http://elibrary.imf.org/view/IMF081/20382-9781484340639/20382-9781484340639/20382-9781484340639.xml> (accessed 22.04.2016).
14. Immervoll, H., Kleven, H.J., Kreiner, C.T. Verdelin, N. 2011, Optimal tax and transfer programs for couples with extensive labor supply responses, *Journal of Public Economics*, Vol. 95, no. 11—12, p. 1485—1500.
15. Helpman, E. 1984, A simple theory of international trade with multinational corporations, *Journal of Political Economy*, no. 92, p. 451—71.
16. Jaaskela, J.P., Smith, P. 2013, Terms of Trade Shocks: What Are They and What Do They Do? *Economic Record*, Vol. 89, no. 285, p. 145—159.
17. Krugman, P.R. 1991, Increasing returns and economic geography, *Journal of Political Economy*, no. 99, p. 183—199.
18. Krugman, P.A. 2011, Song of Ice and Ire: Iceland in context, *Presentation at the IMF Conference Iceland's Recovery—Lessons and Challenges, Reykjavik, Iceland*, October 27 2011, available at <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2011/isl/> (accessed 20.01.2016).
19. Kristjánsdóttir, H. 2012, Exports from a Remote Developed Region: Analyzed by an Inverse Hyperbolic Sine Transformation of the Gravity Model, *The World Economy*, Vol. 35, no. 7, p. 953—966.
20. Kristjánsdóttir, H. 2013, Foreign Direct Investment in a Small Open Economy, *Applied Economics Letters*, Vol. 20, no. 15, p. 1423—1425.
21. Kristjánsdóttir, H. 2016, Foreign Direct Investment in the Hospitality Industry in Iceland and Norway in comparison to the Nordics and a range of other OECD countries, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, Vol. 16, no. 4, p. 395—403.
22. Kristjánsdóttir, H. 2016, Can the Butler's tourist area cycle of evolution be applied to find the maximum tourism level? A comparison of Norway and Iceland to other OECD countries, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, Vol. 16, no. 1, p. 61—75.
23. Larsen, E. 2010, Creating Nordic Capitalism: The Business History of a Competitive Periphery, *Enterprise and Society*, Vol. 11, no. 3, p. 636—638.
24. Markusen, J.R. 1894, Multinationals, Multi-plant Economies, and the Gains from Trade, *Journal of International Economics*, Vol. 16, no. 3—4, p. 205—226.
25. Markusen, J.R. 2004, *Multinational Firms and the Theory of International Trade*, Cambridge.
26. Markusen, J.R. 2013, Putting per-capita income back into trade theory, *Journal of International Economics*, Vol. 90, no. 2, p. 255—265.

27. Nielsen, S. B., Sørensen, P. B. 1997, On the optimality of the Nordic system of dual income taxation, *Journal of Public Economics*, Vol. 63, no. 3, p. 311—329.
28. Palmowski, T., Tarkowski, M. 2016, Development of Sea Port in Gdynia, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 3, p. 49—55. DOI: 10.5922/2079-8555-2016-3-4.
29. Razin, A., Rubinstein, Y. Sadka, E. 2003, Which Countries Export FDI, and How Much? *Paper presented at the 6th Conference of the Analysis of International Capital Markets RTN, Universita di Roma III*, December.
30. Razin A., Rubinstein Y. and E. Sadka Fixed Costs and FDI: The Conflicting Effects of Productivity Shocks// Working Paper 10864. 2004. National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w10864> (дата обращения: 10.02.2016).
31. Shastitko, A., Pavlova, N. 2016, Socially Efficient Entry Barriers? *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 4, p. 26—38. DOI: 10.5922/2079-8555-2016-4-3.
32. Söderström, H. T., Braunerhjelm, P., Friberg, R., Norman, V., Sölvell, Ö. 2001, *Sweden in the New Economic Geography of Europe*, SNS, Economic Policy Group Report.
33. Yorucu, V. 2013, Construction in an Open Economy: Autoregressive Distributed Lag Modeling Approach and Causality Analysis Case of North Cyprus, *Journal of Construction Engineering and Management*, Vol. 139, no. 9, p. 1199—1210.
34. World Bank, 2016, Is foreign direct investment (FDI) included in gross fixed capital formation? available at: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/195312-is-foreign-direct-investment-fdi-included-in-gro> (accessed 14.01.2016).

The authors

Dr. Helga Kristjánsdóttir, Faculty of Business, University of Iceland.
E-mail: dr.helga.kristjansdottir@bc.edu

To cite this article:

Kristjánsdóttir, H. 2017, Country Competitiveness: an Empirical Study, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 44—60. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-3.

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ПРАКТИЧЕСКОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

**Ю. Н. Баженов^{1, 2}
М. Ю. Елсуков¹
О. В. Подшувейт²**

Целью исследования послужила оценка перспектив реализации внешнеэкономического потенциала в повышении конкурентоспособности Санкт-Петербурга.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: изучены теоретические аспекты конкурентоспособности региона; проведен анализ результатов внешней торговли Санкт-Петербурга за последние 10 лет; рассмотрена значимость имиджа, репутации и информационного обеспечения внешнеэкономической деятельности региона на основе реализаций функций информационно-деловых центров за рубежом.

Для получения авторских заключений применялись методы экспертных оценок и статистического анализа, а также авторские материалы, позволившие обобщить проблемы развития внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга и повышения его конкурентоспособности.

В результате проведенных исследований дана авторская оценка результатов внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга, определены основные направления оптимизации конкурентоспособности города.

Материалы статьи имеют научную и практическую ценность для специалистов, занимающихся исследованием конкурентоспособности территорий, органов государственной власти субъектов федерации, а также представителей деловых кругов.

Ключевые слова: внешнеэкономический потенциал региона, конкурентоспособность региона, внешняя торговля, территориальный бренд

Введение

Внешнеэкономическую деятельность предприятий, регионов и государства в целом активно изуча-

¹ Северо-Западный институт управления — РАНХиГС
199178, Россия, Санкт-Петербург,
Средний пр. В.О., 57/43.

² Санкт-Петербургский
государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9.

Поступила в редакцию 20.11.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-4

© Баженов Ю. Н., Елсуков М. Ю.,
Подшувейт О. В., 2017

ют представители различных наук. Отдельное направление научных исследований посвящено вопросам интеграционных проблем различного уровня и мировой экономики в целом.

Субъекты Российской Федерации (далее — РФ) получили право на осуществление государственной политики в области внешнеэкономического сотрудничества 25 лет назад, благодаря чему приграничные и крупные промышленные центры стали активно развивать внешние торгово-экономические связи с зарубежными партнерами, а богатые природными ресурсами регионы начали экспортировать сырье.

В результате деструктурированного развития внешнеэкономической деятельности на уровне регионов и отсутствия у них необходимых компетенций управления возникли многочисленные проблемы в осуществлении экспортно-импортной деятельности как в теоретико-методическом, так и практическом отношении.

Не отрицая кратковременных положительных эффектов либерализации внешнеэкономической деятельности в 90-е годы, необходимо отметить, что по причине отсутствия четкой государственной стратегии внешнеэкономической деятельности возник веер проблем, касающихся экспортно-импортных отношений, низкого уровня конкурентоспособности российских товаров и услуг на мировом рынке.

Решение этих проблем и укрепление позиций России в условиях жесткой конкуренции на зарубежных рынках требует комплексного подхода к сложным задачам государственного управления в данной сфере. При этом достаточно четко просматривается акцентированное экспертное внимание на роли субъектов РФ в реализации внешнеэкономической политики России.

В данной статье авторы на примере Санкт-Петербурга обосновывают взаимосвязь между конкурентоспособностью и внешнеэкономическим потенциалом города, анализируют основные компоненты его внешней торговли, а также информационные аспекты обеспечения конкурентоспособности, формулируют практические рекомендации по оптимизации внешнеэкономической деятельности регионов.

Теоретические аспекты конкурентоспособности региона

Экономика РФ переживает непростые времена. Снижение цен на энергоносители, введение санкций, замедление темпов экономического роста, рост бюджетного дефицита, снижение покупательной способности населения негативно влияют на экономическое развитие страны.

Для преодоления названных негативных тенденций необходимы значимые экономические и институциональные реформы, в частности, в сфере развития конкурентных отношений. Конкуренция — это базис экономического роста, и от того, в каком состоянии находится экономическое соперничество между хозяйствующими субъектами и секторами экономики, зависит могущество государства и его место в рейтинге экономически развитых и процветающих стран мира.

Основной вызов, который стоит перед Россией с учетом аспектов конкурентоспособности на внешних рынках, на наш взгляд, — необходимое развитие внутренней конкуренции и региональной кооперации. В экономических и аналитических исследованиях нередко даются весьма негативные оценки развития страны в условиях несовершенной конкуренции. Так, в одной из работ, посвященных анализу конкуренции в газовой отрасли, строительном комплексе, грузоперевозках и фармацевтике, делается достаточно жесткий вывод о том, что последствия неразвитости конкуренции на рынках имеют важное политическое измерение в долгосрочной перспективе: неустойчивость политической системы, проблемы с легитимностью власти. Позитивность последних создает благоприятные институциональные основы ведения бизнеса на конкурентной основе, формирует механизм положительной обратной связи между бизнесом и государством [13, с. 115].

До недавнего времени теоретико-практические аспекты конкуренции рассматривались с позиции фирмы, отрасли, локальных рынков. Поэтому первоначальные представления о территориальной конкуренции анализировались через призму конкурентоспособности предприятий на данной территории. Так, Н. Н. Скорниченко полагает, что влияние конкурентоспособности предприятия на конкурентоспособность региона проявляется за счет производства и реализации товаров, оплаты труда работников, организации социально-культурных мероприятий [27, с. 824]. По мысли автора, реализация перечисленных мероприятий позволяет сформировать инвестиционный климат и качество жизни в регионе. На наш взгляд, такой упрощенный подход к оценке региональной конкурентоспособности нельзя назвать удачным. Перечисленные автором факторы весьма отдаленно влияют на региональную конкурентоспособность. Ее определяют лишь те предприятия, которые входят в систему жизнеобеспечивающих, отраслей бюджетопределяющих и экспортно ориентированных, а также предприятий, нацеленных на импортозамещение. Поэтому не случайно, что в Государственной программе РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности» в качестве ожидаемых результатов регламентируется перелом тенденций к снижению доли машин, оборудования и транспортных средств в экспорте товаров.

Безусловно, роль ключевых предприятий оказывает существенное влияние на конкурентные позиции региона, однако понятие «конкурентность» как феномен реализуется и в отраслевом аспекте, и в географическом пространстве. Это понятие используется в отношении отдельных стран и регионов, поскольку территория как легитимный субъект управления может быть конкурентоспособным или неконкурентоспособным [9]. Поэтому закономерно, что эта многоаспектная тема получила продолжение в региональных исследованиях, посвященных изучению проблем конкурентоспособности российских регионов как внутри страны, так и на внешних рынках.

Термин «региональная конкуренция» в структуре относительно молодой по историческим меркам науки «Региональная экономика» по-

явился сравнительно недавно и является предметом достаточно острых дискуссий среди как зарубежных экспертов [1—2; 5—8], так и российских ученых [13—14; 18].

Следует обратить внимание на разнообразие подходов к трактовке региональной конкурентоспособности. В экспертных и аналитических материалах представлены многочисленные взгляды на природу, сущность региональной конкуренции, методы ее оценки и интерпретации. Это говорит о периоде формирования нового направления исследований в науке «Региональная экономика». Поэтому важен анализ и критическое осмысление представленных концепций, выработка относительно единого взгляда на понятие «конкурентоспособность региона».

Так, В. В. Худеева рассматривает конкурентоспособность территории с позиций государственной поддержки сглаживания асимметрии регионального развития. При этом автор выделяет следующие целевые установки:

- государственная поддержка сглаживания экономической асимметрии в целях достижения региональной конкурентоспособности;
- поддержка развития инфраструктуры региона;
- поддержка реализации инвестиционных проектов по созданию и развитию кластеров и зон опережающего развития;
- специальные институты государственной поддержки [30, с. 208].

Представляется, что в указанных дефинициях развивается иждивенческая концепция региональной конкурентоспособности, в которой во главу угла ставится всеобъемлющая помощь государства, а не инициатива региональных органов власти. Такая концепция бесперспективна ввиду ограниченности государственных ресурсов как в финансовом отношении, так и в институциональной среде.

Для ряда авторов характерна попытка «объять необъятное», охватить практически все стороны регионального развития, реализация которых и определяет конкурентоспособность региона. Так, И. В. Пунгин предлагает девять факторов конкурентоспособности: от уровня удовлетворения базовых потребностей жителей региона до уровня менеджмента, принимающего решения [23, с. 56].

По сути, автор предлагает концептуальные направления разработки стратегии развития региона, но не повышения его конкурентоспособности. В данном контексте непонятно, с кем должен конкурировать регион на внутренних и внешних рынках. Если сравнивать конкурентоспособность регионов Северо-Запада с относительно диверсифицированной отраслевой структурой экономики и Ненецкого автономного округа, то пальма первенства окажется у последнего, так как его конкурентные преимущества определяет исключительно добыча и экспорт нефти и ничего более. Примерно в том же русле рассуждают С. Г. Важенин и И. С. Важенина, которые полагают, что наиболее значимыми целями конкурентной борьбы территории являются:

- 1) привлечение российских и иностранных инвестиций;
- 2) развитие внутреннего туризма и привлечение иностранных туристов;
- 3) право проведения деловых, культурных, спортивных мероприятий;

- 4) достижение привлекательного имиджа и позитивной репутации;
- 5) создание благоприятного предпринимательского климата;
- 6) достижение экономической стабильности и финансовой устойчивости [13, с. 2].

Однако выделенные авторами факторы не автономны, они взаимообусловлены, имеют достаточно четкие причинно-следственные связи. Иностранные инвестиции придут в регион не сами по себе, а в зависимости от состояния предпринимательского климата и позитивного имиджа региона. Право проведения деловых, культурных и спортивных мероприятий, на необходимость которого указывают авторы, уже давно получили все субъекты РФ в соответствии с федеральным законодательством.

О региональной конкуренции можно привести еще немало суждений и постулатов. Так, некоторые авторы пытаются связать региональную конкурентоспособность с необходимостью роста эффективности национальной экономики в условиях кризисных явлений в мировой экономике [26, с. 24], другие подчеркивают динамизм данного понятия, осмысление которого выходит за рамки границ субъекта РФ и формируется в рамках трансграничного макрорегиона [33, с. 155].

По сути, проблема оценки конкурентоспособности сосредоточена на отборе показателей в достаточно широком диапазоне от одного (например, валового регионального продукта на душу населения) до нескольких десятков, отражающих различные аспекты социально-экономического развития. При этом показатели отбираются на основе тех, которые используются в исследованиях Всемирного экономического форума и Евразийского института конкурентоспособности [24; 29; 34].

Как правило, для оценки конкурентоспособности регионов используются эконометрические модели и методы многомерных сравнений. Однако результаты использования этих моделей зависят от выбора системы показателей, их экономической интерпретации и определения веса влияния, что сделать не всегда просто.

Не вдаваясь в дискуссию о методах и подходах к оценке территориальной конкуренции обратим внимание на то, что обеспечение экономического роста страны не может не учитывать внешнеэкономическую деятельность региона. Однако в работах, посвященных изучению региональной конкурентоспособности, эта тема вообще не затрагивается или рассматривается попутно. Не изучается в динамике состояние внешнеторгового баланса, не анализируется соотношение экспорта и импорта товаров и их отраслевая специфика, не рассматривается государственная политика внешнеэкономической деятельности на уровне субъектов РФ, несмотря на требования федерального законодательства.

По всей видимости, на территории многих субъектов Федерации слишком мало крупнейших предприятий — основных налогоплательщиков и экспортеров товаров и услуг. Поэтому внешнеэкономическая тематика неактуальна и выпадает из поля зрения экспертов и представителей государственных органов власти. Так, по оценке компании Expert.ru, в рейтинге 250 крупнейших компаний Северо-Западного фе-

дерального округа в 2015 году по объему реализованной продукции Республика Карелия была представлена тремя компаниями, Вологодская и Псковская области — четырьмя, Архангельская — шестью, Мурманская — восемью. Республика Коми, Калининградская и Ленинградская были представлены 10, 16, 28 компаниями соответственно, в то время как Санкт-Петербург — 166. Причем даже если исключить из данного рейтинга компании, представляющие банковский сектор, телекоммуникации и сбытовые компании, большая часть предприятий ориентирована на внешние рынки. Поэтому для Санкт-Петербурга его экспортно-импортная деятельность является, на наш взгляд, определяющей при оценке его конкурентоспособности.

Следует отметить, что внешнеэкономическая деятельность любого региона обусловлена состоянием его внешнеэкономического потенциала, находящегося под воздействием внешних и внутренних факторов (табл.). Позитивные изменения в элементах внешнеэкономического потенциала оказывают непосредственное влияние на конкурентоспособность региона.

Внешние и внутренние факторы формирования внешнеэкономического потенциала региона*

Внешние факторы	
геополитические	геоэкономические
<ul style="list-style-type: none"> • Евразийская дуга нестабильности • геополитические сценарии мира: новая холодная война, подъем Евразии, деглобализация 	<ul style="list-style-type: none"> • Евразийский экономический союз • другие интеграционные торгово-экономические объединения: ЕСЕАН, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества
Внутренние факторы	
статичные	динамичные
<ul style="list-style-type: none"> • географическое положение • природно-ресурсный потенциал • инфраструктурный • человеческий • градостроительный потенциал • отраслевая структура экономики 	<ul style="list-style-type: none"> • состояние доходной и расходной части бюджета • экспортно-импортный потенциал • институциональный и административный фактор • маркетинговый и имиджевый потенциал • факторы инвестиционной и инновационной активности • условия ведения бизнеса в регионе

* Составлено автором.

Несмотря на то что понятие «внешнеэкономический потенциал» находится в процессе экспертного обсуждения и воспринимается неоднозначно, в контексте данной статьи принято следующее определение. Под внешнеэкономическим потенциалом понимается совокупная способность осуществлять внешнеэкономическую деятельность с целью оптимизации социально-экономического развития посредством исполь-

зования внутренних и внешних ресурсов региона при наличии системы управления и информационного базиса, обеспечивающих конкурентоспособность внешних связей на международном уровне.

Безусловно, одним из важнейших элементов внешнеэкономического потенциала региона выступает экономико-географическое положение (ЭГП). В свое время Н. Н. Баранский [12] выделил четыре главные характеристики ЭГП по отношению к территориям различного таксономического уровня:

- центральное положение;
- глубинное (периферийное) положение;
- соседское положение;
- приморское положение.

В последующих исследованиях принципиально новых характеристик сформулировано не было, только уточняющего характера с попытками смоделировать пространственную оценку потенциала ЭГП [17].

Например, в связи с актуализацией развития приграничных территорий в литературе стали выделять понятия «благоприятное приграничное положение», «близость к экономическим центрам и рынкам сбыта», «близость к ресурсно-сырьевым базам», «приближенность к транспортным путям и развитость транспортных коммуникаций». Тем не менее выделенные Н. Н. Баранским характеристики ЭГП не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Применительно к Санкт-Петербургу ключевую роль в повышении его конкурентоспособности играет приморское положение, которое позволяет осуществлять перевозку грузов при помощи самого дешевого вида транспорта. Это способствует развитию транспортной инфраструктуры и торгового оборота, влияет на рост ВРП. Особое значение имеет характер морского соседства. Как отмечается в ряде исследований, регион, имеющий морскую границу с торговым партнером или выход к морю, по которому его можно достичь с минимальными издержками, получает значительные конкурентные преимущества [21]. Некоторые авторы, занимаясь типологизацией приморских регионов, предлагают (в дополнение к классификации Дж. Фридманна) расположение «коридоров развития» между регионами-ядрами не одной, а двух или нескольких стран, а в отдельных случаях регион может содержать признаки двух (и более) типов [25].

На наш взгляд, возможна и более приземленная позиция, когда регион-ядро инициирует развитие межрегиональных связей с приграничными территориями. Это придает определенный динамизм развитию торгово-экономических отношений между ними, усилению интеграционных процессов, созданию единого транспортно-логистического комплекса. Речь идет о развитии торгово-экономических связей между Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и Республикой Карелия, Псковской областью как наиболее приближенными к западным границам РФ. Тем самым может быть реализована концепция формирования международных «коридоров развития» [11].

Среди факторов, обеспечивающих конкурентоспособность Санкт-Петербурга, следует особо остановиться на параметрах внешней торговли, проблемах и перспективах ее развития.

Анализ результатов внешней торговли Санкт-Петербурга

По официальным данным Федеральной таможенной службы, внешнеторговый оборот Санкт-Петербурга за январь-декабрь 2015 года составил 33 млрд долларов США. По сравнению с 2014 годом товарооборот сократился почти на 34% при уменьшении стоимостных объемов импорта на 35% и экспорта — почти на 32%. Это отражает последствия санкционной политики США и ЕС. Если же рассматривать экспорт Санкт-Петербурга (без учета минеральных продуктов) в динамике за 2008—2015 годы, то он рос в среднем на 7%, ежегодно. Это в 3 раза лучше показателя по совокупному российскому экспорту товаров (рис. 1). Следовательно, можно говорить о позитивной динамике экспорта в среднесрочной перспективе.

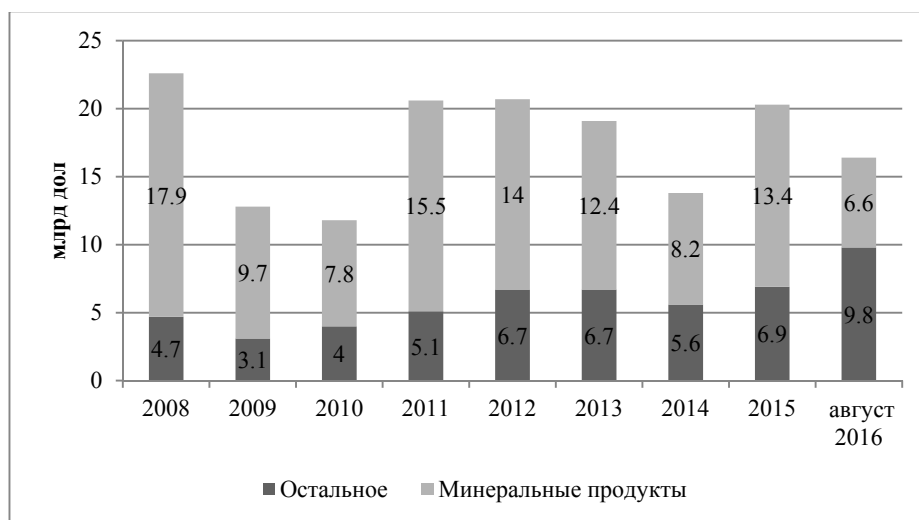

Рис. 1. Динамика экспорта Санкт-Петербурга в 2008—2015 годы и по состоянию на август 2016 года, млрд дол.

Источник: ФТС РФ.

Главной проблемой внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга является низкая товарная диверсификация. Несмотря на то что объемы экспорта нефти и нефтепродуктов из Санкт-Петербурга в период 2008—2015 годов серьезно сократились, их доля в совокупной величине поставок товаров за рубеж остается большой, а товарная структура экспорта города — слабо дифференцированной. Так, индекс товарной диверсификации, рассчитанный на уровне четырех знаков ТН ВЭД, в 2013 году составил 3,99. Коэффициент диверсификации — показатель, обратный индексу Херфиндаля-Хиршмана. Индекс может варьироваться от 0 до числа, равного количеству позиций, на основе которых производились расчеты. Чем выше значение, тем больше диверсифицирована торговля. Рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Коэффициент диверсификации} = \frac{1}{\sqrt{\sum_{i=1}^n \left(\frac{X_i}{X}\right)^2}},$$

где X — общий объем экспорта; X_i — объем экспорта по позиции; n — число позиций.

В результате расчетов, проведенных в рамках комплексного исследования внешних рынков Санкт-Петербурга, с целью выявления товаров экспортной специализации города был получен перечень из 93 позиций. Суммарный объем экспорта по ним в 2013 году составил 16,2 млрд долларов, или 85 % от совокупного экспорта Санкт-Петербурга.

Данные товары представляли следующие товарные группы: минеральные продукты (75 %); металлы и изделия из них (8,5 %); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (5 %); машины, оборудование и транспортные средства (4 %). Также был получен список из 10 товарных позиций экспорта Санкт-Петербурга с наибольшим потенциалом прироста. Анализ данного списка позволяет выделить несколько важнейших отраслей экспорта Санкт-Петербурга с наибольшим потенциалом роста: автомобилестроение, кластер фармацевтической и медицинской промышленности, электроника и электротехника, а также деревообработка.

Импорт товаров — важный элемент внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга. Изучение статистических данных динамики и структуры импорта Санкт-Петербург свидетельствует о посреднической роли города в торговых отношениях зарубежных стран с другими регионами РФ. В первую очередь благодаря выгодному экономико-географическому положению и наличию развитой транспортной инфраструктуры (рис. 2).

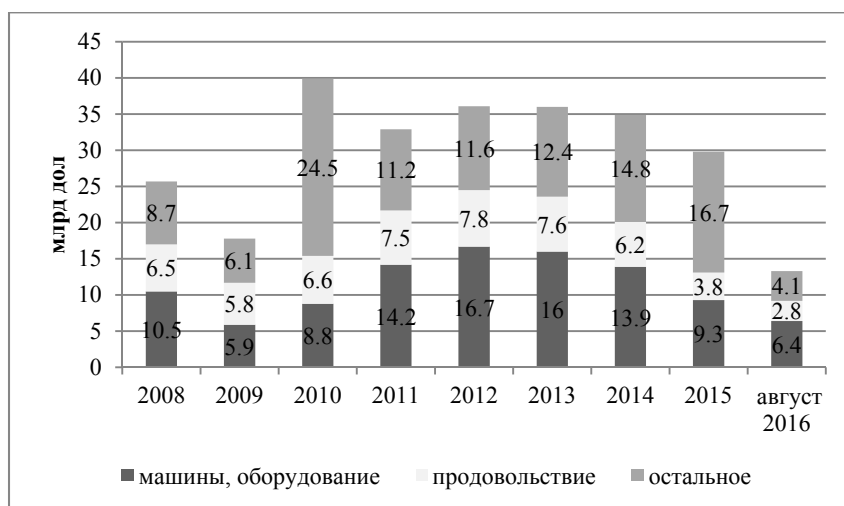

Рис. 2. Динамика импорта Санкт-Петербурга в 2008—2015 годы и по состоянию на август 2016 года, млрд дол.

Источник: ФТС РФ.

Введение санкций существенно снизило долю импорта товаров данных категорий. Можно с уверенностью говорить о специализации города на обеспечении потребностей России в иностранных продовольственных товарах и сельскохозяйственном сырье. При этом в связи с последними ограничениями на импорт сельскохозяйственной продукции из стран ЕС, Северной Америки, Норвегии и Австралии появляется необходимость в значительном расширении российских закупок продукции из стран Латинской Америки (Бразилии, Аргентины, Чили, Перу и т. д.), что открывает большие возможности для компаний-импортеров Санкт-Петербурга и серьезно увеличивает внешнеэкономический потенциал региона.

Стратегическое значение для развития внешнеэкономической деятельности, учитывая низкий природно-ресурсный потенциал Санкт-Петербурга, является торговля услугами. Под товарооборотом услуг понимается полезный результат деятельности, удовлетворяющий определенные потребности, но не воплощающийся в материально-вещественной (материальной) форме. К основным видам международных услуг относятся: транспортные, туристские (поездки); строительные; услуги связи; финансовые; роялти и лицензионные платежи; услуги по операционному лизингу и пр. Данное направление должно стать приоритетным в осуществлении внешнеэкономической деятельности с высокими темпами роста в долгосрочной перспективе.

Наиболее высокие темпы прироста мирового внешнеторгового оборота наблюдаются в сегменте торговли услугами. Так, в 2014 году объем мировой торговли услугами составил 9,9 трлн долларов США. Динамика внешней торговли услугами в России и Санкт-Петербурге соответствует мировым тенденциям и демонстрирует рост на протяжении всего рассматриваемого периода (за исключением кризисного 2009 года) вплоть до 2014 года.

В 2014 году объем внешней торговли услугами Санкт-Петербурга составил 4,5 млрд долларов США. В общем объеме внешней торговли услугами РФ доля Санкт-Петербурга составляет 2,4%, наблюдается устойчивый положительный баланс мировой торговли услугами. Коэффициент покрытия импорта экспортом по итогам года составил 1,3 (рис. 3).

В 2014 году из Санкт-Петербурга было экспортировано услуг на общую сумму более 2,5 млрд долларов США, что на 12% меньше, чем в 2013 году. Доля экспорта услуг из Санкт-Петербурга в общей структуре экспорта услуг из России составляет всего 4%, что нельзя считать приемлемым, учитывая тот потенциал, которым обладает город. Основная доля в структуре экспорта услуг из Санкт-Петербурга приходится на транспортные услуги (63%), услуги связи (18%) и деловые услуги (16%). Ведущими импортерами услуг из Санкт-Петербурга по итогам 2014 года стали США (11%), Великобритания (9%), Финляндия (8%). В числе импортеров услуг выделялись также Кипр и Германия.

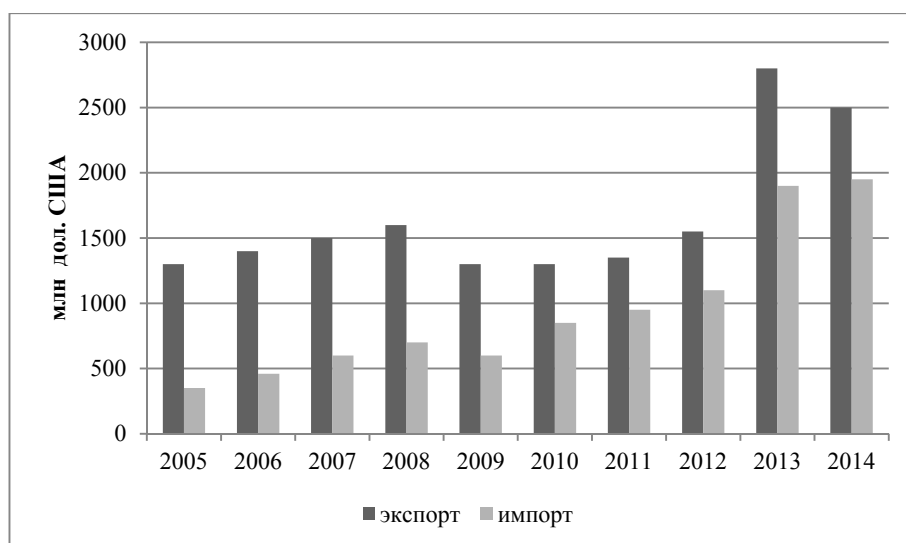

Рис. 3. Динамика торговли услугами Санкт-Петербурга с 2005 по 2014 год, млн дол.

Источник: Комитет по информатизации и связи Санкт-Петербурга.

Импорт услуг хозяйствующими субъектами Санкт-Петербурга в 2014 году составил почти 2 млрд долларов США. Большая часть услуг (47%) приходилась на транспортные; услуги связи — 28%; деловые — 15%; роялти и лицензионные платежи — 3%; услуги в сфере туризма — 0,1%.

Таким образом, за последние два года наблюдается позитивная динамика по некоторым позициям экспортно-импортных операций. Однако ситуацию следует считать стагнирующей, что требует разработки специальных мер по повышению активности Санкт-Петербурга на внешних рынках в сфере экспорта услуг и эффективной реализации научно-образовательного и культурно-исторического потенциала города.

К важнейшим областям данной деятельности относятся образовательные услуги и туризм — они имеют большие возможности для реализации и наращивания внешнеэкономического потенциала.

В настоящее время на территории Санкт-Петербурга в образовательных организациях высшего образования обучается 23,2 тыс. иностранных студентов из 143 государств ближнего и дальнего зарубежья (включая лиц без гражданства). По программам среднего профессионального образования в Санкт-Петербурге обучается более 1,4 тыс. иностранных студентов из 23 государств (включая лиц без гражданства). Кроме того, в рамках программ академической мобильности в 2015 году в городе обучалось более 2,2 тыс. иностранных студентов [20, с. 69].

Также особое внимание следует обратить на рост и изменения в географии въездного туризма. По данным Комитета по развитию ту-

ризма Санкт-Петербурга, с 2013 по 2015 год численность туристов возросла почти на 70 тыс. человек и составила 745 тыс. С деловой целью в 2015 году город посетили 152 тыс. человек. В основном с туристической целью в Санкт-Петербурге побывали гости из Европы, стран Азиатско-Тихоокеанского региона, стран БРИКС. Продолжительность пребывания преимущественно составляла от 2 до 5 суток, бюджет одного человека на один день — 100—250 евро. Даже если взять минимальный бюджет в 100 евро, то объем финансовых средств, поступивших в экономику города в 2015 году составил минимум 80 млн долларов США.

Тем не менее повышение конкурентоспособности Санкт-Петербурга сталкивается с рядом проблем, таких как:

- низкая географическая и товарная диверсификация экспорта;
- закрепление посреднической роли города в удовлетворении потребностей других регионов России в импортных товарах;
- недоиспользование научно-образовательного и культурно-исторического потенциала города в плане экспорта туристических и образовательных услуг;
- низкое качество и интенсивность торгово-экономических отношений со странами Балтийского моря в результате геополитического кризиса.

В последние годы Правительство РФ предпринимает шаги в стимулировании развития регионов, повышения их конкурентных возможностей на основе разработки государственных и федеральных целевых программ, создания особых экономических зон, промышленных парков, территорий опережающего развития и территориальных кластеров. Некоторые из этих инструментов реализуются в ряде регионов Северо-Запада. В Санкт-Петербурге наиболее активно прорабатываются перспективы фармацевтического и автомобильного кластера¹.

Фармацевтическая промышленность имеет большое социальное значение, связана с вопросами жизнеобеспечения населения и является крайне непростым объектом исследования. Как на национальном, так и на международном уровне сформировалась сложная институциональ-

¹ Федеральное законодательство трактует понятие «промышленный кластер» с точки зрения его функциональных взаимосвязей и очертания границ достаточно широко. Так, в федеральном законе «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) дается следующее определение. «Промышленный кластер — совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации». Столь расплывчатая формулировка позволяет рассматривать кластеры в очень широком ареале, включая, например, в автомобильный кластер не только компании Санкт-Петербурга, но и Ленинградской, Вологодской, Калининградской и других областей Северо-Запада, предприятия которых так или иначе связаны с автомобилестроением.

ная система фармацевтической отрасли, для анализа которой необходимы иные аспекты и акценты. В данной статье рассмотрим предпосылки создания автомобильного кластера, призванного усилить экспортные позиции Санкт-Петербурга.

В 2005 году Правительством РФ были приняты решения, адресованные крупнейшим участникам мирового рынка автомобилестроения, предполагающие создание ими собственных сборочных производств в нашей стране. Ответной реакцией мировых лидеров автомобилестроения стало создание в Санкт-Петербурге предприятий Toyota, General Motors, Nissan, Hyundai. В результате на Северо-Западе России сформировался достаточно мощный и быстро развивающийся центр автомобилестроения [15; 16]. Достаточно сказать, что в настоящее время на предприятиях Северо-Западного федерального округа сосредоточено почти 25% плановых мощностей российского автомобилестроения. На долю предприятий Северо-Запада России приходится 34% от общего объема произведенной продукции в стране. По этим показателям регион занимает второе место, уступая только предприятиям Приволжского федерального округа — традиционного центра автомобилестроения. Особенно следует отметить тот факт, что продукция именно автомобильных предприятий укрепляет позиции несырьевого экспорта Санкт-Петербурга.

Перспективы развития отечественного автопрома отражены в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». В перечне подпрограмм первой стоит «Автомобильная промышленность», во многом она связана с импортозамещением. Так, одно из мероприятий предполагает защиту российского рынка от импорта новых и подержанных автомобилей. При этом доля импорта в денежном выражении должна снизиться с 60 до 20%. В этом отношении петербургский автомобильный кластер, с которым связываются большие надежды, должен сыграть одну из главных ролей в импортозамещении. Для этого необходима максимальная локализация производства комплектующих деталей для автомобилестроения. Именно такой вид экономической деятельности, как «производство частей и принадлежностей автомобилей и их двигателей», выделен в качестве приоритетной отрасли импортозамещения, имеющей потенциал в Санкт-Петербурге.

В Санкт-Петербурге могут получить развитие и другие высокотехнологичные кластеры, ориентированные на внешний рынок. Однако все усилия по смене традиционной модели развития, ориентированной на импорт машин и оборудования, на экспортно ориентированную требует согласованных действий правительства Санкт-Петербурга и бизнес-сообщества. Такие согласованные действия должны быть реализованы в Государственной программе развития внешнеэкономической деятельности как минимум до 2030 года.

Информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности

Одним из важнейших условий улучшения бизнес-среды является информационно-консультационное обеспечение внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов. Об этом прямо указывается в Государственной программе РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности». В рамках подпрограммы «Создание национальной системы поддержки внешнеэкономической деятельности» субъекты Федерации, помимо разработки программ развития внешнеэкономической деятельности, инфраструктурной поддержки экспортно ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства, нацелены на создание и поддержку региональных информационных ресурсов для участников внешнеэкономической деятельности. В федеральном законе «О развитии промышленности» в ст. 13 указывается на необходимость информационно-консультационной поддержки органами местного самоуправления в виде бизнес-справочников, содержащих правовую, экономическую и производственно-технологическую информацию, необходимую для предпринимателей, организации деловых конференций, размещения в сети Интернет необходимых информационных материалов.

В этом отношении большую роль могут сыграть представительства субъектов РФ за рубежом. Федеральным законом РФ «О координации международных внешнеэкономических связей субъектов РФ» регионам дано право открывать представительства на территориях иностранных государств. Тем не менее вопросы развития представительств субъектов РФ за рубежом до сих пор не изучались в должной мере, вследствие чего не используются на практике. Так, по состоянию на 1 января 2015 года ни один субъект Северо-Западного федерального округа, кроме Санкт-Петербурга, не имел своего представительства за рубежом.

Учитывая новые требования к развитию внешнеэкономической деятельности на уровне субъектов Федерации, целесообразно усилить роль представительств посредством создания в их структуре (и в новом качестве) информационных деловых центров (далее — ИДЦ) субъектов РФ за рубежом. В этом смысле Санкт-Петербург имеет определенный опыт. В настоящее время создано 21 ИДС за рубежом, в частности, в Армении, Австралии, Великобритании, Германии, Израиле, Италии, Казахстане, США, Финляндии, Франции и других странах. Однако действуют они с разной степенью успешности, так как не до конца ясен их правовой статус, механизм финансирования, функциональная значимость.

На наш взгляд, именно ИДЦ субъектов РФ за рубежом могут взять на себя функции информационно-аналитических центров внешнеэкономической деятельности, проводить мониторинг состояния делового климата в регионах России и странах — партнерах по совместной предпринимательской деятельности. Именно эти обстоятельства легли в основу подготовки авторским коллективом, в котором состояли и ав-

торы настоящей статьи, методических рекомендаций по созданию и развитию сети информационных деловых центров субъектов Российской Федерации за рубежом. Данные рекомендации получили положительную оценку специалистов АО «Российский экспортный центр». В перспективе ИДЦ могут выделиться в качестве региональных подразделений российских торговых домов за рубежом, которые предполагается создать в виде самостоятельного юридического лица или представительства АО «Российский экспортный центр».

Заключение

1. В теоретическом плане понятие «территориальная конкурентоспособность» воспринимается неоднозначно. Попытки включения в орбиту исследования многочисленных показателей, построение различного рода эконометрических моделей и определение рейтингов конкурентоспособности регионов на основе предложенных статистически-экспертных схем международных агентств не дают оснований к конкретным управленческим решениям на региональном уровне. Это всего лишь некоторая субъективная оценка, ее можно принимать или не принимать серьезно как сигнал к трансформации региональной экономики. Для регионов России, большинство которых живет за счет крупномасштабных дотаций из федерального бюджета, проблема конкурентоспособности находится далеко не на первом плане.

2. В современной экономической ситуации развития Российской Федерации одним из определяющих критериев территориальной конкуренции выступает внешнеэкономический потенциал региона, призванный изменить соотношение между экспортно ориентированными сырьевыми компаниями в пользу импортно ориентированных компаний, реализующих продукцию с высокой добавленной стоимостью на внешних рынках. Это требует раскрытия всех возможностей использования внешнеэкономического потенциала региона: геополитического и экономико-географического факторов, финансовой, институциональной и инновационной среды, влияние которых на конкурентность территории еще даже не обозначена как в теоретическом, так и в практическом отношении.

3. Анализ структуры экспорта и импорта Санкт-Петербурга показывает, что во внешнеэкономической деятельности город выполняет несвойственные ему функции, ориентируя свою экспортную деятельность на сырьевые ресурсы, а не на продукцию высоких технологий, прежде всего машиностроения — отрасли, которая еще сравнительно недавно, наряду с мощным научным потенциалом города, считалась его своеобразным брендом. В силу различных причин деструктивного характера во внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга наблюдается низкая география и товарная диверсификация экспорта товаров и услуг, недоиспользование научно-образовательного и культурно-исторического потенциала города, ослабление торгово-экономических связей со странами Балтийского региона. Однако эти проблемы

невозможно решить даже в среднесрочной перспективе. Требуется концептуальное осмысление внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга на весьма длительный период времени.

4. Санкт-Петербург — один из определяющих городов мирового значения, конкурентоспособность которого в экономической, культурной и общественной деятельности очевидна, но требует продвижения в оптимизации структуры экспортно-импортных отношений, разработке адекватных шагов по форсированному развитию импортозамещающих производств, продвижению деловой репутации города на мировых рынках. Для этого необходимо разработать комплекс системно увязанных мероприятий, сгруппированных в «Государственной программе внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга на долгосрочную перспективу». Эта программа должна быть встроена в «Стратегию социально-экономического развития города на период до 2030 года» и кардинально изменить его внешнеэкономический потенциал.

5. Федеральное законодательство существенно расширяет функции субъектов РФ в осуществлении внешнеэкономической деятельности. При этом особое внимание уделяется развитию организационных и информационных ресурсов для экспортно ориентированных предприятий, формированию региональных объединений экспортеров для определения единой позиции бизнес-сообщества в развитии внешнеэкономической деятельности. В данном случае должна быть существенно расширена роль торговых представительств регионов за рубежом, а также их структурных подразделений — информационно-деловых центров субъектов Российской Федерации за рубежом. Их деятельность должна вписываться в программу развития АО «Российский экспортный центр» и определяться едиными методическими указаниями, устанавливающими планирование, организацию, имидж территории, механизм финансирования и порядок взаимодействия с АО «Российский экспортный центр».

6. Создание единой информационной системы обеспечения внешнеэкономической деятельности не только Санкт-Петербурга, но и других российских регионов в рамках единого стандарта является одним из ключевых факторов укрепления конкурентоспособности. Особое значение имеет создание и развитие информационной системы регионов за рубежом.

Список литературы

1. *Anholt S.* Competitive Identity. The New Brand Management for Nations. Cities and regions. L., 2007.
2. *Avraham E., Ketter E.* Media Strategies for marketing place in crisis improving the image of cities, countries and tourism destinations. Oxford, 2007.
3. *Bergman E.M., Feser E.J.* Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications. URL: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/chapter3.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
4. *City RepTrak-2016.* URL: <https://www.reputationinstitute.com/Resources/Registered/PDF-Resources/2016-City-RepTrak.aspx> (дата обращения: 01.09.2016).
5. *Dinnie K.* City Branding. Theory and Cases. L., 2011.

6. *Dinnie K.* Nation Branding — concept, issues, practice. Butterworth-Heinemann, 2008.
7. *Gover R., Go F.M.* Place branding: glocal, virtual and physical identities, constructed, imagined and experienced. L., 2009.
8. *Moilanen T., Rainisto S.* How to brand nations, cities and destinations: A planning book for place branding. L., 2008.
9. *Баженов Ю.Н., Никульченков К.Е.* Конкурентоспособность приграничных регионов // Балтийский регион. 2009. №2 (2). С. 42—48.
10. *Баженов Ю.Н., Подшувейт О.В.* Информационные деловые центры Санкт-Петербурга как механизм повышения эффективности внешнеэкономической деятельности // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 56—70.
11. *Баженов Ю.Н., Подшувейт О.В.* Проблемы и возможности развития внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия // Балтийский регион. 2012. №1. С. 70—80.
12. *Баранский Н.Н.* Научные принципы географии. М., 1980. Ч. 1. С. 79—86.
13. *Важенин С.Г., Важенина И.С.* Конкуренция, сотрудничество и доверие территорий в экономическом пространстве. Екатеринбург, 2016.
14. *Важенина И.С.* Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург, 2013.
15. *Владимирский И.* Все автозаводы на карте СНГ: чем живет автопром России и ближнего зарубежья? // АвтоРевю. 2016. №6. URL: <https://autoreview.ru/articles/statistika/sernaya-reakciya> (дата обращения: 01.09.2016).
16. *Добровольский В., Владимирский И.* Эффект промсборки: динамика российского автопрома вдвое опережает мировую // АвтоРевю. 2013. №5. URL: <https://autoreview.ru/articles/statistika/effekt-promsborki-1> (дата обращения: 01.09.2016).
17. *Земцов С.П., Бабурин В.Л.* Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. №1. С. 117—138.
18. *Имидж России: концепция национального и территориального брендинга* / под ред. А.И. Василенко. М., 2014.
19. *Магретта Дж.* Ключевые идеи. Майкл Портер. Руководство по разработке стратегии. М., 2013.
20. *Отчет о проделанной работе в 2015 году* // Официальный сайт Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга. URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/media/files/pages/16/Otchet-2015.pdf> (дата обращения: 18.11.2016).
21. *Пилипенко И.В.* Факторы и методы повышения конкурентоспособности стран и регионов: анализ теоретических подходов // Региональная наука : сб. науч. тр. М., 2005. Кн. 1. С. 101—105.
22. *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М., 2015.
23. *Пунгин И.В.* Формирование оценки конкурентоспособности региона // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2014. №3. С. 55—60.
24. *Рахматов Р.Д., Иванов Н.Т.* Оценка факторов конкурентоспособности регионов России // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. №17. С. 192—198.
25. *Региональная экономика и пространственное развитие : в 2 т. / под общ. ред. Л.Э. Лимонова.* М., 2014. Т. 1. С. 292.
26. *Савинова О.В.* Региональная конкуренция и пессимистические прогнозы состояния экономического климата в регионах России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. №1 (129). С. 24—37.

27. *Скорниченко Н.Н.* Конкурентоспособность предприятий как компонент региональной конкурентоспособности // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1. С. 823—824.
28. *Создание и развитие сети информационных деловых центров субъектов Российской Федерации за рубежом : методические рекомендации / под общ. ред. А.В. Яковлева, А.Д. Саулина.* СПб., 2016.
29. *Тимирясова А.В., Крамин Т.В.* Количественная оценка влияния факторов международной конкурентоспособности регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 156—165.
30. *Худдева В.В.* Управление конкурентоспособностью регионов на основе разработки технологии стимулирования социально-экономического развития территории // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Экономика. Вып. 1 (93). 2011. С. 203—209.
31. *Федоров Г.М., Корнеевец В.С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 121—134.
32. *Шаститко А.Е., Голованова С.В. и др.* Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики. М., 2013.
33. *Шодорова Н.М.* Конкурентоспособность трансграничных территорий Балтийского региона: стратегический аспект : материалы конференции // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. Т. 3, № 1. С. 152—155.
34. *Юричева Е.Ю.* Методы оценки конкурентоспособности региона // Актуальные проблемы экономики современной России. 2016. № 3. С. 174—179.

Об авторах

Юрий Николаевич Баженов, кандидат экономических наук, доцент кафедры макроэкономического регулирования, Северо-Западный институт управления — РАНХиГС, Россия.

E-mail: uriy1004@yandex.ru

Михаил Юрьевич Елсуков, кандидат географических наук, доцент кафедры макроэкономического регулирования, Северо-Западный институт управления — РАНХиГС, Россия.

E-mail: elsukovmy@mail.ru

Ольга Викторовна Подишувейт, ассистент кафедры региональной и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: ovp_2007@inbox.ru

Для цитирования:

Баженов Ю.Н., Елсуков М.Ю., Подишувейт О.В. Внешнеэкономические аспекты практической реализации конкурентоспособности Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 61—81. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-4.

THE ROLE OF INTERNATIONAL TRADE IN IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF SAINT PETERSBURG

Y. N. Bazhenov^{1, 2}

M. Y. Elsukov¹

O. V. Podshuveit²

¹ *North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

57/43 Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia

² *Saint-Petersburg State University*

7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Submitted on November 20, 2016

This article aims to explore the prospects for the development of international trade and the impact of trade on increasing competitiveness of Saint Petersburg. To this end, the authors study the theoretical aspects of regional competitiveness as such, analyse the ten years' data on the city's international trade, and explore the significance of image, reputation, and information support for the region's international trade provided by business information centres abroad.

The authors employ the methods of expert opinion and statistical analysis as well as the authors' own data to consider the problems of international trade development in Saint Petersburg and the ways to improve the city's competitiveness. The authors estimate the international trade performance of Saint Petersburg and outline the key areas for increasing the city's competitive ability. This article has theoretical and practical significance for experts studying regional competitiveness, for regional authorities, and the business community.

Key words: foreign economic potential of the region, competitiveness of the region, foreign trade, territorial brand

References

1. Anholt, S. 2007, *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations. Cities and regions*, London, 128 p.
2. Avraham, E., Ketter, E. 2007, *Media Strategies for marketing place in crisis improving the image of cities, countries and tourism destinations*, Oxford, 231 p.
3. Bergman, E. M., Feser, E. J. 1999, Cluster Morphology of Regions: Analytic Options. In: Bergman, E. M., Feser, E. J. *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications*, available at: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/chapter3.htm> (accessed 01.09.2016).
4. City RepTrak-2016, 2016, *Reputation Institute*, available at: <https://www.reputationinstitute.com/Resources/Registered/PDF-Resources/2016-City-RepTrak.aspx> (accessed 01.09.2016).
5. Dinnie, K. 2011, *City Branding. Theory and Cases*, London, 220 p.
6. Dinnie, K. 2008, *Nation Branding — concept, issues, practice*, Butterworth-Heinemann, 264 p.
7. Gover, R., Go, F. M. 2009, *Place branding: glocal, virtual and physical identities, constructed, imagined and experienced*, London, 269 p.

8. Moilanen, T., Rainisto, S. 2008, *How to brand nations, cities and destinations: A planning book for place branding*, London, 188 p.
9. Bazhenov, Yu.N., Nikulchenkov, K.E. 2009, Competitiveness of the Economies of Border Regions, *Balt. Reg.*, Vol. 1, no. 2, p. 34—38. DOI: 10.5922/2079-8555-2009-2-4.
10. Bazhenov, Yu.N., Podshuveit, O.V. 2014, St Petersburg Business Information Centres and Their Role in Increasing the Efficiency of International Business Activities, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 3, p. 45—57. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-4.
11. Bazhenov, Yu.N., Podshuveit, O.V. 2012, Foreign economic activity of Saint Petersburg, the Leningrad Region, and the Republic of Karelia: problems and opportunities for development, *Balt. Reg.*, Vol. 4, no. 1, p. 52—59. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-1-6.
12. Baransky, N.N. 1980, *Nauchnye printsipy geografii* [Scientific principles of geography], Part 1, Moscow, p. 79—86. (in Russ.)
13. Vazhenin, S.G., Vazhenina, I.S. 2016, *Konkurentsia, sotrudnichestvo i doverie territorii v ekonomicheskom prostranstve* [Competition, cooperation and trust of territories in the economic space], Ekaterinburg, 69 p. (in Russ.)
14. Vazhenina, I.S. 2013, *Imidzh, reputatsiya i brend territorii* [Image, reputation and brand territory], Ekaterinburg, 378 p. (in Russ.)
15. Vladimirsky, I. 2016, All car factories on the CIS map: how does the car industry in Russia and the near abroad live? *AvtoRevyyu*, no. 6, available at: <https://autoreview.ru/articles/statistika/cepnaya-reakciya> (accessed 01.09.2016). (in Russ.)
16. Dobrovolsky, V., Vladimirsky, I. 2013, The effect of industrial assembly: the dynamics of the Russian automotive industry is twice as fast as the world, *AvtoRevyyu*, no. 5, available at: <https://autoreview.ru/articles/statistika/effekt-promsboriki-1> (accessed 01.09.2016) (in Russ.)
17. Zemtsov, S.P., Baburin, V.L. 2016, Assessment of the potential of the economic and geographical situation of the regions of Russia, *Ekonomika regiona*, no 1, p. 117—138. (in Russ.)
18. Vasilenko, A.I. (ed.) 2014, *Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga* [The image of Russia: the concept of national and territorial branding], Moscow, 247 p. (in Russ.)
19. Magretta, J. 2011, *Understanding Michael Porter: The Essential Guide to Competition and Strategy*, Hardcover.
20. Results of the work of the Committee on Science and Higher Education in 2015, 2016, available at: <http://knvsh.gov.spb.ru/media/files/pages/16/Otchet-2015.pdf> (accessed 18.11.2016). (in Russ.)
21. Pilipenko, I.V. 2005, Factors and methods for increasing the competitiveness of countries and regions: an analysis of theoretical approaches, *Regional'naya nauka*, Collection of scientific papers, Book 1, Moscow, p. 101—105.
22. Porter, M. 1980, *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*, New York, 422 p.
23. Pungin, I.V. 2014, Forming an assessment of the region's competitiveness, *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies], no. 3, p. 55—60. (in Russ.)
24. Rakhmatov, R.D., Ivanov, N.T. 2015, Assessment of competitiveness factors in Russian regions, *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority research areas: from theory to practice], no. 17, p.192—198. (in Russ.)
25. Limonov, L.E. (ed.) 2014, *Regional'naya ekonomika i prostranstvennoe razvitiie* [Regional economy and spatial development], T. 1, Moscow, p. 292. (in Russ.)

26. Savinova, O. V. 2014, Regional competition and pessimistic forecasts of the state of the economic climate in the regions of Russia, *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: The humanities], no. 1 (129), p. 24—37. (in Russ.)
27. Skornichenko, N.N. 2014, Competitiveness of enterprises as a component of regional competitiveness, *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], no. 1, p. 823—824. (in Russ.)
28. Yakovlev, A. V., Saulin, A. D. (eds.), 2016, *Sozdanie i razvitie seti informatsionnykh delovykh tsentrov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii za rubezhom: metodicheskie rekomendatsii* [Creation and development of a network of information business centers of the subjects of the Russian Federation abroad: methodical recommendations], St. Petersburg, 44 p. (in Russ.)
29. Timiryasova, A. V., Kramin, T. V. 2014, Quantitative assessment of the impact of international competitiveness factors in Russian regions, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], no. 1, p. 156—165. (in Russ.)
30. Huddeva, V. V. 2011, Management of regional competitiveness based on the development of technology to stimulate the socio-economic development of the territory, *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Ekonomika* [Bulletin of TSU. Humanitarian sciences. Economy], no. 1 (93), p. 203—209. (in Russ.)
31. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, Vol. 7, no. 4, p. 89—101. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-7.
32. Shastitko, A. E., Golovanova, S. V. et al 2013, *Posledstviya slaboi konkurentsii: kolichestvennye otsenki i vyvody dlya politiki* [The effects of weak competition: quantitative assessments and policy implications], Moscow, 120 p. (in Russ.)
33. Shodorova, N. M. 2011, Competitiveness of the transboundary territories of the Baltic region: strategic aspect: (conference materials), *INTEREKSPLO GEO-SIBIR*, Vol. 3., no. 1, p. 152—155. (in Russ.)
34. Yuricheva, E. Yu. 2016, Methods for assessing the competitiveness of the region, *Aktual'nye problemy ekonomiki sovremennoi Rossii* [Actual problems of modern Russia's economy], no. 3, p. 174—179. (in Russ.)

The authors

Yury N. Bazhenov, Associate Professor, North-West Institute of Management, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: uriy1004@yandex.ru

Mikhail Y. Elsukov, Associate Professor, North-West Institute of Management, Russia.

E-mail: elsukovmy@mail.ru

Olga V. Podshuveit, Lecturer, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: ovp_2007@inbox.ru

To cite this article:

Bazhenov, Y. N., Elsukov, M. Y., Podshuveit, O. V. 2017, The Role of International Trade in Improving the Competitiveness of Saint Petersburg, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 61—81. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-4.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЗГЛЯДОВ НЕМЦЕВ НА МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ГЕРМАНИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*И. Н. Молодикова*¹
*А. В. Лялина*²

¹ Центральный Европейский университет
1051, Венгрия, Будапешт,
ул. Надор, 9.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.11.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-5

© Молодикова И. Н., Лялина А. В.,
2017

В свете крупномасштабного европейского миграционного кризиса население Германии разделилось в своем отношении к реализуемой в стране политике в области миграционного регулирования и к самим иммигрантам. В обществе нарастают антииммиграционные настроения, поддерживаемые антииммиграционной риторикой крайне правых партий, и критика проводимой политики.

Осуществляется теоретический обзор подходов к изучению отношения населения к мигрантам с точки зрения влияния иммиграции на социально-экономическое развитие принимающего общества. Предлагается механизм анализа политической сферы жизни общества для разработки подходов к управлению последствиями миграционного шока в жизни общества и их смягчению. Делается попытка оценить отношение населения Германии к иммиграции и иммигрантам с точки зрения трансформации его электоральных предпочтений под влиянием миграционного кризиса. С опорой на последние данные электорального рейтинга партии «Альтернатива для Германии» предложена типологизация земель по критериям поддержки партии «Альтернатива для Германии» населением того или иного региона, а также по дополнительным показателям, характеризующим состояние миграционного поля и уровень социально-экономического развития земель, разработана ее методология. Выявлены регионы с высокой степенью вероятности поддержки населением крайне правых взглядов на миграционный кризис на северо-востоке страны, а также наиболее и наименее подверженные правому влиянию земли в юго-западной и северной частях Германии.

Ключевые слова: миграционный кризис, Германия, «Альтернатива для Германии», отношение к иммиграции, общественное мнение, территориальные различия земель Германии

Введение

Сегодняшний миграционный кризис в Германии является следствием событий, произошедших за пределами ее территории. Как составная часть общеевропейского миграционного кризиса он имеет ряд причин, среди которых эксперты называют продолжающиеся вооруженные конфликты и войны и нестабильную социально-экономическую и политическую ситуацию в странах Азии и Африки. Однако не последнюю роль в обострении миграционной обстановки в Германии сыграл официальный курс правящей в стране коалиции. Федеральный канцлер ФРГ, госпожа Ангела Меркель, на ежегодной летней пресс-конференции 31 августа 2015 года заявила: «Мы [Германия] справимся с этим!» (Wir schaffen das!) (позднее этот лозунг был не раз повторен ею) [1].

Принятие миграционной политики, направленной на прием, размещение и интеграцию большого количества лиц, ищущих убежище, раскололо во взглядах на решение миграционного кризиса и распределение квот на беженцев не только страны-члены Европейского Союза (ЕС), но и само принимающее общество внутри Германии. В данной статье представлена попытка выявить территориальные различия позиции немцев относительно миграционного кризиса в Германии сквозь призму роста популярности крайней правой партии «Альтернатива для Германии» («АдГ»), призывающей к ограничению потока гуманитарных мигрантов.

Теория

Изучение вопроса отношения принимающего населения к иммигрантам — неотъемлемая составляющая большинства исследований, посвященных иммиграционной политике и эффективному управлению иммиграционными процессами. Зачастую изучение отношения принимающего общества к иммигрантам и беженцам осуществляется с точки зрения их культурной дистанции и проблем идентичности, экономических опасений и угрозы безопасности, проблем интеграции и ассимиляции и др. При этом на сегодняшний день сформировались два направления таких исследований [2]. Одно из них базируется на изучении отношения к иммиграции с позиции персональных, как правило, экономических последствий иммиграции для отдельного индивида [3—5]. Ведь прием иммигрантов оказывает существенное воздействие на социально-экономическое развитие территории их проживания: рынок труда и уровень жизни, региональное производство и потребление, бюджетную и социальную сферу, внешнеэкономическую деятельность, техническое и технологическое развитие экономики [6].

Так, на сегодняшний день множество проведенных научных исследований [7; 8] демонстрируют результаты, согласно которым ожидание

роста безработицы на рынке труда, снижения заработной платы, увеличения налогового бремени и снижения социальных государственных расходов в результате притока иностранной рабочей силы со стороны принимающего населения становится причиной оппозиционного отношения к иммиграции [3; 7—9]. Однако последние работы показали, что наиболее важным и значимым фактором в формировании отношения к иммиграции является осознание индивидом в принимающем сообществе культурной / символической (например, национальной идентичности) или экономической угрозы для региона или страны в целом [2; 10; 11]. Такой социально-психологический подход лежит в основе второго направления современных исследований в данной области. Недавние научные изыскания доказывают, что склонность к ужесточению иммиграционной политики проявляется во время крупных экономических потрясений, кризисов или среди населения с негативными стереотипами в отношении представителей других этнических групп [12—14].

Большинство существующих сегодня работ построено на анализе результатов социологических опросов, в которых перед респондентом ставятся вопросы о том, какие объемы иммиграции наиболее предпочтительны для респондента, стоит ли ограничить приток иммигрантов и др. Однако такой подход подразумевает изучение только высказанного отношения к иммиграции, но не фактического [15], а также знание респондентом проблематики миграции. Высказанное отношение часто резко противоречит реальной миграционной ситуации.

В последнее время все большую популярность набирают исследования, посвященные анализу отношения населения к иммиграции во взаимосвязи с его электоральными предпочтениями и принятием отдельных законодательных инициатив в области миграционного регулирования. Данное направление сегодня очень востребовано, в том числе ввиду его значительного потенциала для оценки влияния иммиграции на изменение политической картины принимающей территории. Ведь позиция властей по миграции — важный политический вопрос, и современный миграционный кризис в Европе показал, что иммиграция может значительно нарушить существующие политические союзы и баланс сил, создать неожиданные коалиции, оказать воздействие на политику отдельных политических активистов и элит [2].

Механизм влияния миграционного шока на политическую сферу жизни общества можно представить в виде процесса прямого и косвенного воздействия на системы (сферы) жизнедеятельности принимающего общества (рис. 1). Так, массовый наплыв мигрантов, не обладающих правом участия в выборах, не оказывает прямого воздействия на политическую сферу жизни принимающего общества, но наличие этих мигрантов влияет на мнение населения принимающей территории. Миграционный шок в первую очередь воздействует на сферы, оказавшиеся в зоне непосредственного контакта с иммигрантами: социальную, экономическую, социокультурную (духовную).

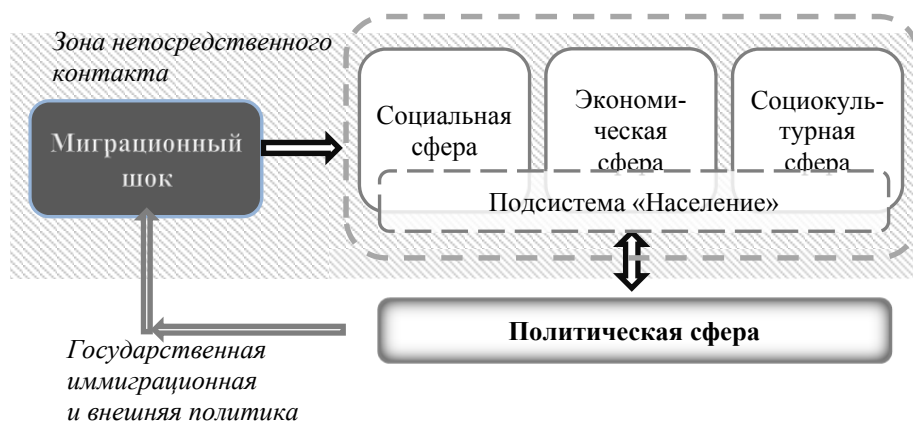

Рис. 1. Схема прямого и косвенного воздействия миграционного шока на системы жизнедеятельности принимающего общества

Источник: разработано авторами.

Характер этого влияния определяет реакцию на миграционный кризис подсистемы «Население», которая выбирает тех или иных представителей элит в управление, ожидая внесения коррективы в политическую сферу с целью изменения государственной иммиграционной и/или внешней политики. Однако стоит отметить, что политическая сфера (элиты), в свою очередь, также может оказывать негативное или позитивное влияние на мнение населения по вопросам иммиграции [16; 17]. Например, посредством пропаганды нетолерантных или расистских лозунгов политическими партиями и их лидерами (как это происходит в Венгрии) или провозглашения иммиграции угрозой национальной безопасности [15].

Количество исследований в этой области сегодня невелико. В большинстве случаев их объектом становится миграционное законодательство и политическое поле принимающей территории [15]. Особый интерес представляют крайне правые партии, во главе избирательной кампании которых наряду с другими всегда стоят вопросы миграционного регулирования [18]. В свете современного миграционного кризиса правое движение стремительно набирает популярность во многих европейских странах — Германии, Венгрии и др. [19; 20].

Так, М. Голдер (M. Golder) в своем исследовании пришел к выводу, что одной из причин популярности крайне правых партий является нарастание антииммиграционных отношений в обществе вследствие распространения озабоченности ростом безработицы и угрозы национальной самобытности и культуре среди принимающего населения в результате увеличения притока мигрантов [21]. Т. Гивенс (T. Givens) на основании результатов эконометрического моделирования влияния доли иноэтничного населения и уровня безработицы на количество голо-

сов в пользу крайне правых партий на прошедших в 1960—1999 годы выборах в Германии, Франции и Австрии сделала заключение о том, что в регионах Франции и Австрии рост доли иностранцев на 1 % ведет к росту популярности партий на 0,7—0,8 % [21]. В Германии же это влияние оказалось незначимым [21]. Однако можно предположить, что оно является опосредованным — избиратели в регионах с небольшим количеством иммигрантов могут голосовать за крайне правых в силу опасений наплыва иммигрантов в их регион. Например, данные центра TARKI после шока миграционного кризиса в Венгрии показали, что наиболее радикальное мнение против мигрантов и беженцев имели люди, никогда с ними не общавшиеся [22].

Современные российские исследования развития партийно-политической системы Германии под влиянием непрекращающегося потока беженцев демонстрируют нарастание популярности крайне правых партий, активно использующих антимигрантские настроения части электората [20; 23; 24].

Авторы данной статьи выбирают в качестве объекта исследования отношение населения к иммиграции и иммигрантам, но предлагают рассмотреть его с точки зрения трансформации электоральных предпочтений населения под воздействием миграционного шока как отражения позиции принимающего общества по иммиграционным вопросам. Кроме того, авторы пытаются восполнить пробел географически детерминированных научных исследований в данной области и предложить типологизацию земель Германии по распространенности крайне правых взглядов на иммиграцию среди принимающего населения (через оценку электоральной популярности партии «АдГ») и характеристике миграционной обстановки и социально-экономических условий, в которых находится тот или иной регион.

Методика

Исследование построено на анализе данных электорального рейтинга партии «АдГ», составленного по результатам последних социологических опросов населения (сентябрь 2016 года — февраль 2017 года) социологическими службами Германии, такими как Infratest dimap, INSA, Universität Hamburg, Forsa.

В целях выявления характерных особенностей и закономерностей формирования отношения населения к современному миграционному шоку в разрезе федеральных земель Германии применялся метод типологизации. В качестве основного классифицирующего признака использовался критерий поддержки партии «АдГ» населением того или иного региона, оцениваемый по проценту отданных голосов и месту в ландтаге. Дополнительными (контекстуальными) критериями выступили часто используемые в аналогичных исследованиях показатели, ха-

рактизирующие состояние миграционного поля и уровень социально-экономического развития земель: доля иноэтничного населения в общей численности населения (в %); концентрация лиц, ищущих убежище (по первично поданным заявкам в расчете на 1000 жителей); квота на размещение лиц, ищущих убежище; валовой региональный продукт в основных ценах (ВРП) на душу населения (тыс. евро); уровень безработицы в % от численности рабочей силы [25].

Миграционный кризис в Германии в цифрах

Понятие *миграционный кризис* сегодня еще не имеет устоявшегося определения в международном праве. Как относительно новый термин в международном политическом сообществе он выступает предметом дебатов о «кризисной миграции», которая подразумевает группу мигрантов в кризисной ситуации, то есть вынужденную миграцию. «Миграционный кризис» также говорит об этом. Эксперты по вопросам миграции сходятся в том, что миграционный кризис (в широком смысле) представляет собой движение лиц, вынужденных мигрировать в результате угрозы жизни, в том числе в связи с изменением условий проживания [26].

Основные понятия в области вынужденной миграции определены в Конвенции о статусе беженцев (1951). Под понятием *беженец* понимается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой» [27]. В английском словаре Collins приводится следующее определение понятия *миграционный кризис* — «это увеличение числа прибывающих беженцев и экономических мигрантов» [28]. И сегодняшний миграционный кризис в Европе и в Германии, в частности, свидетельствует о том, что под видом вынужденных мигрантов могут перемещаться и экономические мигранты (то есть это добровольная миграция). В таком случае определение беженца не подходит, и стоит говорить о лицах, ищущих убежище, — «лицах, желающих быть принятыми какой-либо страной в качестве беженцев, или лицах, ожидающих определения его / ее статуса властями страны убежища» [27]. В данной статье пойдет речь о миграционном кризисе в отношении именно этой категории мигрантов.

Начало миграционного кризиса в Германии многими экспертами определяется по-разному. Согласно официальным статистическим данным о прибытии и регистрации в системе EASY лиц, ищущих убежище, динамичный рост прибытия мигрантов начался в июне 2015 года, когда за три летних месяца ежемесячный поток беженцев увеличился в

3,2 раза по сравнению с ростом за весь 2014 год и 5 месяцев 2015 года (рис. 2). Максимальных значений поток достиг в ноябре 2015 года и составил 206,1 тыс. человек. Однако численность соискателей убежища по первично поданным заявкам стала демонстрировать устойчивую растущую динамику уже в первые месяцы 2015 года (рис. 2).

Рис. 2. Численность лиц, ищущих убежище в Германии, зарегистрированных в системе EASY и подавших заявки на предоставление убежища, чел.

Источник: [29—32].

При этом население Германии отреагировало на усилившийся иммиграционный поток еще раньше, ощутив на себе первые предвестники намечающегося миграционного кризиса. Опираясь на данные социологических опросов населения, можно утверждать, что проблема миграции и интеграции вышла на первый план уже в сентябре 2014 года, опередив такие важные вопросы, как безработица и пенсии (рис. 3). Именно в сентябре-октябре 2014 года был отмечен первый существенный рост числа соискателей убежища в 30—40% к предыдущему месяцу, который впоследствии оказался лишь «маленьким волнением» на фоне огромной «волны» лета-осени 2015 года (рис. 2). К концу 2015 года уже более 4/5 местного населения были озабочены самим миграционным кризисом и его последствиями.

Таким образом, с конца 2014 года Германия испытывает второй небывалый по масштабам приток вынужденных мигрантов после начала

1990-х годов. Согласно данным статистики, предоставленным Федеральным ведомством Германии по вопросам миграции и беженцев, в 2015 году в страну въехало и зарегистрировалось в Национальной системе первоначального распределения лиц, ищущих убежище (далее — система EASY, Erstverteilung der Asylbegehrenden), более 1 млн человек, что более чем в 3,5 раза превысило прошлогодние значения. При этом официально соискателями убежища в этом году стало менее половины. Такая разница обусловлена несколькими причинами: во-первых, некоторые иммигранты могут быть зарегистрированы повторно вследствие несовершенства системы EASY, во-вторых, значительная часть иммигрантов в силу достаточно продолжительного ожидания между прибытием и подачей ходатайства на предоставление убежища (в среднем 5,3 месяца) оказались не учтены на конец года, и, соответственно, были учтены в следующем [34]. В пользу последнего аргумента выступают статистические данные за 2016 год: число иммигрантов, подавших заявки на предоставление убежища, более чем в два раза превышает количество въехавших иностранцев (рис. 4).

Рис. 3. Наиболее важные проблемы, по мнению населения Германии

Источник: [33].

Рис. 4. Численность лиц, ищущих убежище в Германии, зарегистрированных в системе EASY и подавших заявки на предоставление убежища в 2014—2016 годы, чел.

Источник: [29—32].

На фоне сокращения ежемесячных иммиграционных объемов с конца 2015 года (по числу зарегистрированных в системе EASY мигрантов) озабоченность населения проблемой миграции, интеграции и беженцев несколько спала. Однако очевидно, что сохраняющиеся достаточно высокие ежемесячные объемы регистрации заявлений на предоставление убежища, даже на фоне существенного снижения числа вновь прибывающих мигрантов будет еще долго тревожить население Германии.

Разумеется, такой масштабный миграционный поток необходимо максимально равномерно распределять внутри страны. Для этих целей существует специальный «ключ размещения Кенигштайн» (с нем. Königsteiner Schlüssel), позволяющий, учитывая численность населения земель Германии (вес данного критерия — 1/3) и налоговые доходы регионального бюджета (вес — 2/3), перераспределить лиц, ищущих убежище. Так, половина всех соискателей убежища, согласно квотам на 2015 год, приходится всего на три региона: Баварию, Баден-Вюртемберг и Северный Рейн-Вестфалию (рис. 5). Однако отнюдь не эти земли выделяются большой концентрацией распределяемых мигрантов. По статистическим данным за 2015 год, наибольшая миграционная нагрузка ложится на северо-восточные земли Германии: Мекленбург-Переднюю Померанию, Саксонию-Анхальт, Бранденбург и города Берлин, Бремен, Гамбург. Кроме того, высокой концентрацией прибывающих мигрантов выделяется Саар, на 1000 жителей которого в 2015 году пришлось более 10 соискателей убежища. Концентрация же мигрантов, зарегистрированных в системе EASY в 2015 году, оказалась еще выше — более 20 человек на 1000 жителей земель Мекленбург-Передняя Померания, Саар и Берлин.

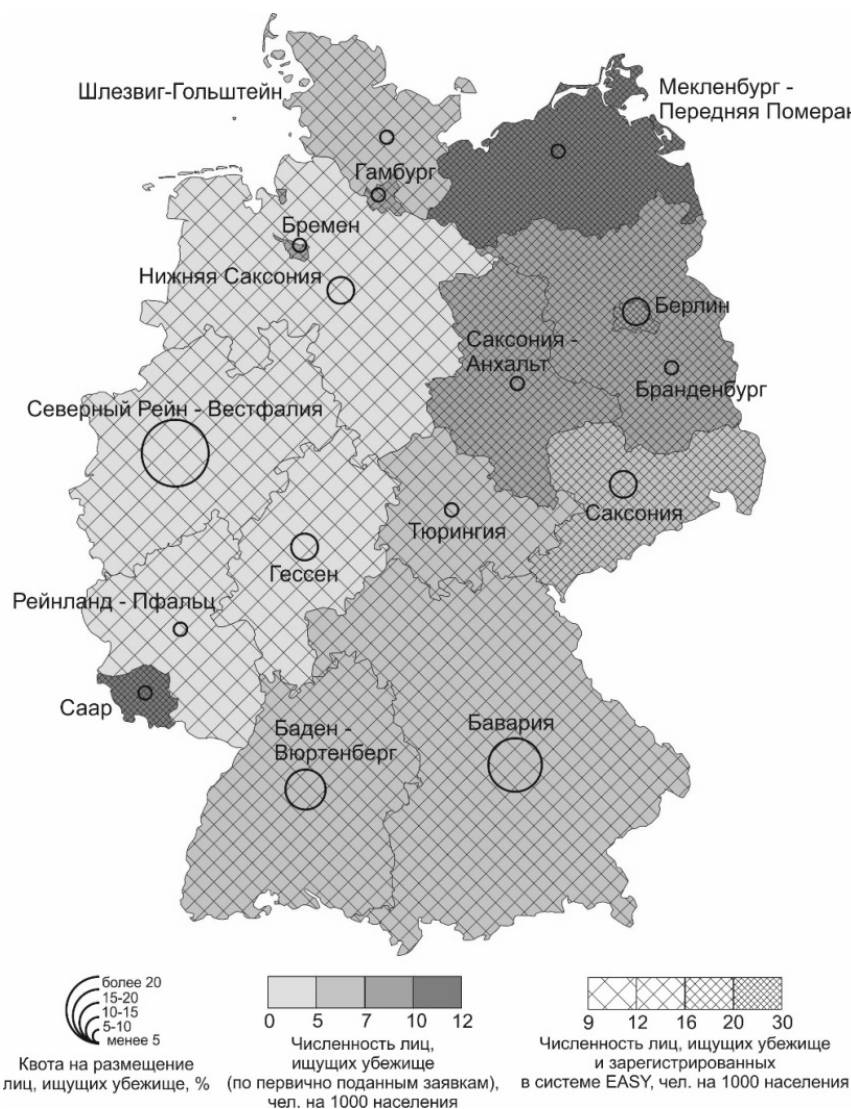

Рис. 5. Основные показатели распределения лиц, ищущих убежище в разрезе федеральных земель Германии, 2015 г.

Источник: составлено автором по [35].

Отношение населения Германии к миграционному кризису в стране

Миграционный кризис, какими бы ни были его причины, несомненно, отражается в сознании сообщества, которое принимает вынужденных переселенцев. Социологические опросы населения с 2015 года показывают: подавляющая часть жителей Германии считает, что иммиграция несет больше недостатков, чем преимуществ [36]. С таким мнe-

нием в разное время были согласны от 33 до 44% населения, еще порядка 14—18% полагают, что иммиграция имеет как негативные, так и позитивные последствия [36]. Германия стабильно держится в пятерке европейских стран, подавляющая часть населения которых (более 60%) связывает вероятность терроризма с притоком беженцев [37]. При этом среди населения Германии доля тех, кто боится большого числа прибывающих беженцев и опасается террористических атак и роста уровня преступности в стране, растет. С начала 2015 года до июля 2016-го доля последних выросла с 45 до 77% [36; 38]. После некоторого снижения их доля опять возросла до 62% после теракта на рождественской ярмарке в Берлине в декабре 2016 года [36].

Недовольство населения обусловлено разными причинами. Среди них можно назвать неуверенность общества в возможности успешно интегрировать такое количество переселенцев с настолько различным культурным, религиозным, социальным фоном; рост уровня преступности среди переселенцев; разочарование реализуемой государственной миграционной и интеграционной политикой, в том числе невозможность лимитировать число прибывающих гуманитарных иммигрантов; опасения по поводу собственного социально-экономического положения в результате роста дополнительных расходов на обустройство беженцев, повышения конкуренции на рынке труда и др. [39—40].

Следствием такого общественного восприятия миграционного кризиса стало снижение поддержки населением курса иммиграционной политики правящей коалиции во главе с госпожой А. Меркель. Согласно последним опросам, политикой канцлера в ноябре 2016 года было довольно 52% немцев, в то время как в октябре 2014-го эта цифра превышала 70% [36].

На этом фоне в преддверии предвыборной компании 2017 года ряд политических партий перешли к антииммиграционной риторике, а крайне правые партии, и без того сторонники ограничительной иммиграционной политики, усилили ее. Наибольшего успеха здесь достигла радикально настроенная молодая партия «Альтернатива для Германии» («АдГ»), которая призывает осуществлять селективную иммиграционную политику по привлечению иностранных работников, ограничить поток гуманитарных мигрантов, отказаться от Шенгена и ввести полный контроль на немецких границах, предоставлять пособия и помощь уже въехавшим и получившим статус беженца лицам лишь по стандартам страны их происхождения. Как ни странно, но именно эти простые лозунги, построенные на отрицании политики правящей коалиции, сегодня наиболее понятны и близки многим жителям Германии. В то же время нельзя не отметить тот факт, что партия «АдГ» зачастую «питается» поддержкой наиболее радикально настроенных граждан, в последнее время увеличилось количество преступлений в отношении иммигрантов и волонтеров, помогающих им.

По данным последних социологических опросов населения, сегодня поддержка «АдГ» в среднем по стране насчитывает уже более 13% голосов, в то время как в ноябре 2014 года она не превышала 6% (рис. 6).

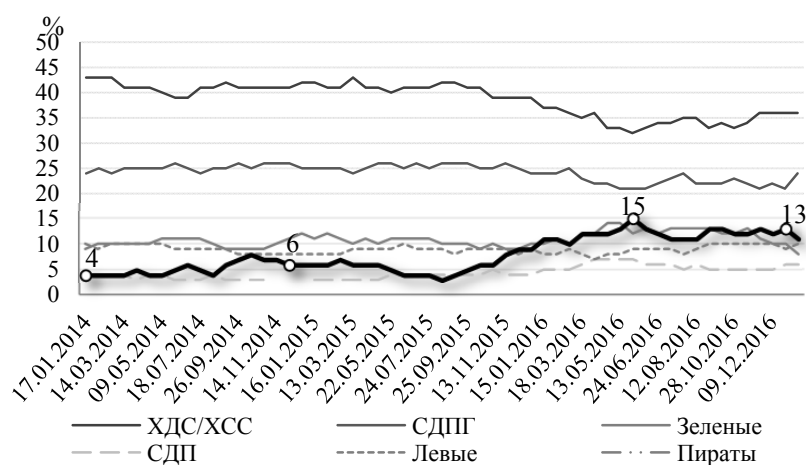

Рис. 6. Электоральный рейтинг политических партий Германии в 2014—2016 гг.

Примечание: ХДС — Христианско-демократический союз, ХСС — Христианско-социальный союз, СДПГ — Социал-демократическая партия Германии, Зеленые — партия «Зеленые», СДП — Свободная демократическая партия, Левые — партия «Левые», Пираты — партия «Пираты», АдГ — партия «Альтернатива для Германии».

Источник: [41].

Однако внутри страны сторонники партии «АдГ» распределены неравномерно, прослеживаются явные социально-экономически и географически детерминированные типы и подтипы регионов по электоральному рейтингу партии «АдГ» (рис. 7).

Наше исследование показало, что 16 федеральных земель Германии могут быть распределены по трем типам (А, Б, В) в зависимости от степени вероятности поддержки населением крайне правых взглядов на миграционный кризис (рис. 7, табл.).

Тип А характеризуется высокой степенью вероятности поддержки крайне правых взглядов на миграционный кризис. К этому типу отнесены субъекты, электоральный рейтинг партии «АдГ» в которых превышает 18,0%, а по количеству мест в ландтаге «АдГ» занимает 2-е или 3-е (в борьбе за 2-е) место. Доля иноэтничного населения здесь невысокая, в том числе за счет низкой квоты на размещение лиц, ищущих убежище. Для этого типа характерно более чем трех- и четырехкратное увеличение концентрации прибывающих мигрантов в 2015 году по сравнению с 2014-м, что усилило антииммиграционные настроения населения и отразилось в дополнительном росте доли сторонников ограничительной иммиграционной политики «АдГ». Кроме того, эти регионы являются самыми бедными по сравнению с другими землями Германии. Так, размер ВРП на душу населения здесь более чем на 22% ниже среднего по стране (в среднем по стране в 2015 году — 32,2 тыс. евро), а уровень безработицы равен или превышает среднестрановое значение (до 40%). Территориально земли данного типа — это земли бывшей ГДР, располагаются в северо-восточной части страны, и исто-

рически среди населения этих земель отношение к иммигрантам и реализуемой открытой государственной иммиграционной политике было скорее негативным, чем позитивным. Существуют подтипы А1 и А2, принципиальные отличия которых — степень проявления анализируемых критериев.

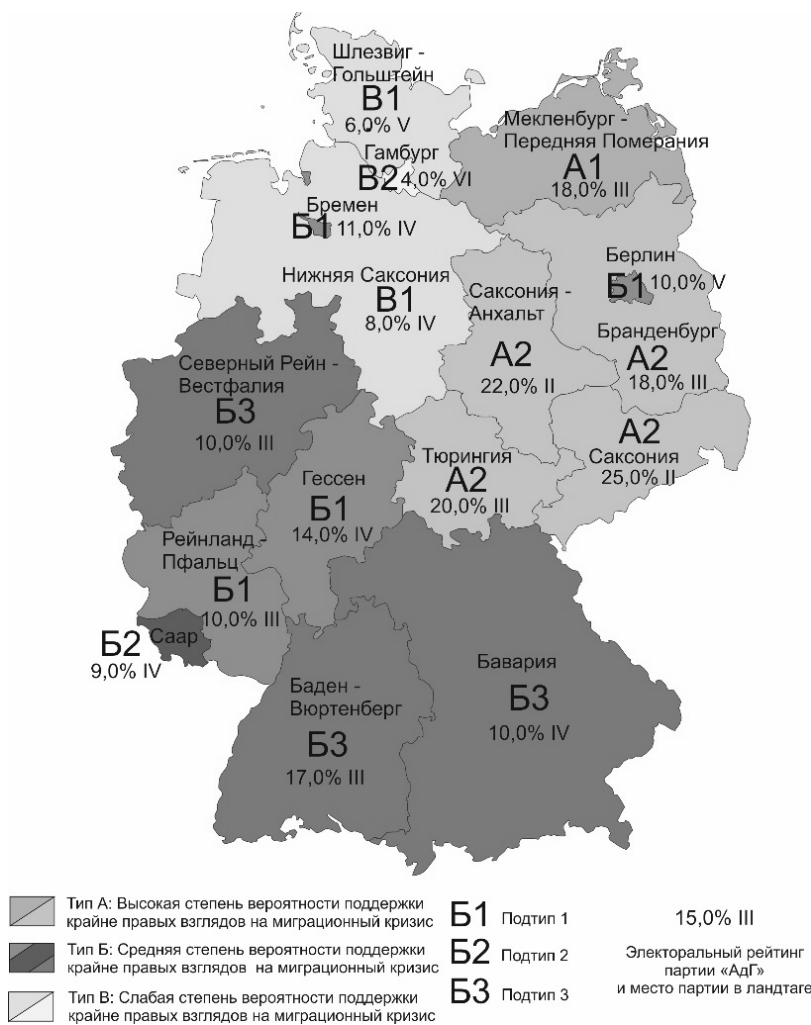

Рис. 7. Типы федеральных земель Германии по электоральному рейтингу партии «АдГ», состоянию миграционного поля и уровню социально-экономического развития, 2015—2017 годы

Примечание: приведены данные социологических опросов: Баден-Вюртемберг — 15.09.2016; Бавария — 11.01.2017; Берлин — 27.02.2017; Бранденбург — 18.01.2017; Бремен — 19.01.2017; Гамбург — 24.11.2016; Гессен — 12.01.2017; Мекленбург-Передняя Померания — 19.01.2017; Нижняя Саксония — 20.01.2017; Северный Рейн-Вестфалия — 19.02.2017; Рейнланд-Пфальц — 15.12.2016; Саар — 26.01.2017; Саксония — 22.11.2016; Саксония-Анхальт — 22.11.2016; Шлезвиг-Гольштейн — 09.12.2016; Тюрингия — 02.12.2016.

Источник: разработано авторами.

Описание типов и подтипов федеральных земель Германии по электоральному рейтингу партии «АдГ», состоянию миграционного поля и уровню социально-экономического развития, 2015—2017 годы

Тип	Подтип	Федеральные земли	Электоральный рейтинг «АдГ» (2016—2017 гг.)	Миграционная обстановка (2015 г.)				Уровень социально-экономического развития (2015 г.)	
				Доля иностранного населения, %	Численность лиц, ищущих убежище (по первично поданным заявкам), в расчете на 1000 населения, чел.	Квота на размещение лиц, ищущих убежище, %	ВВП на душу населения, тыс. евро	Уровень безработицы, %	
А. Высокая степень вероятности поддержки крайних взглядов на миграционный кризис	A1. С самой высокой концентрацией лиц, ищущих убежище	Мекленбург-Передняя Померания	18%, III место в ландтаге	3,4	11,8	2,00	22,4	10,4	
	A2. Со средней концентрацией лиц, ищущих убежище	Бранденбург, Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия	18—25,0%, II—III места в ландтаге	3,1—3,5	6,2—7,6	2,72—5,08	22,6—25,0	7,4—10,2	
Б. Средняя степень вероятности поддержки крайних взглядов на миграционный кризис	B1. С максимальной долей иностранного населения	Берлин, Бремен, Гессен, Рейн-ланд-Пфальц	10—14%, III—V места в ландтаге	9,3—15,4	4,4—9,6	0,96—7,36	29,5—45,8	5,2—10,9	
	B2. С высокой концентрацией лиц, ищущих убежище	Саар	9%, IV место в ландтаге	9,9	10,2	1,22	31,8	7,2	
В. Слабая степень вероятности поддержки крайних взглядов на миграционный кризис	B3. С максимальной квотой на беженцев	Баден-Вюртемберг, Бавария, Северный Рейн-Вестфалия	10—17%, III—IV места в ландтаге	11,8—13,7	3,8—5,3	12,86—21,21	32,8—38,8	3,6—8,0	
	V1. С минимальной концентрацией лиц, ищущих убежище	Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн	6—8%, IV—V место в ландтаге	6,3—7,9	4,4—5,5	3,4—9,3	27,1—29,6	6,1—6,5	
	B2. С максимальной долей иностранного населения	Гамбург	4%, VI место в ландтаге	15,2	7	2,53	55,6	7,4	

Тип Б. Население земель, отнесенных к этому типу, менее склонно поддерживать антимиграционные взгляды партии «АдГ», но, безусловно, подвержено их влиянию, что проявляется в уверенном преодолении партией 5%-го, а в некоторых регионах и 10%-го порога в электоральном рейтинге и наблюдаемом его росте. В этих регионах уже сравнительно давно держится высокая доля иностранцев, сложились их этнические группы, поэтому подавляющая часть населения привыкла к этническому разнообразию своего общества и более толерантно относится к иммигрантам, признавая их частью своего социума. В то же время, вероятно, на фоне существенного роста притока соискателей убежища (рост в 3,9 раза в Сааре и в 2—3 раза по сравнению с 2014 годом во всех остальных землях), активизировалась и та часть населения, которая считает дальнейшее увеличение численности иноэтничного населения неприемлемым и испытывает неудовлетворение иммиграционной политикой правящей коалиции.

Выделение отдельных подтипов Б1, Б2 и Б3 обусловлено выявлением отличительных особенностей социально-экономического развития и миграционной обстановки в тех или иных землях. Так, земли подтипа Б1 характеризуются самой высокой долей иноэтничного населения (исключение — Рейнланд-Пфальц): это города, традиционно более привлекательные для мигрантов, две соседствующие земли с очень низким уровнем безработицы. Саар, выделенный в отдельный подтип Б2, занимает 2-е место среди всех земель по концентрации новопривывшего населения в расчете на 1000 жителей, но при этом обладает одной из самых низких квот на размещение соискателей убежища. Подтип Б3, напротив, объединил одни из самых больших по площади и численности населения земли Германии с самой высокой квотой на соискателей убежища и одновременно с самой низкой концентрацией лиц, ищущих убежище.

Тип В включает три северные земли Германии, население которых демонстрирует слабую степень вероятности поддержки крайне правых взглядов на миграционный кризис. Это проявляется в низком электоральном рейтинге партии «АдГ» — на уровне 4—8% — и слабой позиции в региональных ландтагах. Однако несмотря на то что квота на беженцев в этих землях минимальная, а уровень безработицы ниже среднего по стране (в пределах 7,4% при среднем по стране в 7,5%), даже здесь отмечается рост популярности партии. Это обусловлено небольшим, но все же двукратным увеличением притока лиц, ищущих убежище.

Здесь также выделены два подтипа В1 и В2, имеющих явные отличия в этнической структуре населения. В землях подтипа В1 доля иноэтничного населения невысока — на уровне 6—8%. Поэтому, вероятно, небольшой приток беженцев (4—5 человек на 1000 населения) не стал критичным для восприятия. Незначительный рост недовольства среди населения может возникать на фоне невысокого уровня жизни, ведь размер ВРП, приходящийся на одного жителя, существенно ниже среднедушевых показателей по стране (на 8—16%). К подтипу В2 от-

несен богатый (ВРП на душу населения в размере 55,6 тыс. евро достигает максимальных значений по стране) город Гамбург с одним из самых высоких значений доли иноэтничного населения — 15,2%. Сохранение на протяжении нескольких последних лет этнического многообразия в регионе помогло развитию более толерантного отношения к новоприбывшим, что отразилось в сокращении поддержки населением крайне правых взглядов за прошедший 2016 год более чем в 3 раза (с 13 % в январе до 4 % в ноябре).

Заключение

Современный миграционный шок, который сегодня испытывает Германия, очевидно, затронул все сферы жизнедеятельности принимающего общества и во многом стал причиной изменения отношения населения к иммигрантам и беженцам, выразившегося в готовности общества пересмотреть свои политические взгляды и внести корректировки в сложившуюся партийно-политическую систему страны. Исследование показало, что предлагаемый подход к изучению отношения населения к иммиграции — через призму электоральных предпочтений населения Германии, а именно поддержку взглядов крайне правых игроков политического пространства, акцентирующих свою избирательную кампанию на ограничительном миграционном регулировании — успешно дополняет существующие отечественные и зарубежные исследования и позволяет углубить изучение объекта до регионального уровня.

Предложенная и апробированная в работе методология типологизации земель продемонстрировала свою пригодность к применению в подобных исследованиях с точки зрения учета наиболее значимых факторов изменения отношения населения к иммигрантам и возможности использования сопоставимых относительных показателей. Анализ влияния выделенных факторов на рост популярности крайне правых взглядов населения на иммиграцию позволил выявить некоторые характерные особенности формирования негативного отношения к иммигрантам и беженцам в отдельных регионах Германии. Так, рост поддержки населением крайне правых взглядов на миграционный кризис в землях бывшей ГДР и значительное усиление позиций радикально настроенной партии «АдГ» в региональных ландтагах во многом сопряжены с многократным увеличением притока соискателей убежища и сохранением невысокого уровня жизни и высокой безработицы в этих землях.

Подверженность населения антииммиграционным лозунгам партии «АдГ» наблюдается на территориях, уже давно испытывающих высокую миграционную нагрузку: в юго-западной части страны, в Берлине и Бремене. Однако авторы осознают, что воздействие изучаемых факторов не является постоянным и однозначным, а использование данных электорального рейтинга крайне правых партий не может в полной мере характеризовать приверженность принимающего общества ограничительной миграционной политике. Очевидно, что для более детально-

го и всестороннего изучения региональных закономерностей формирования отношения населения к иммигрантам необходимо включить в исследование дополнительные факторы, в том числе характеризующие влияние миграции на социокультурную сферу жизнедеятельности принимающего общества, а также параметры оценки поддержки населением отдельных законодательных инициатив в области миграционного регулирования.

Таким образом, предложенная типологизация земель Германии может быть использована для дальнейшего изучения региональных особенностей трансформации крайних правых взглядов населения на миграционный кризис в условиях изменения миграционной и социально-экономической обстановки. Полученные результаты могут быть интересны с точки зрения разработки и реализации «умной» миграционной политики, учитывающей особенности формирования отношения населения к мигрантам в разных землях. Актуальным представляется совершенствование существующей в Германии системы размещения соискателей убежища в целях предупреждения нарастания радикальных настроений в обществе в отдельных регионах. В расчет квоты размещения лиц, ищущих убежища, необходимо включить показатели, характеризующие миграционное поле и уровень социально-экономического развития отдельных земель. Сегодня даже при стабилизации миграционной ситуации необходимо принимать неотложные меры по снижению напряженности в обществе посредством реализации интеграционной политики на региональном и муниципальном уровнях, в том числе посредством активного вовлечения в эту деятельность сложившихся диаспоральных групп и организаций. Невнимательное отношение к проблемам адаптации и интеграции мигрантов, тем более в условиях настоящего миграционного кризиса, в будущем может только усилить наметившиеся черты радикализации по отношению к мигрантам, зреющие в обществе, и отразиться на политической сфере.

Список литературы

1. *Sommerpressekonferenz* von Bundeskanzlerin Merkel. Thema: Aktuelle Themen der Innen- und Außenpolitik // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/08/2015-08-31-pk-merkel.html> (дата обращения: 24.10.2016).
2. *Hainmueller J., Hopkins D. J.* Public Attitudes toward Immigration // *Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 225—249.
3. *Scheve K., Slaughter M.* Labor Market Competition and Individual Preferences Over Immigration Policy // *Rev. Econ. Stat.* 2011. Vol. 83, № 1. P. 133—145.
4. *Kinder D., Kam C.* Us Against Them: Ethnocentric Foundations of American Opinion. Chicago, IL, 2009.
5. *Hopkins D. J.* National Debates, Local Responses: The Origins of Local Concern about Immigration in Britain and the United States // *Brit. J. Polit. Sci.* 2011. № 41. P. 499—524.
6. *Лялина А. В.* Теоретические подходы к моделированию последствий трудовой миграции для принимающей мигрантов территории // *Региональные исследования*. 2016. № 2 (52). С. 66—71.

7. *Mayda A.* Who is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes Toward Immigrants // *Review of Economics and Statistics*. 2006. Vol. 88, №3. P. 510—530. doi: 10.1162/rest.88.3.510.
8. *Malhotra N., Margalit Y., Mo C.H.* Economic Explanations for Opposition to Immigration: Distinguishing between Prevalence and Conditional Impact // *Am. J. Polit. Sci.* 2013. Vol. 57, № 2. P. 391—410.
9. *Hanson G.H., Scheve K.F., Slaughter M.J.* Public finance and individual preferences over globalization strategies // *Economics & Politics*. 2007. №19. P. 1—33.
10. *Hainmueller J., Hiscox M.* Attitudes Toward Highly Skilled and Low-Skilled Immigration: Evidence from a Survey Experiment // *Am. Polit. Sci. Rev.* 2010. №104. P. 61—84.
11. *Tingley D.* Public Finance and Immigration Preferences: A Lost Connection // *Polity*. 2013. №45. P. 4—33.
12. *Chandler C., Tsai Y.* Social Factor Influencing Immigration Attitudes: An Analysis of Data From the General Social Survey // *Soc. Sci. J.* 2001. №38. P. 177—188.
13. *Sniderman P.M., Hagendoorn L., Prior M.* Predisposing Factors and Situational Triggers: Exclusionary Reactions to Immigrant Minorities // *Am. Polit. Sci. Rev.* 2004. Vol. 98, № 1. P. 35—49.
14. *Albertson B., Gadarian S.* Who's Afraid of Immigration? The Effects of Pro- and Anti-Immigrant Threatening Ads among Latinos, African Americans and Whites // *Immigration and Public Opinion in Liberal Democracies* / ed. G. Freeman, R. Hansen, D.L. Leal. N. Y., 2012. P. 286—306.
15. *Fetzer J.* The Evolution of Public Attitude toward Immigration in Europe and the United States, 2000—2010. Research report “Improving EU and US Immigration Systems; Capacity for Responding the Global Challenges: Learning from experiences”. San Domenico di Fiesole, 2011.
16. *Lahav G., Courtemanche M.* The Ideological Effects of Framing Threat on Immigration and Civil Liberties // *Polit. Behav.* 2012. №34. P. 477—505.
17. *Hainmueller J., Hangartner D.* Who Gets a Swiss Passport? A Natural Experiment in Immigrant Discrimination // *Am. Polit. Sci. Rev.* 2013. №107. P. 159—187.
18. *Golder M.* Explaining Variation in the Electoral Success of Extreme Right Parties in Western Europe // *Comparative Political Studies*. 2003. Vol. 36, №4. P. 432—466.
19. *Hungarian Politics in 2016* // *Freidrich Eber Stiftung and Policy Solution*. Budapest, 2017. URL: http://www.policysolutions.hu/userfiles/hungarian_politics_in_2016_web.pdf (дата обращения: 28.10.2016).
20. *Германия*. 2015. М., 2016. Ч. 2 : Доклады Института Европы. С. 46.
21. *Givens T.* *Voting Radical Right in Western Europe*. Cambridge, 2012. P. 80—81.
22. *The Social Aspects of the 2015 Migration Crisis in Hungary* // *TARKI Social Research Institute*. Budapest, 2016. URL: http://www.tarki.hu/hu/news/2016/kitekint/20160330_refugees.pdf (дата обращения: 28.10.2016).
23. *Роль малых партий в партийно-политической системе Германии: доклады Института Европы*. М., 2015. С. 88.
24. *Тимошенкова Е.П.* Партийно-политическая система ФРГ после выборов в Бундестаг: основные тенденции развития (2014—2015 гг.) // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. №5 (44). С. 108—117.
25. *Sides J., Citrin J.* How Large the Huddled Masses? The Causes and Consequences of Public Misperceptions about Immigrant Populations // *Annual Meeting of the Midwest Political Science Association*. Chicago, IL, 2007. URL: <http://home.gwu.edu/~jsides/immig.pdf> (дата обращения: 27.10.2016).

26. *Thematic report on Crisis Migration Convening* // John D., Catherine T. MacArthur Foundation Crisis Migration Convening, 14—15 February 2013. URL: https://www.macfound.org/media/files/Crisis_Migration_Thematic_Report_May_2013.pdf (дата обращения: 28.10.2016).
27. *Беженцы и лица, ищущие убежище* // Сайт УВКБ ООН. URL: <http://unhcr.ru/index.php?id=42> (дата обращения: 28.10.2016).
28. *Definition of Migrant Crisis* // Collins. URL: <http://www.collinsdictionary.com/submission/16432/Migrant+Crisis> (дата обращения: 28.10.2016).
29. *Aktuelle Zahlen zu Asyl. Ausgabe: Oktober 2016* // Bundesamt für migration und flüchtlinge. URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/aktuelle-zahlen-zu-asyl-oktober-2016.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.02.2017).
30. *Aktuelle Zahlen zu Asyl. Ausgabe: Dezember 2015* // Bundesamt für migration und flüchtlinge. URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/aktuelle-zahlen-zu-asyl-dezember-2015.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.02.2017).
31. *Asyl-zahlen für das 3. Quartal 2016 veröffentlicht* // Bundesministerium des Innern. URL: <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2016/10/asylantraege-september-2016.html> (дата обращения: 01.02.2017).
32. *Zahlen zu Asyl in Deutschland* // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/politik/innenpolitik/flucht/218788/zahlen-zu-asyl-in-deutschland> (дата обращения: 01.02.2017).
33. *Politik II, Politbarometer* // Forschungsgruppe Wahlen. URL: http://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Langzeitentwicklung_-_Themen_im_Ueberblick/Politik_II/#Probl2. (дата обращения: 01.02.2017).
34. *Innenminister de Maizière 2015 kamen 890.000 Flüchtlinge nach Deutschland* // Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-2015-kamen-890-000-schutzsuchende-nach-deutschland-a-1114739.html> (дата обращения: 01.11.2016).
35. *Das Bundesamt in Zahlen 2015. Asyl, Migration und Integration* // Broschüren des Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschueren/bundesamt-in-zahlen-2015.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.11.2016).
36. *ARD DeutschlandTREND* // Infratest dimap. URL: <http://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/> (дата обращения: 02.11.2016).
37. *Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs* // PewResearch Center. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (дата обращения: 03.11.2016).
38. *Most Germans fear terrorist attack after train ax assault: poll* // REUTERS. URL: <http://ca.reuters.com/article/topNews/idCAKCN1020YQ> (дата обращения: 02.11.2016).
39. *Heckmann F. Understanding the Creation of Public Consensus: Migration and Integration in Germany, 2005 to 2015*. Washington, DC, 2016.
40. *Тест на толерантность* // Новостной портал «Лента.Ру». URL: <https://lenta.ru/articles/2015/09/05/migrant/> (дата обращения: 03.11.2016).
41. *Politik I, Politbarometer* // Forschungsgruppe Wahlen. URL: http://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Langzeitentwicklung_-_Themen_im_Ueberblick/Politik_I/ (дата обращения: 03.02.2017).

Об авторах

Ирина Николаевна Молодикова, кандидат географических наук, ведущий сотрудник, Центральный Европейский университет, Венгрия.
E-mail: Molodiko@ceu.edu

Анна Валентиновна Лялина, аналитик, Центр моделирования социально-экономического развития региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Для цитирования:

Молодикова И. Н., Лялина А. В. Территориальные различия взглядов немцев на миграционный кризис в Германии: политический аспект // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 82—104. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-5.

TERRITORIAL DIFFERENCES IN THE ATTITUDES TO THE MIGRATION CRISIS IN GERMANY: THE POLITICAL ASPECT

I. N. Molodikova¹

A. V. Lyalina²

¹ *Central European University*

9 Nador u., Budapest, 1051, Hungary

² *Immanuel Kant Baltic Federal University*

14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on January 09, 2017

The European migration crisis has divided the population of Germany along the lines of the country's migration policy and the attitude to immigrants. The anti-immigrant sentiment, supported by the rhetoric of the extreme right-wing parties and the criticism of current policies, have been growing in the society. This article reviews theoretical approaches to the study of public attitude to migrants proceeding from the effect that immigration has on the socioeconomic development of the host society. The authors propose a mechanism for analysing the political life of a society to develop viable approaches to managing the migration shock and mitigating its effect. The article considers the attitudes of the German population to immigration and immigrants in terms of the transformation of electoral preferences under the influence of the migration crisis. Recent data on the electoral standing of the Alternative for Germany party are used to develop a typology of states, based on the level of support for this party from the local population and on other measures of the migration situation and socioeconomic development. The authors identify north-eastern regions with a high probability of popular support for the extreme right views on the migration crisis and northern and southwestern states that are most and least susceptible to the extreme right influence.

Key words: migration crisis in Germany, Alternative for Germany, attitudes to immigration, public opinion, territorial differences of German states

References

1. Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel. Thema: Aktuelle Themen der Innen- und Außenpolitik, 2015, *Die Bundesregierung*, available at: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/08/2015-08-31-pk-merkel.html> (accessed 24.10.2016).
2. Hainmueller, J., Hopkins, D.J. 2014, Public Attitudes toward Immigration, *Annual Review of Political Science*, Vol. 17, p. 225—249.
3. Scheve, K., Slaughter, M. 2011, Labor Market Competition and Individual Preferences Over Immigration Policy, *Rev. Econ. Stat.*, Vol. 83, no. 1, p. 133—145.
4. Kinder, D., Kam, C. 2009, *Us Against Them: Ethnocentric Foundations of American Opinion*, Chicago, IL.
5. Hopkins, D.J. 2011, National Debates, Local Responses: The Origins of Local Concern about Immigration in Britain and the United States, *Brit. J. Polit. Sci.*, no. 41, p. 499—524.
6. Lyalina, A.V. 2016, Theoretical approaches to modeling the consequences of labor migration for host territories, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2 (52), p. 66—71. (In Russ.)
7. Mayda, A. 2006, Who is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes Toward Immigrants, *Review of Economics and Statistics*, Vol. 88, no. 3, p. 510—530. DOI: 10.1162/rest.88.3.510.
8. Malhotra, N., Margalit, Y. 2013, Mo CH. Economic Explanations for Opposition to Immigration: Distinguishing between Prevalence and Conditional Impact, *Am. J. Polit. Sci.*, no. 57, p. 391—410.
9. Hanson, G. H., Scheve, K. F. Slaughter, M. J. 2007, Public finance and individual preferences over globalization strategies, *Economics & Politics*, no. 19, p. 1—33.
10. Hainmueller, J., Hiscox, M. 2010, Attitudes Toward Highly Skilled and Low-Skilled Immigration: Evidence from a Survey Experiment, *Am. Polit. Sci. Rev.*, no. 104, p. 61—84.
11. Tingley, D. 2013, Public Finance and Immigration Preferences: A Lost Connection, *Polity*, no. 45, p. 4—33.
12. Chandler, C., Tsai, Y. 2001, Social Factor Influencing Immigration Attitudes: An Analysis of Data From the General Social Survey, *Soc. Sci. J.*, no. 38, p. 177—188.
13. Sniderman, P.M., Hagendoorn, L., Prior, M. 2004, Predisposing Factors and Situational Triggers: Exclusionary Reactions to Immigrant Minorities, *Am. Polit. Sci. Rev.*, Vol. 98, no. 1, p. 35—49.
14. Albertson, B., Gadarian, S. 2012, Who's Afraid of Immigration? The Effects of Pro- and Anti-Immigrant Threatening Ads among Latinos, African Americans and Whites. In: Freeman, G., Hansen, R., Leal, D.L. (ed.) *Immigration and Public Opinion in Liberal Democracies*, New York, p. 286—306.
15. Fetzer, J. 2011, The Evolution of Public Attitude toward Immigration in Europe and the United States, 2000—2010. In: *Research report "Improving EU and US Immigration Systems; Capacity for Responding the Global Challenges: Learning from experiences"*, European University Institute Robert Schumann Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole.
16. Lahav, G., Courtemanche, M. 2012, The Ideological Effects of Framing Threat on Immigration and Civil Liberties, *Polit. Behav.*, no. 34, p. 477—505.

17. Hainmueller, J., Hangartner, D. 2013, Who Gets a Swiss Passport? A Natural Experiment in Immigrant Discrimination, *Am. Polit. Sci. Rev.*, no. 107, p. 159—187.
18. Golder, M. 2003, Explaining Variation in the Electoral Success of Extreme Right Parties in Western Europe, *Comparative Political Studies*, Vol. 36, no. 4, p. 432—466.
19. Hungarian Politics in 2016, 2017, Freidrich Eber Stiftung and Policy Solution. Budapest, available at: http://www.policysolutions.hu/userfiles/hungarian_politics_in2016_web.pdf. (accessed 28.10.2016).
20. *Germaniya. 2015*. Ch. II: doklady Instituta Evropy [Germany. 2015. Part II: Reports of the Institute of Europe], 2016, Moscow, Institute of Europe, RAS, p. 46. (In Russ.)
21. Givens, T. 2012, *Voting Radical Right in Western Europe*, Cambridge University Press, p. 80—81.
22. The Social Aspects of the 2015 Migration Crisis in Hungary, 2016, TARKI Social Research Institute. Budapest, available at: http://www.tarki.hu/hu/news/2016/kitekint/20160330_refugees.pdf (accessed 28.10.2016).
23. *Rol' malykh partii v partiino-politicheskoi sisteme Germanii: doklady Instituta Evropy* [The role of small parties in the party political system of Germany: reports of the Institute of Europe], 2015, Moscow, Institute of Europe, RAS, p. 88. (In Russ.)
24. Timoshenkova, E. П. 2015, The party political system of Germany after the elections to the Bundestag: the main development trends (2014—2015), *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of the University of Moscow State Institute of International Relations], no. 5 (44), p. 108—117. (In Russ.)
25. Sides, J. Citrin, J. 2007, How Large the Huddled Masses? The Causes and Consequences of Public Misperceptions about Immigrant Populations, *Annual Meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL*, available at: <http://home.gwu.edu/~jsides/immig.pdf> (accessed 27.10.2016).
26. *Crisis Migration Convening*, Thematic report, 2013, John D. And Catherine T. MacArthur Foundation, February 14—15, available at: https://www.macfound.org/media/files/Crisis_Migration_Thematic_Report_May_2013.pdf (accessed 28.10.2016).
27. Refugees and asylum-seekers, 2012, UNHCR Office in the Russian Federation, available at: http://unhcr.ru/fileadmin/files/images/refugees_eng.jpg (accessed 28.10.2016).
28. Definition of Migrant Crisis, 2015, *Collins*, available at: <http://www.collinsdictionary.com/submission/16432/Migrant+Crisis> (accessed 28.10.2016).
29. Aktuelle Zahlen zu Asyl. Ausgabe: Oktober 2016, 2016, *Bundesamt für migration und flüchtlinge*, available at: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/aktuelle-zahlen-zu-asyl-oktober-2016.pdf?__blob=publicationFile (accessed 01.02.2017).
30. Aktuelle Zahlen zu Asyl. Ausgabe: Dezember 2015, 2015, *Bundesamt für migration und flüchtlinge*, available at: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/aktuelle-zahlen-zu-asyl-dezember-2015.pdf?__blob=publicationFile. (accessed 01.02.2017).
31. Asyl-zah-len für das 3. Quar-tal 2016 ver-öf-fent-licht, 2016, *Bundesministerium des Innern*, available at: <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2016/10/asylantraege-september-2016.html> (accessed 01.02.2017).
32. Zahlen zu Asyl in Deutschland, 2017, *Bundeszentrale für politische Bildung*, available at: <https://www.bpb.de/politik/innenpolitik/flucht/218788/zahlen-zu-asyl-in-deutschland> (accessed 01.02.2017).

33. Politik II, Politbarometer, 2017, *Forschungsgruppe Wahlen*, available at: http://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Langzeitentwicklung_-_Themen_im_Ueberblick/Politik_II/#Probl2. (accessed 01.02.2017).

34. Innenminister de Maizière 2015 kamen 890.000 Flüchtlinge nach Deutschland, 2016, *Spiegel Online*, available at: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-2015-kamen-890-000-schutzsuchende-nach-deutschland-a-1114739.html> (accessed 01.11.2016).

35. Das Bundesamt in Zahlen 2015. Asyl, Migration und Integration, 2015, *Broschueren des Bundesamt für Migration und Flüchtlinge*, available at: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschueren/bundesamt-in-zahlen-2015.pdf?__blob=publicationFile (accessed 01.11.2016).

36. ARD DeutschlandTREND, 2016, *Infratest dimap*, available at: <http://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/> (accessed 02.11.2016).

37. Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs, 2016, *PewResearch Center*, available at: <http://www.pewglobal.org/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (accessed 03.11.2016).

38. Martin, M. 2016, Most Germans fear terrorist attack after train ax assault: poll, *REUTERS*, available at: <http://ca.reuters.com/article/topNews/idCAKCN1020YQ> (accessed 02.11.2016).

39. Heckmann, F. 2016, *Understanding the Creation of Public Consensus: Migration and Integration in Germany, 2005 to 2015*, Washington, DC.

40. Melnikova, K. 2015, Test for tolerance, *Lenta. Ru*, available at: <https://lenta.ru/articles/2015/09/05/migrant/> (accessed 03.11.2016). (In Russ.)

41. Politik I, Politbarometer, 2017, *Forschungsgruppe Wahlen*, available at: http://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Langzeitentwicklung_-_Themen_im_Ueberblick/Politik_I/ (accessed 03.02.2017).

The authors

Dr Irina N. Molodikova, leading researcher, Post-Soviet Migration and Security project, Central European University, Budapest, Hungary.

E-mail: Molodiko@ceu.edu

Anna V. Lyalina, analyst, Centre for the Modelling of Regional Socio-Economic Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

To cite this article:

Molodikova, I. N. Lyalina, A. V., 2017, Territorial Differences in the Attitudes to the Migration Crisis in Germany: The Political Aspect, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 82—104. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-5.

ТУРИСТСКИЙ
РЕСУРС ГРАНИЦ:
ПОТЕНЦИАЛ
ПРИГРАНИЧНЫХ
РЕГИОНОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

С. В. Степанова¹

Туристский вектор развития приграничных регионов Северо-Запада России актуализирует проблематику повышения их туристской привлекательности. В качестве одного из уникальных ресурсов таких регионов рассматривается наличие современной и бывших государственных границ и связанных с ними объектов. Успешная зарубежная практика создания и развития туристских аттракций и дестинаций, основанных на специфике и уникальности географического положения (на линиях, границе) объектов и территорий раскрывает потенциал развития туризма приграничных субъектов Северо-Запада России.

Цель статьи — обоснование туристского ресурса границ как потенциала для развития туризма и рекреации на территории приграничных регионов Северо-Запада РФ, часто не выявленного и не вовлеченного в туристский оборот. Обобщена международная практика использования феномена государственных границ в качестве туристского ресурса. Представлен опыт Северной Европы в формировании туристских аттракций и дестинаций. Исследуется степень использования потенциала государственной границы как туристского ресурса в развитии регионального туризма на примере Северо-Запада России, анализируются возможности и предлагаются рекомендации по усилению его применения в туристском бизнесе с целью увеличения вклада туристкой сферы в экономику регионов.

Ключевые слова: развитие туризма, государственная граница, туристский ресурс, туристская дестинация, приграничные регионы, Северо-Запад России

Введение

Признавая туризм перспективным/приоритетным направлением развития приграничных субъектов Се-

¹ Институт экономики Карельского научного центра РАН 185030, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, проспект А. Невского, 50.

Поступила в редакцию 26.08.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-6

© Степанова С. В., 2017

веро-Запада России, важно выявить преимущества, обуславливаемые экономико-географическим положением территорий, для повышения эффективности функционирования регионального туристского бизнеса. В широком контексте исследуемые приграничные регионы — равные среди равных по обеспеченности уникальными туристскими ресурсами: подразумевается не детерминированный наличием или отсутствием государственной границы природный и историко-культурный потенциал территорий. Например, архитектурный ансамбль Кижского погоста, культурный и исторический ансамбль «Соловецкие острова», девственные леса Коми, ансамбль Ферапонтова монастыря, Куршская коса, включенные в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вместе с тем следует указать, что ряд уникальных объектов туристского показа появился и / или сохранился во многом благодаря выполнению бывшими или современными государственными границами своих функций: «зеленый пояс Фенноскандии», Иван-Городская крепость и др. Именно наличие государственной границы определяет появление специфических, свойственных только приграничным регионам возможностей и потенциала для развития и приграничного сотрудничества (например, приграничный туризм [20]). Одновременно необходимо обозначить существование достаточного количества примеров, когда государственные границы выступают барьером для взаимодействия между странами, препятствуя в том числе развитию туризма и туристских обменов.

В данной статье рассмотрены теоретические и практические аспекты формирования и развития туристских дестинаций и аттракций на основе вовлечения ресурса бывших и современных границ. Основной фокус внимания направлен на государственные границы, но не ограничивается ими. Успешность использования географических линий и различных границ в практике международного туристского бизнеса подтверждается результатами функционирования зарубежных туристских дестинаций.

Туризм и государственные границы: влияние и взаимодействие

Исследования пространственных взаимосвязей государственных границ и развития туризма на приграничных территориях стали появляться с конца 70-х годов XX века: сначала в трудах зарубежных, а позднее и российских ученых. Например, работа Д. Матцнеттера «Границы и туризм: фундаментальные связи», в которой на основе расположения мест туристского интереса относительно границы выделяются три обобщенных типа взаимосвязей: отсутствие туристской зоны вблизи границы, наличие туристской зоны с одной стороны границы и наличие туристских зон с разных сторон границы или расположенных сквозь границу [34]. Особое место занимают работы профессора Д. Тимоти (США, Канада), раскрывающие потенциал государственной границы с позиции туристского интереса и создания туристских аттракций, влияние туризма на изменение функций международных границ и независимых территорий [30; 37; 38]. Изучение роли и значения поли-

тических границ в функционировании туристского бизнеса на территории приграничной Польши осуществляется в работе исследователя Польской академии наук — М. Виецковского [40]. В труде ученого университета Оулу (Финляндия) — Т. Лёйтуноя — представлена дискуссия о трансформации специфики местоположения объекта в туристскую аттракцию [33].

Относительно российских исследований по данной тематике справедливым представляется мнение О.Г. Ступиной, указывающей, что «исследования [отечественные]... начали появляться лишь в последние годы, что во многом обусловлено запоздалым проявлением интереса отечественных исследователей к проблематике международного туризма» [22, с. 100]. В значительной степени это определялось спецификой развития приграничных территорий, детерминированной выполняемой государственной границей барьерной функцией на протяжении длительного периода истории государства. В работе профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.Ю. Александровой раскрывается процесс трансформации государственных границ под влиянием международного туризма: учитывая, что «границы во многом определяют объем и географию туристских потоков, состояние туристского бизнеса... это влияние может иметь диаметрально противоположную направленность: в одних случаях сдерживать развитие, в других, наоборот, ускорять его» [2, с. 15]. На основе развития международного туризма, в зависимости от особенностей пограничного режима, жесткости туристских формальностей А.Ю. Александровой и О.Г. Ступиной выделяются несколько типов государственных границ [3]: закрытые (КНДР); сложно преодолимые (Бенин, Гвинея); преодолимые (США, государства Шенгенской зоны); легко преодолимые (Кипр, Мексика); открытые и абсолютно открытые.

Современные реалии показывают достаточное число примеров воздействия сдерживающего характера функционирования государственных границ на развитие международного туризма в условиях изменения геополитической обстановки [21], возможности возникновения террористических угроз, недобрососедских отношений сопредельных государств. В этой связи следует упомянуть государственную границу Северной и Южной Кореи как популярный туристский аттракт, для посещения которого туристы должны подписать документ о принятии ответственности за «травмы или смерть как прямой результат действия противника» [36].

Современные возможности развития туристского бизнеса и возрастающий интерес к отдыху и рекреации материализуются в стремительной динамике роста числа международных туристских прибытий, увеличении пересечений границ государств. Однако доминирующая часть пересечений границ является не целью, а только промежуточным этапом логистики путешествия. Причем формальности пересечения государственных границ (например, паспортный и таможенный контроль), занимая около 20% времени при международных миграциях, выступают в качестве главного сдерживающего фактора, приводя к сокраще-

нию туристских поездок. Также исследователи отмечают сдерживающее влияние психологического фактора (включая функциональную дистанцию, или добавленную психологическую дистанцию), выражающегося в появлении волнений, тревожности, чувства дискомфорта, что приводит к психологическому «удлинению» поездки [2, с. 16]. Как замечают исследователи, посещение государственных границ для некоторых туристов может быть самым значительным мотивационным фактором путешествия.

Вместе с тем, как справедливо указывает Т. Лёйутуноя, «даже если пересечение государственных границ представляет собой ежедневную активность, много государственных границ несут в себе высокий символизм, становясь интересным объектом посещения» [32, с. 35]. В подтверждение можно привести слова А. Ю. Александровой, раскрывающие притягательность границ для многих путешественников: «приближаясь к границе, особенно государственной, многих людей охватывает волнение от встречи с неизвестностью, а сама граница приобретает элементы очарования, то есть люди воспринимают границу и пограничье как своеобразный контраст с обыденностью, рутинностью, именно этого они ищут в туристской поездке. Важность момента их пребывания на границе подчеркивает тот факт, что все они стремятся запечатлеть его на фотоснимках» [2, с. 17].

Однако в дальнейшем в статье основной фокус внимания будет направлен не столько на взаимодействие государственных границ и их влияние на развитие туризма, сколько на выявление теоретических и практических аспектов использования феномена государственной границы как туристского ресурса в развитии туристского бизнеса на территории приграничных регионов Северо-Запада России. В работе применен контент-анализ научной литературы и интернет-ресурсов по исследуемой проблематике, использованы сравнительный, проблемный, типологический и исторический подходы.

Государственная граница как туристский ресурс: теоретические и практические аспекты

В сложном и длительном процессе трансформации государственной границы в туристскую достопримечательность исследователями выделяется несколько этапов: утеря функций форпоста; снижение барьерной функции; усиление контактной функции; усиление трансграничного общения; превращение в объект туристской аттракции [2; 3; 30; 38].

А. Ю. Александрова справедливо указывает: «политико-административные границы все чаще выступают в качестве своеобразного туристского ресурса» [2, с. 17], что проявляется в разных формах. Использование потенциала государственной границы региональным туристским бизнесом приграничных субъектов РФ определяется спецификой выполняемых государственной границей функций, формальностями (включая туристские), а также немаловажную роль играют представления о возможностях использования данного ресурса.

В международной практике представлен широкий спектр использования феномена государственной границы в качестве туристского ресурса от точки показа до формирования туристской дестинации [2; 22; 37], которые можно сгруппировать следующим образом.

Прежние, ранее существовавшие, но утратившее значение государственные границы. Примером служит одна из главных достопримечательностей Китая — Великая Китайская стена, включенная в программу большинства туров по КНР, число посетителей которой в 2004 году достигло рекордного числа в 41,3 млн человек [4]. Созданный в Берлине туристский маршрут вдоль линии бывшей границы — «Тропа вдоль Берлинской стены» (нем. Berliner Mauerweg) — протяженностью 160 км — одна из популярных достопримечательностей Германии [5]. Общая стоимость проекта, реализованного в 2002—2006 годы Управлением по развитию города Берлинского Сената, составила 4 млн евро. Маршрут представляет собой непрерывную дорожку для пешеходов и велосипедистов, при ее строительстве были использованы сохранившиеся участки бывшей таможенной дороги на территории Западного Берлина и так называемого колонного пути, по которому погранвойска ГДР осуществляли автомобильное патрулирование границы [2; 4].

Современная линия границы с демаркационными указателями и инженерно-техническими сооружениями. Так, в июне 2013 года в г. Фуюань (КНР) на регулярной основе был запущен туристский водный маршрут вокруг о. Большой Уссурийский — «Остров двух рек», часть которого пролегает во внутренних российских водах. Туристам предлагается остановка недалеко от российско-китайской границы для фотосессии с пограничным столбом. Данный маршрут — часть проектов, направленных на рациональное и быстрое развитие индустрии туризма в провинции Хэйлунцзян и вдоль пограничных рек Амур и Уссури [24].

Создание специальных объектов на линии раздела территорий, включая указатели, монументы, памятники и другие материальные свидетельства. В настоящее время насчитывается от 157 до 207 точек, в которых соприкасаются границы трех разных государств (Tripoints). Они часто отмечены различными указателями, памятниками или пограничными столбами [39]. Интересным представляется скульптурная композиция, обозначающая схождение границ Австрии, Венгрии и Словакии, в виде равностороннего треугольного стола со скамьями с нанесенными символическими гербами каждого государства, позволяющая одновременно располагаться в границах трех европейских государств [26]. Еще один пример ежегодного привлечения тысяч туристов — «Точка пересечения границ трех стран» (Drielandenpunt): Бельгии, Германии и Нидерландов, обозначенная символическим камнем с пограничными знаками и флагами государств в 1926 году. Кроме того, около 100 лет назад точка объединяла четыре государства (мини-страна Нейтральная Мореснет, которая в 1919 году отошла к Бельгии) [23]. Одним из популярных туристских достопримечательностей Юго-Запада США является монумент «Четыре угла» (Four Cornes), уста-

новленный на месте, где сходятся под прямыми углами проведенные по меридианам и параллелям границы четырех штатов: Колорадо, Нью-Мексико, Аризона и Юты (1992 год, первый маркер — 1912 год) [29]. На территории Уральских гор, разделяющих Европу и Азию, установлен ряд обелисков и пограничных столбов (первый появился в Первоуральске на бывшем Сибирском тракте в 1837 году) вблизи городов Первоуральск, Екатеринбург, Оренбург, Магнитогорск [6].

Создание музеев и объектов по тематике границы и пограничья.

Примером создания антропогенных объектов при использовании специфики государственной границы выступает Музей государственной границы в г. Тайстунген (Германия). Формирование туристской дестинации на нулевой параллели в Эквадоре (экватор проходит через 14 государств Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии) является одним из примеров успешного использования географических линий в туризме. Признанный официальный центр мира в г. Митад-дель-Мундо (Mitad del mundo, исп. «середина мира») расположен в 20 км от столицы Эквадора Кито, где функционирует огромный развлекательный комплекс, главные достопримечательности которого — желтая линия экватора и 30-метровая башня, увенчанная глобусом, куда ежегодно приезжают около 1,5 млн туристов со всего мира [18]. В России следует указать расположенный в Москве Центральный пограничный музей ФСБ России (основан в 1914 году в Санкт-Петербурге, в 1932 году воссоздан в Москве), его экспозиция насчитывает свыше 80 тыс. единиц хранения по истории пограничной охраны с периода Древней Руси до настоящего времени [13].

Создание парков, оборудование специальных троп, проходящих по территории нескольких государств и др. Созданный в 1932 году Международный сад Мира на границе Канады и США, обозначенной цветами, привлекает значительное число посетителей, особенно летом, в период проведения различных фестивалей и событий [37].

Создание смотровых площадок, с которых можно увидеть территорию другого государства. Например, смотровая площадка о. Кипр, открывающая панораму на оккупированные турками северные территории представляла в 1990—2000 годы одну из популярных достопримечательностей острова [3]. Объектом массового туризма является смотровой комплекс на стыке границ РФ, КНР и КНДР, предлагаемый для посещения китайскими туристскими компаниями в еженедельном однодневном туре «Три границы» наряду с «подъемом на "Башню Дракон и Тигр", осмотром местности, фотографированием, осмотром территории трех государств в бинокль», а также посещением пограничного столба «Ту» (КНР — РФ) [27].

Деревни, здания, включая рестораны, отели и другие объекты, расположенные на границе нескольких государств. Притягательность туристской дестинации пос. Барле (Baarle, возник в эпоху Средневековья) обуславливается прохождением по его территории одной из самых запутанных границ в мире — границы между Бельгией и Нидерланда-

ми, пролегающей посреди улиц и домов и обозначенной белыми крестами. В связи с тем, что пос. Барле расположен в Нидерландах (Барле-Нассау), но 26 отдельных частей принадлежат Бельгии (Барле-Хертог), здесь функционируют две мэрии, две полиции, два кафедральных собора [16]. Одно из любимых мест отдыха горнолыжных туристов в приграничном г. Ла Кюр — отель «Арбез» (The Arbez Hotel), туристскую привлекательность которого формирует расположение на границе Франции и Швейцарии, позволяющее гостям перемещаться из одного государства в другое: граница проходит через столовую и кухню отеля, пересекая ряд номеров [10]. В Германии насчитывается порядка 35 населенных пунктов, разделенных государственными границами с Австрией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, Польшей, Францией, Чехией и Швейцарией [3].

Создание событий, связанных с границами. Примером является церемония закрытия государственной границы между Индией и Пакистаном на переходе Аттари-Вага (Wagah Border, единственный переход, открытый для иностранцев), ежедневно привлекающая сотни туристов и местных жителей [17].

Другое. Особую туристскую привлекательность приобретают природные и антропогенные объекты, расположенные на линии границы: например, водопады Виктория (граница Замбии и Зимбабве), Ниагарский (США — Канада), Игуасу (Бразилия — Аргентина). Горнолыжный курорт и национальный парк Крконоше (Чехия — Польша), горнолыжные курорты (Франция — Швейцария, Италия — Франция) и др. [3].

Во многом интерес туристов к государственным границам определяется их высоким символизмом или исторической значимостью [32]. Кроме традиционной фотосессии с объектами и на линии, разделяющей территории нескольких регионов или государств, туристское внимание привлекает сам процесс пересечения границы. Так, интерес туристов к пересечению государственных границ послужил основой для создания в мексиканском парке развлечений «ЭкоАльберто» (Parque EcoAlberto) в штате Идальго в 2004 году аттракциона Caminata Nocturna по нелегальному пересечению границы с США (в реальности парк расположен в сотне километров от госграницы). Туристам предлагается ночное путешествие (12 км) по преодолению «государственной границы» (преодолевать заросли и горные тропы, проползать под заграждениями из колючей проволоки, прятаться от пеших и автомобильных патрулей «пограничников» с собаками, контрабандистов, погони) [35]. Еще одним примером аттракциона по пересечению государственной границы служит международная канатная дорога (протяженность — 720 м, время пересечения — около 1 мин, скорость — около 70—80 км/ч) через р. Гвадиана, соединяющая Санлукар-де-Гвадиану (Андалусия, Испания) с Алкотин (Алгарве, Португалия), позволяющая насладиться великолепными пейзажами и получить заряд положительных эмоций. Пропускная способность канатной дороги составляет около 25—30 человек в час [28].

Опыт Северной Европы в формировании туристских аттракций и дестинаций

Достаточно интересным представляется опыт преобразования территорий, находящихся на географических линиях и границах, в привлекательные туристские аттракции и дестинации в государствах Северной Европы: мыс Норд-кап в Норвегии, полярный круг и самая восточная точка ЕС в Финляндии [33].

Одним из примеров развития туристской индустрии на основе роста туристского интереса к государственной границе в середине 60-х годов XX века представляется территория приграничной Финляндии (идеологическая граница между капиталистическими и социалистическими странами). Согласно М. Косонен и Ю. Похйонен, мистическая граница между Востоком и Западом являлась интересным объектом, большинство путешествующих на автомобиле иностранцев старались посетить территорию Юго-Восточной Финляндии, тем самым увеличивая работу пограничных служб. Исследователи указывают, что в середине 60-х годов XX века «государственная граница, приграничная зона и пограничная деятельность сами стали важными объектами для туристов» [31]. В этой связи достаточно интересной представляется работа Т. Лёйутуноя, посвященная рассмотрению российско-финляндской государственной границы с трех различных точек зрения [32].

В первую очередь государственная граница характеризуется определенной структурой, наиболее четко видимой в пунктах пропуска (инфраструктура). Второй аспект границы — ее историческое смысловое наполнение. В качестве примера приводится самая восточная материковая точка ЕС, несущая не только географическую, но и историческую нагрузку: место встречи границ разных лет (северный участок границы с 1617 года). Наконец, граница как туристский опыт. Учитывая туристский интерес к пересечению государственных границ, интересным представляется раскрытый Т. Лёйутуноя финский опыт «организации подобного пересечения» двумя туристскими компаниями, одна из которых работала в муниципалитете, не имеющем общей границы с РФ. Так, согласно программе, автобус подъезжал к импровизированной границе, «российские пограничники» в униформе и с оружием заходили в автобус, говорили по-русски, спрашивали паспорта для контроля, после чего предлагалось покинуть автобус для небольшой прогулки и дегустации русской водки. Принимая во внимание нестандартность ситуации (элемент сюрприза), многие туристы верили, что прошли настоящий таможенный контроль во временном пункте пропуска. Организация фиктивного пересечения границы является достаточно проработанным пунктом программы данных компаний, практика которого насчитывала более 20 лет с 1988 года [32].

Одним из лучших примеров трансформации геодезической линии в туристскую аттракцию, а позднее в международную туристскую дести-

нацию в Северной Европе представляется современная резиденция Санта-Клауса (полярный круг) в г. Рованиеми, Финляндия (около 471 тыс. ночевок в 2015 году). Опыт развития северной дестинации показывает, что началом послужила установка указателя вблизи г. Рованиеми, впоследствии была создана деревня Санта-Клауса и соответствующая международным стандартам туристская инфраструктура [33].

Следует указать, что геодезическая линия полярного круга достаточно активно используется в туристских целях и другими государствами: Норвегией, Гренландией, США, Россией и др. В качестве примера можно привести предложения туристских компаний Чукотки посетить уникальную точку пересечения Северного полярного круга и 180-го меридиана (по земле проходит только на п-ве Чукотка и на о-вах Фиджи). Согласно международным соглашениям, со 180-го меридиана начинаются новые сутки, но для упрощения линию перемены дат прочертили исключительно по акватории Тихого океана [1]. Интересным представляется новый летний туристский маршрут Ямало-Ненецкого автономного округа к крайней восточной точке Европы — уникальному месту за полярным кругом, где происходит слияние Европы и Азии, презентация которого прошла в августе 2016 года [25].

Практика приграничных регионов Северо-Запада России

Практика успешного создания и развития зарубежных туристских аттракций и дестинаций, основанных на специфике и уникальности географического положения (на линиях, границе) объектов и территорий раскрывает потенциал развития туризма приграничных субъектов Северо-Запада России.

Уникальное геополитическое положение приграничных регионов Северо-Запада России в настоящее время и в исторической ретроспективе обуславливает конкурентное преимущество данных территорий перед другими субъектами округа и государства, учитывая наличие современной и бывших государственных границ, связанных с ними объектов. Например, в Республике Карелия сохранился ряд пограничных камней, обозначающих некогда государственные границы со Швецией, Финляндией, которые в настоящее время используются в туристской практике. Так, популярным объектом туристского показа, включаемого в туристские маршруты, является пограничный камень — редкий экземпляр пограничного знака, обозначающий бывшую государственную границу между СССР и Финляндией (1917—1940), установленный в 1934 году рядом с автодорогой на окраине д. Погранкондуши [15]. Еще один пограничный камень, представляющий собой туристскую достопримечательность, некогда маркировал русско-шведскую границу, проходившую примерно посередине оз. Паанаярви. Он расположен на территории одноименного национального парка — «Паанаярви» [9]. Следует заметить, что национальные парки стремятся подчеркнуть

наличие бывших государственных границ, а также расположение вблизи современных в своих туристских маршрутах. Например, в описании 3 из 11 предлагаемых национальным парком «Паанаярви» маршрутов указывается «на хорошо просматриваемую бывшую русско-финскую государственную границу (1920—1940), в настоящее время представляющую собой широкую просеку» [12].

Один из древнейших пограничных знаков — сохранившийся в Ленинградской области «Крестовый камень» (Ristikivi), обозначавший государственную в 1323 году границу между Швецией и Новгородской Республикой и в 1595 году — между Россией и Швецией [8]. На территории музейно-выставочного комплекса «Сестрорецкий рубеж» представлены пограничные столбы Советско-Финляндской государственной границы начала XX века, установленные в 1910 году на границе с Великим княжеством Финляндским [19]. Длительный период приграничья определил создание и развитие системы фортификационных сооружений, крепостей (Ивангород, Выборг), а также наличие пограничных столбов (например, пограничный столб № 641, Ивангород), представляющих интерес для российских и иностранных туристов. Так, в программах ряда туров группы компаний «Серебряное кольцо» [11] обращается внимание на специфику приграничья и возможность посещения в рамках экскурсии бывших государственных границ.

В кадастровой информации государственного заповедника «Пасвик» (Мурманская область) указывается на наличие на территории ряда объектов, имеющих отношение к функционированию бывшей (остатки старых пограничных сооружений: вышки, столбы, причалы и заставы, расположенные вне территории заповедника) и современной государственной границы (западная граница заповедника совпадает с государственной). В документе говорится, что «необходимо тщательное изучение территории, которая всегда была пограничной» [7]. В Мурманской области (Печенгский район) также находится уникальное место схождения трех государственных границ: России, Финляндии и Норвегии. В июле 2015 года в г. Никель установили новый памятник, посвященный пограничью: российский, финский и норвежский пограничные столбы, символизирующие пересечение трех границ. Прототипом памятника послужил монумент Муоткаваара (1945 год, пограничная зона п. Раякоски), посетить который возможно лишь один раз в год во время проведения международной «Лыжни дружбы» [14]. Другой пример схождения трех государственных границ — Себежский район Псковской области, где на стыке государственных границ РФ, Латвии и Белоруссии установлен нулевой пограничный столб.

Представленная практика использования феномена государственных границ как туристского ресурса раскрывает уникальные возможности приграничных регионов Северо-Запада России. Вместе с тем следует обозначить недостаточную реализацию туристского потенциала границ (бывших и настоящих) в региональном туристском бизнесе. Так, имеющиеся объекты недостаточно активно продвигаются и вклю-

чаются в программу туристского предложения компаний. В большинстве случаев не акцентируется внимание на нахождении, пересечении уникальной точки, границы, тем самым упускается дополнительная возможность усиления attractiveness территории. Но следует помнить, что существуют определенные формальности, определяемые выполняемыми государственными границами функциями, оказывающие сдерживающее влияние на развитие туризма в приграничной полосе. При этом развитие туризма на территории природных парков и заповедников приграничных регионов регламентируется (кроме требований, предъявляемых к посещению и хозяйственной деятельности на ООПТ) требованиями пограничного контроля (например, посещение государственных природных заповедников «Костомукшский» (Республика Карелия), «Пасвик» (Мурманская область)).

Выводы

Существование границы в настоящее время или в прошлом становится важным конкурентным преимуществом территории. Некоторые приграничные населенные пункты и общины используют этот ресурс для создания уникального турпродукта, строят на нем свою рекламную кампанию и продвижение на туристском рынке [2, с. 17]. Специфика географического местоположения объектов (на границе) во многом определяет преимущества и возможности его трансформации в привлекательный туристский объект.

Вместе с тем следует обозначить, что высокий туристско-рекреационный потенциал и выгоды экономико-географического положения не гарантируют приграничным регионам Северо-Запада России положительных социально-экономических эффектов без планирования пространственного развития, использования туристских ресурсов, включая уникальный потенциал границ (бывших и настоящих). В связи с этим ключевое значение приобретает переосмысление и выявление потенциала символизма границ (бывших и настоящих). Полноценное включение феномена границ в практику регионального туризма возможно при условии выявления уникального потенциала территории, обустройства и развития объектов, разработки туристских продуктов на их основе, грамотной маркетинговой политики.

Необходимо подчеркнуть, что в международной практике продвижение символизма государственных границ (бывших и настоящих) и связанных с ними объектов, а также создание туристских аттракций и дестинаций на их основе представляются целенаправленной работой, объединяющей усилия власти, бизнеса и местного сообщества. Поэтому требуется формирование круга заинтересованных лиц и их активное включение в проектирование развития и продвижения потенциала феномена границ с целью повышения эффективности функционирования регионального туристского бизнеса.

В качестве рекомендуемых мер по усилению включения использования туристского ресурса границ в практику регионального туристского бизнеса можно указать следующие:

- формирование реестра объектов приграничья и границ, возможных для посещения индивидуально или в составе туристских групп, включая описание символизма границ (бывших и настоящих).
- информационное сопровождение и продвижение уникального потенциала границ и связанных с приграничьем и границами объектов, включая разработку придорожных указателей, информационных щитов, тематических путеводителей;
- обустройство уникальных объектов и территорий;
- разработка туристских маршрутов и туристских продуктов, включающих посещение объектов приграничья и границ (бывших и настоящих) самостоятельно и / или в составе туристских групп;
- разработка стратегии трансформации уникальных объектов, связанных с тематикой приграничья и границы, в туристскую аттракцию;
- создание событий, музеев, объектов по тематике приграничья и границы на основе использования международного опыта.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания №АААА-А16-116011900255-1 от 19.01.2016 года по теме «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием».

Список литературы

1. *180 меридиан* URL: <http://www.visitchukotka.com/180thmeridian.php> (дата обращения: 17.07.2016).
2. *Александрова А. Ю.* Политико-административные границы: от барьера к туристскому ресурсу // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2012. №3. С. 15—20.
3. *Александрова А. Ю., Ступина О. Г.* Туристское регионоведение: влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М., 2014. С. 176.
4. *Великая Китайская стена.* URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4734325/post370589423/> (дата обращения: 24.06.2016).
5. *Города Германии.* Путеводитель. Берлин. Достопримечательности: тропа вдоль Берлинской стены. URL: http://www.lgroutes.com/old-towns/Berlin/Berliner_Mauerweg.html (дата обращения: 24.06.2016).
6. *Обелиски «Европа-Азия».* URL: <http://ural-n.ru/p/obeliski-evropa-asia.html> (дата обращения: 24.06.2016).
7. *Кадастровая информация о ФГБУ «Государственный заповедник «Пасвик» (за период 2009—2012 гг.).* Раякоски, 2013. С. 32.
8. *Крестовый камень.* URL: http://tonkosti.ru/%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8C (дата обращения: 24.06.2016).
9. *Особо охраняемые природные территории.* URL: <http://www.gov.karelia.ru/Info/tourism/terr.html> (дата обращения: 24.06.2016).

10. *Отель* Арбез — наполовину в Швейцарии, наполовину во Франции. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/5241644/post277225688> (дата обращения: 24.06.2016).
11. *Официальный* сайт группы компаний «Серебряное кольцо». URL: <http://www.silver-ring.ru/> (дата обращения: 07.06.2016).
12. *Официальный* сайт национального парка «Паанаярви». URL: <http://raanajarvi-park.com/peshij-marshrut-astervayarvskaya-prirodnaya-tropa/> (дата обращения: 17.07.2016).
13. *Официальный* сайт Центрального пограничного музея ФСБ России. URL: <http://www.museum.ru/M433> (дата обращения: 07.06.2016).
14. *Пересечение* трех границ. В Никеле открылся уникальный памятник. URL: <http://murman.tv/news/17237-peresechenie-treh-granic-v-nikele-otkrylsya-unikalnyu-ramyatnik.html> (дата обращения: 24.06.2016).
15. *Пограничный* камень. URL: <http://www.ticrk.ru/regions/region/settlement/sights/sight/?CID=7514&PID=8098&ID=17052> (дата обращения: 24.06.2016).
16. *Поселок* Барле: одной ногой в Бельгии, другой — в Нидерландах. URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/071112/17354/> (дата обращения: 24.06.2016).
17. *Самые* захватывающие церемонии смены караула в мире. URL: <http://www.skyscanner.ru/news/samye-zakhvatyvayushchie-tseremonii-smeny-karaula-v-mire> (дата обращения: 24.06.2016).
18. *Середина* Земли: Экватор в Эквадоре, или обман века. URL: <http://niklenburg.com/seredina-zemli-ekvator-v-ekvadore-ili-obman-veka/#ixzz47fqk1EuM> (дата обращения: 24.06.2016).
19. *Сестрорецкий* рубеж Советско-Финляндской границы. URL: <http://zielenski.narod.ru/photoalbum3-3-4.html> (дата обращения: 24.06.2016).
20. *Степанова С. В.* Приграничный туризм на Северо-Западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 132—144.
21. *Степанова С. В., Шишкин А. И.* Формирование выездного и въездного туристических потоков в условиях трансформации социально-экономического пространства России на рубеже XX—XXI вв. // Экономика и управление. 2013. №6 (92). С. 24—29.
22. *Ступина О. Г.* Туризм и государственные границы // Псковский региональный журнал. 2010. №10. С. 100—106.
23. *Точка* трех стран, или где сходятся границы. URL: <http://elligo.ru/niderlandi-v-kartinkah/granici-stran.html> (дата обращения: 17.07.2016).
24. *Туристический* маршрут «Остров двух рек». URL: <http://fuyuan.ru/3204/> (дата обращения: 24.06.2016).
25. *Туристы* на Ямале в этом году впервые смогут увидеть крайнюю восточную точку Европы. URL: <http://special.tass.ru/ural-news/2670810> (дата обращения: 24.06.2016).
26. *Удивительные* границы Европы — Австрия, Венгрия, Словакия. URL: <http://www.rutraveller.ru/note/3356> (дата обращения: 24.06.2016).
27. *Хуньчунь*: три границы и парк песка! Каждую субботу! URL: <http://www.vl.ru/tour/view/2852/> (дата обращения: 17.07.2016).
28. *An International Zip Line Between Spain And Portugal.* URL: <http://www.amusingplanet.com/2014/05/an-international-zip-line-between-spain.html> (дата обращения: 17.07.2016).
29. *Four Corners marker 21/2 miles off? Too late.* URL: <http://www.deseretnews.com/article/705298412/Four-Corners-marker-21-2-miles-off-Too-late.html?pg=all> (дата обращения: 24.06.2016).

30. *Gelbman A., Timothy D.J.* From hostile boundaries to tourist attractions // Current issues in tourism. 2010. Vol. 13, № 3. P. 239—259.
31. *Kosonen M., Pohjonen J.* Isänmaan portinvartijat. Suomen rajojen vartiointi 1918—1994. Otava ; Helsinki, 1994. P. 451.
32. *Löytynoja T.* National Boundaries and Place-making in Tourism: Staging the Finnish-Russian Border // Nordia Geographical Publications. 2007. Vol. 36, № 4. P. 35—45.
33. *Löytynoja T.* The development of specific locations into tourist attractions: cases from Northern Europe // Fennia. 2008. Vol. 186. № 1. P. 15—29.
34. *Matznetter J.* Border and tourism: Fundamental relations // Tourism and borders : proceedings of the meeting of the IGU Working Group: Geography of Tourism and Recreation / eds. G. Gruber, H. Lamping [et al.]. Frankfurt a/Main, 1979. P. 61—73.
35. *Mexican town that offers tourists experience of simulated border crossing.* URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/centralamericaandthecaribbean/mexico/11536218/Mexican-town-that-offers-tourists-experience-of-simulated-border-crossing.html> (дата обращения: 17.07.2016).
36. *Panmunjom, The Only Place Where Tourists Can Get Shot.* URL: <http://www.amusingplanet.com/2013/01/panmunjom-only-place-where-tourists-can.html> (дата обращения: 17.07.2016).
37. *Timothy D.J.* Political boundaries and tourism: border as tourist attractions // Tourism management. 1995. Vol. 16, № 7. P. 525—532.
38. *Timothy D.J., Guia J., Berthet N.* Tourism as a catalyst for changing boundaries and territorial sovereignty at an international border // Current issues in tourism. 2014. Vol. 17, № 1. P. 21—27.
39. *Where Three Countries Meet: Famous Tripoints Around the World* URL: <http://twistedstifter.com/2012/05/famous-tripoints-around-the-world/> (дата обращения: 17.07.2016).
40. *Więckowski M.* Tourism development in the borderlands of Poland // Geographia Polonica. 2010. Vol. 83, № 2. P. 67—81.

Об авторе

Светлана Викторовна Степанова, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

Для цитирования:

Степанова С.В. Туристский ресурс границ: потенциал приграничных регионов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 105—121. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-6.

RUSSIA'S NORTH-WEST BORDERS: TOURISM RESOURCE POTENTIAL

S. V. Stepanova¹

¹ *Institute of Economics, Karelian Research Centre of the
Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo pr., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030 Russia*

Submitted on August 26, 2016

Being an area of development of Russia's northwest border regions, tourism requires the extending of border regions' appeal. A unique resource of the north-western border regions are the current and historical state borders and border facilities. Successful international experience of creating and developing tourist attractions and destinations using the unique geographical position of sites and territories may help to unlock the potential of Russia's north-western border regions. This article interprets the tourism resource of borders — which often remains overlooked and unfulfilled — as an opportunity for tourism and recreation development in the border regions of Russia's North-West. The author summarises international practices of using the potential of state borders as a resource and analyses the creation of tourist attractions and destinations in the Nordic countries. The article explores the degree the state border potential is developed as a tourism resource in Russia's North-West. The author analyses opportunities and gives recommendations for a better use of this potential by the tourist industry to increase the contribution of tourism to regional economies.

Key words: tourism development, border, tourist resource, tourist destination, border regions, Northwestern Federal district

References

1. 180 meridian, 2016, *Office of Sport and Tourism of the Department of Education, Culture and Sport of the Chukotka Autonomous Okrug*, available at: <http://www.visitchukotka.com/180thmeridian.php> (accessed 17.07.2016). (in Russ.)
2. Aleksandrova, A. Yu. 2012, Political-administrative boundaries: from being a barrier to becoming a tourist resource, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geographia* [Bulletin of Moscow University, Ser. 5. Geography], no. 3. p. 15—20. (in Russ.)
3. Aleksandrova, A. Yu., Stupina O.S. 2014, *Turistskoe regionovedenie: Vliyanie regionalnoy integracii na mirovoy turistskiy rynek* [Tourist regional studies: the impact of regional integration on the world tourist market], Moscow, p. 176. (in Russ.)
4. Great wall of Chine, 2015, *Nauka i tekhnika*, available at: <https://vseonauke.com/694943385069554132/velikaya-kitajskaya-stena/> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)
5. Towns of Germany. Berlin guidebook. Tour along the Berlin wall, *Vse o Germanii — lgroutes.com*, available at: http://www.lgroutes.com/old-towns/Berlin/Berliner_Mauerweg.html (accessed 24.06.2016). (in Russ.)
6. Instruction of obelisk “Europe-Asia”, 2016, *Uralnash — Interesno o Ekaterinburge*, available at: <http://ural-n.ru/p/obeliski-evropa-asia.html> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

7. *Kadastrpovaya informaciya o FGBU "Gosudarstvennyy zapovednik "Pasvik" (za period 2009—2012)* [Cadastral information FGBU "State reserve" Pasvik" (during 2009—2012)], 2013, Rayakoski, p. 32. (in Russ.)

8. Cross stone, 2016, *Tonkosti turizma* [Subtlety of tourism], available at: <http://tonkosti.ru/%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8C> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

9. Protected areas, 2016, *The official internet portal of the Republic of Karelia*, available at: <http://www.gov.karelia.ru/Info/tourism/terr.html> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

10. Hotel Arbez — located half in Switzerland and half in France, 2013, *LiveInternet*, available at: <http://www.liveinternet.ru/community/5241644/post277225688> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

11. The official website of the group companies "Serebryanoe kolco" ["Silver Ring"], 2016, available at: <http://www.silver-ring.ru/> (accessed 07.06.2016). (in Russ.)

12. The official website of the national Park "Paanajarvi", 2016, available at: <http://paanajarvi-park.com/peshij-marshrut-astervayarvskaya-prirodnaya-tropa/> (accessed 17.07.2016). (in Russ.)

13. The official website of the Central Border Museum of the Russian Federal Security Service, 2016, available at: <http://www.museum.ru/M433> (accessed 07.06.2016). (in Russ.)

14. The intersection of three borders. Nickel opened in the unique monument, 2016, available at: <http://murman.tv/news/17237-peresechenie-treh-granic-v-nikeleotkrylsya-unikalnyy-pamyatnik.html> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

15. Border stone, 2016, *Karelia. Tourist portal*, available at: <http://www.tierk.ru/regions/region/settlement/sights/sight/?CID=7514&PID=8098&ID=17052> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

16. Baarle village located in Belgium and in Nederland's, 2016, available at: <http://www.kulturologia.ru/blogs/071112/17354/> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

17. The most spectacular changing of the guard ceremony in the world, 2016, available at: <http://www.skyscanner.ru/news/samye-zakhvatyvayushchie-tseremonii-smeny-karaula-v-mire> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

18. Middle Earth: Equator in Ecuador or fraud of the century, 2015, *Niklenburg Journal*, available at: <http://niklenburg.com/seredina-zemli-ekvator-v-ekvadore-ili-obman-veka/#ixzz47fqk1EyM> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

19. Sestroretsky borders of the Soviet-Finnish border, 2016, available at: <http://zielenski.narod.ru/photoalbum3-3-4.html> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

20. Stepanova, S. V. 2014, Cross-border tourism in the Russian Northwest: general trends and features of development, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 3, p. 109—121 DOI: 10.5922/2074-9848-2014-3-10.

21. Stepanova, S. V., Shishkin, A. I. 2013, Formation of outbound and inbound tourist flows in the transformation of the socioeconomic space of the Russian state at the turn of XX—XXI centuries, *Economika i upravlenie* [Economics and Management], no. 6 (92), p. 24—29. (in Russ.)

22. Stupina, O. G. 2010, Tourism and Border, *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov regional journal], no 10, p. 100—106. (in Russ.)

23. The point of the three countries, or where the borders. 2016, *Netherlands in pictures*, available at: <http://elligo.ru/niderlandi-v-kartinkah/granici-stran.html> (accessed 17.07.2016). (in Russ.)

24. The tourist route "The Island of the two rivers", 2016, *Fuyuan City, People's Republic of China*, available at: <http://fuyuan.ru/3204/> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)

25. Tourists in Yamal this year for the first time will be able to see the edge nyuyu-eastern point of Europe, 2016, Informationsnoe agentstvo Rossii TASS, February 16th, available at: <http://special.tass.ru/ural-news/2670810> (accessed 24.06.2016). (in Russ.)
26. Amazing borders of Europe — Austria, Hungary, Slovakia, 2016, available at: <http://www.rutraveller.ru/note/3356> (accessed 24.06.2016).
27. Hunchun three boundaries and a park of sand! Every Saturday! 2016, available at: <http://www.vl.ru/tour/view/2852/> (accessed 17.07.2016). (in Russ.)
28. An International Zip Line Between Spain And Portugal, 2016, available at: <http://www.amusingplanet.com/2014/05/an-international-zip-line-between-spain.html> (accessed 17.07.2016).
29. Four Corners marker 21/2 miles off? Too late. available at: <http://www.deseretnews.com/article/705298412/Four-Corners-marker-212-miles-off-Too-late.html?pg=all> (accessed: 24.06.2016).
30. Gelbman, A., Timothy, D.J. 2010, From hostile boundaries to tourist attractions, *Current issues in tourism*, Vol. 13, no. 3, p. 239—259.
31. Kosonen, M., Pohjonen, J. 1994, *Isänmaan portinvartijat. Suomen rajojen vartiointi 1918—1994*, Otava, Helsinki, p. 451.
32. Löytynoja, T. 2007, National Boundaries and Place-making in Tourism: Staging the Finnish-Russian Border, *Nordia Geographical Publications*, Vol. 36, no. 4, p. 35—45.
33. Löytynoja, T. 2008, *The development of specific locations into tourist attractions: cases from Northern Europe*, Helsinki. Vol. 186, no. 1, p. 15—29.
34. Matznetter, J. 1979, Border and tourism: Fundamental relations. In: Gruber, G., Lamping, H. et al (eds.). *Tourism and borders: proceedings of the meeting of the IGU Working Group: Geography of Tourism and Recreation*, Frankfurt/Main, p. 61—73.
35. Mexican town that offers tourists experience of simulated border crossing, 2016, available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/centralamericaandthecaribbean/mexico/11536218/Mexican-town-that-offers-tourists-experience-of-simulated-border-crossing.html> (accessed 17.07.2016).
36. Panmunjom, The Only Place Where Tourists Can Get Shot, 2016, available at: <http://www.amusingplanet.com/2013/01/panmunjom-only-place-where-tourists-can.html> (accessed 17.07.2016).
37. Timothy, D.J. 1995, Political boundaries and tourism: border as tourist attractions, *Tourism management*, Vol. 16, no. 7, p. 525—532.
38. Timothy, D.J., Guia, J., Berthet N. 2014, Tourism as a catalyst for changing boundaries and territorial sovereignty at an international border, *Current issues in tourism*, Vol. 17, no. 1, p. 21—27.
39. Where Three Countries Meet: Famous Tripoints Around the World, 2016, available at: <http://twistedstifter.com/2012/05/famous-tripoints-around-the-world/> (accessed 17.07.2016).
40. Więckowski, M. 2010, Tourism development in the borderlands of Poland, *Geographia Polonica*, Vol. 83, no. 2, p. 67—81.

The author

Dr Svetlana V. Stepanova, Research Fellow, Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Petrozavodsk, Russia

E-mail: svkorka@mail.ru

To cite this article:

Stepanova, S. V. 2017, Russia's North-West Borders: Tourism Resource Potential, Balt. reg., Vol. 9, no. 2, p. 105—121. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-6.

СТРАНЫ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА
В ГЛОБАЛЬНОМ
КУЛИНАРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

А. Б. Рахманов¹

Глобализация создает глобальное кулинарное пространство, в котором взаимодействуют и конкурируют кулинарные традиции различных стран мира. Автор ставит себе задачей исследование особенностей кулинарного пространства девяти стран Балтийского региона. Эмпирической основой выступает статистика количества ресторанов различных национальных кухонь в основных городах региона. В балтийском кулинарном пространстве присутствуют ведущие мировые кухни (итальянская, японская, китайская и т.д.) и национальные кухни стран региона. Ведущие мировые кухни оказываются более влиятельными, чем местные.

Ряд стран Балтийского региона (Россия, Польша, Швеция, Латвия, Дания) обладают кулинарным суверенитетом, поскольку их население предпочитает национальную кухню. Вместе с тем население некоторых стран региона (Финляндии, Эстонии, Литвы) ориентировано главным образом не на свою кухню, а на ведущие мировые — итальянскую, японскую и американскую. Нестолличные балтийские города Польши и Германии, а также Санкт-Петербург обнаруживают больший уровень кулинарного патриотизма, чем столицы соответствующих государств. Предпринимается попытка объяснить особенности кулинарного пространства стран Балтийского региона. Рассматриваются природные и социально-исторические факторы как ключевые детерминанты кулинарии этих стран.

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 27.02.2017г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-7

© Рахманов А. Б., 2017

Ключевые слова: глобальное кулинарное пространство, кулинарные державы, кулинарный суверенитет, кулинарный национализм, кулинарный космополитизм, Балтийский регион, Россия, Германия

Глобальное кулинарное пространство и иерархия кулинарных держав

Глобализация, то есть становление глобального общества, охватывает все сферы общественной жизни, в том числе и такую специфическую, как кулинария. Кулинария — это деятельность по приготовлению пищи, готовой к непосредственному потреблению человеком и вместе с тем специфическая отрасль производства. Она основана на взаимодействии, во-первых, средств кулинарного труда, во-вторых, предмета кулинарного труда — сырья (в той или иной степени преобразованные продукты сельского хозяйства, рыбной ловли и охоты, а также пищевой промышленности), в-третьих, человека как работника с его анатомо-физиологической организацией, как носителя кулинарных знаний и навыков, субъекта кулинарной компетентности и активности, в-четвертых, цели кулинарного труда. Взаимодействие этих четырех компонентов, коль скоро оно становится стандартизированным, выступает как кулинарная технология, а последняя в ее обращенности на производство конкретного вида продукции (определенного блюда) — как кулинарный рецепт.

В эпоху глобализации происходит взаимодействие кулинарных достижений и традиций разных народов мира, что приводит к возникновению глобальной кулинарии. Она основана на формирующемся глобальном разделении труда: в производстве каждого блюда участвуют средства труда, технологии, сырье и работники из разных стран мира. Становлению глобальной кулинарии способствуют и массовые миграции населения. Например, иммиграция итальянцев, китайцев, японцев и мексиканцев привели к импорту соответствующих кулинарных традиций в США.

Каждая национальная кухня продолжает развиваться в единстве противоречия старого и нового: с одной стороны, воспроизводятся традиционные блюда, с другой — возникают новые, благодаря, во-первых, развитию технологий и квалификации работников, во-вторых, заимствованиям из других кухонь. Страны, породившие национальные кухни, функционируют в эпоху глобализации как территории производства наиболее совершенных кулинарных образцов, как хранители эталонов вкуса, но они уже не являются монополистами данной продукции, которая с успехом производится вне страны. Скажем, пиццы или суши ныне производится и съедается за пределами Италии и Японии соответственно, вероятно, больше, чем на родине этих блюд.

Способом организации глобальной кулинарии служит глобальное кулинарное пространство — пространство, в котором в каждой его локальности сосуществуют, конкурируют, взаимодействуют, влияют друг на друга национальные кухни из различных стран мира. Для глобального кулинарного пространства, с нашей точки зрения, характерны такие атрибуты, как сжатие, детерриториализация и рефлексивность процессов, которые были отмечены Р. Робертсоном [28], М. Уотерсом [31]

в качестве отличительных черт становящегося глобального общества. Глобализация приводит к тому, что государства соперничают друг с другом не только в области экономики, военно-политической мощи, культуры, но и в сфере кулинарии. В той мере, в какой данная страна обладает своеобразной национальной кухней, мы можем квалифицировать ее как кулинарную державу. В связи с разной степенью популярности и влиятельности разных национальных кухонь в глобальном кулинарном пространстве мы можем говорить о кулинарных державах разного ранга.

Нами было предпринято исследование глобального кулинарного пространства, которое ставило себе целью выяснение степени влиятельности национальных кухонь различных стран мира [5]. О ней мы судили по количеству ресторанов этих кухонь в ведущих городах соответствующих стран. Чаще всего это столицы, но иногда ведущими городами выступают наиболее крупные и влиятельные, являющиеся экономическими и культурными центрами своих стран (Нью-Йорк, Стамбул и т. д.). Разумеется, суждение о влиятельности национальных кухонь только по количеству ресторанов соответствующей направленности, то есть предприятий общественного питания, — определенное упрощение, поскольку люди едят и дома, и на работе, и на улице. Но все же, как представляется, это упрощение является вполне оправданным и необходимым, поскольку существует соответствие между едой ресторанов, с одной стороны, и едой дома, на работе и на улице, с другой.

Ресторанная пища часто выступает как эталон (с соответствующими модификациями) для домашнего и уличного питания, а домашняя и уличная — профанным вариантом ресторанной пищи, и в этом смысле существует корреляция между меню ресторанов и тем, что находится на обеденных столах. К тому же мы не располагаем методами эмпирического исследования особенностей домашнего и уличного питания. Кроме этого, некоторым упрощением является и отождествление кулинарных и гастрономических ориентаций наиболее важного города страны и страны в целом. Но в этом случае речь идет об упрощении, вполне приемлемом в процессе познания, поскольку пищевые предпочтения наиболее важных городов довольно близки вкусам соответствующих стран в целом.

Для получения информации о количестве ресторанов различных национальных кухонь мы использовали эмпирические данные самого крупного в мире сайта о путешествиях — американского сайта TripAdvisor.com (русскоязычная версия — TripAdvisor.ru) [7]. Он содержит информацию примерно о 5 млн гостиниц, ресторанов и достопримечательностей практически всех стран мира.

Наше исследование касалось статистики ресторанов различных национальных кухонь 50 наиболее глобальных городов мира в соответствии с самым авторитетным индексом глобальных городов — рейтингом Кёни, разрабатываемым американской консалтинговой фирмой А. Т. Kearney. Были выделены 23 наиболее популярные (влиятельные) в глобальном кулинарном пространстве национальные кухни. К ним от-

носятся (в порядке убывания влияния): итальянская, японская, китайская, французская, американская, индийская, испанская, тайская, мексиканская, корейская, вьетнамская, греческая, турецкая, британская, немецкая, ливанская, аргентинская, русская, бразильская, ирландская, марокканская, индонезийская, малазийская кухни.

В соответствии со степенью влияния национальных кухонь в мире мы выделили кулинарные сверхдержавы (Италия, Япония, Китай), великие (США и Франция), средние (Индия, Испания, Таиланд, Мексика, Корея), малые (Вьетнам, Греция, Турция, Великобритания, Германия, Ливан, Аргентина) и сверхмалые (Россия, Бразилия, Ирландия, Марокко, Индонезия, Малайзия и др.) кулинарные державы. К группе сверхмалых кулинарных держав следует отнести, помимо названных, большинство стран мира. Наши лонгитюдные исследования глобального кулинарного пространства говорят об устойчивости выделенной иерархии кулинарных держав. Однако со временем возможны ее трансформация в соответствии с изменением влияния. Например, с ростом влияния Китая и интереса к нему во всем мире эта страна может стать первой кулинарной сверхдержавой планеты, оттеснив Италию и Японию на вторую и третью позиции соответственно. Но едва ли это случится в скором будущем. В ближайшей перспективе, на наш взгляд, не стоит ожидать серьезных изменений в существующей иерархии.

Кулинарное пространство Балтийского региона

Задачей настоящей статьи является эмпирическое исследование кулинарного пространства Балтийского региона как составной части глобального кулинарного пространства. Необходимо выяснить, как конкурируют в регионе ведущие мировые и местные национальные кухни, как в пространстве Балтийского моря сплетаются импульсы различных кулинарий. При этом мы будем следовать нашему методу, предполагающему оценку влияния национальных кухонь на основе данных сайта TripAdvisor.ru о количестве ресторанов различных национальных кухонь в ведущих городах Балтийского региона.

К Балтийскому региону относятся Россия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Дания и Швеция. О популярности различных национальных кухонь в этих странах мы будем судить по ситуации в наиболее важных городах. В случае Балтийского региона таковыми являются столицы: Москва, Хельсинки, Таллин, Рига, Вильнюс, Варшава, Берлин, Копенгаген и Стокгольм. Кроме того, для более точного анализа рассмотрим популярность различных национальных кухонь в крупных нестоличных городах региона (с населением свыше 200 тыс. жителей), непосредственно расположенных на морском побережье: Санкт-Петербурге, Калининграде, Гданьске, Щецине, Ростоке, Любеке и Киле.

Все названные города обладают разным рангом глобальности, то есть разным весом в глобальном обществе. Самый авторитетный ин-

декс глобальных городов — рейтинг Кёни, который разрабатывается американской консалтинговой фирмой A. T. Kearney. Согласно этому рейтингу за 2016, выделившему 125 самых глобальных городов мира, наибольшим рангом глобальности из всех столиц и крупных городов стран Балтийского региона обладал Берлин, находившийся на 16-м месте. Москва удостоилась 18-го места, Стокгольм — 32-го, Копенгаген — 42-го, Варшава — 55-го, Санкт-Петербург — 68-го. Другие названные нами выше города Балтийского региона в данный список не вошли. Чем более глобален город, тем большую роль он играет в условиях глобализации, тем больше он включен в глобальные коммуникации самого разного рода, и их вес более значителен в глобальном кулинарном пространстве, и тем большее количество кухонь со всего мира присутствуют в данном городе.

Для исследования кулинарного пространства стран Балтийского региона возьмем 20 наиболее влиятельных в глобальном кулинарном пространстве национальных кухонь: итальянскую, японскую, китайскую, французскую, американскую, индийскую, испанскую, тайскую, мексиканскую, корейскую, вьетнамскую, греческую, турецкую, британскую, немецкую, ливанскую, аргентинскую, русскую, бразильскую и ирландскую. К данному списку мы добавим перечень национальных кухонь тех стран Балтийского региона, что не вошли в него — польскую, шведскую, датскую, латышскую. Сайт TripAdvisor.ru не выделяет рестораны финской, литовской, эстонской кухонь, поэтому они останутся вне пределов нашего внимания. Таким образом, мы получим список из 24 национальных кухонь. Опираясь на данные сайта TripAdvisor.ru, подсчитаем количество ресторанов каждой из 24 национальных кухонь в каждой из 9 столиц Балтийского региона (прил. 1) и совокупное количество ресторанов всех этих кухонь в них же (табл. 1).

Таблица 1

**Совокупное количество ресторанов 24 национальных кухонь
в 9 столицах стран Балтийского региона по состоянию на 24.01.2017***

Национальная кухня	Количество ресторанов данной кухни в 9 столицах стран Балтийского региона, шт.
Итальянская	3014
Русская	1850
Японская	1600
Американская	1088
Немецкая	977
Китайская	642
Французская	702
Шведская	489
Тайская	471

Окончание табл. 1

Национальная кухня	Количество ресторанов данной кухни в 9 столицах стран Балтийского региона, шт.
Датская	465
Польская	439
Индийская	426
Испанская	395
Вьетнамская	382
Мексиканская	306
Турецкая	263
Греческая	211
Латышская	144
Корейская	134
Ливанская	126
Британская	104
Ирландская	60
Аргентинская	56
Бразильская	23

* Посчитано автором по: [7].

Мы видим, что в кулинарном пространстве Балтики в целом доминируют ведущие кухни мира (итальянская, японская, американская, китайская, французская), заметные позиции занимают наиболее влиятельные кухни стран региона (русская, немецкая, шведская). Самой популярной кухней в Балтийском регионе, как и в мире в целом, является итальянская. Италия и на берегах Балтийского моря подтверждает свой статус первой кулинарной сверхдержавы планеты. В отличие от глобального кулинарного пространства в целом в Балтийском регионе американская кухня оказывается более популярной, чем китайская и французская. Очень распространенная во всем мире китайская кухня занимает в странах Балтийского моря относительно скромное положение (это, кстати, характерно и для России в целом). Подчеркнем, что заметные позиции местных национальных кухонь в Балтийском регионе достигнуты только за счет влиятельности этих кухонь в «своих» странах, они популярны в первую очередь на родине.

Рассмотрим позиции национальных кухонь в каждой из девяти стран Балтийского региона более детально, выявив пятерки самых популярных кухонь в каждой из этих стран (табл. 2). Позиции различных кухонь мы устанавливаем по доле ресторанов соответствующей кулинарной направленности от общего количества ресторанов отобранных нами 24 национальных кухонь.

Таблица 2

**Пять самых популярных кухонь в 9 странах Балтийского региона
по состоянию на 24.01.2017***

Страна	1-е место (доля, %)	2-е место (доля, %)	3-е место (доля, %)	4-е место (доля, %)	5-е место (доля, %)
Россия (Москва)	Русская (30,94)	Итальянская (22,39)	Японская (17,72)	Американская (9,33)	Французская (3,69)
Германия (Берлин)	Немецкая (24,05)	Итальянская (923,74)	Вьетнамская (7,04)	Французская (4,74)	Американская (4,71)
Польша (Варшава)	Польская (35,83)	Итальянская (21,19)	Японская (8,77)	Американская (5,53)	Французская (4,17)
Финляндия (Хельсинки)	Итальянская (19,82)	Японская (12,53)	Китайская (11,39)	Американская (9,79)	Тайская (7,52)
Латвия (Рига)	Латышская (36,76)	Итальянская (18,65)	Американская (7,57)	Японская (6,49)	Французская (5,95)
Эстония (Таллин)	Итальянская (19,57)	Японская (12,81)	Французская (10,32)	Американская (9,96)	Русская (9,61)
Литва (Вильнюс)	Итальянская (22,86)	Американская (14,29)	Французская (13,06)	Японская (10,2)	Китайская (9,39)
Дания (Копенгаген)	Датская (35,45)	Итальянская (16,41)	Американская (8,05)	Французская (7,82)	Японская (6,32)
Швеция (Стокгольм)	Шведская (34,17)	Итальянская (13,32)	Японская (7,59)	Американская (6,45)	Китайская (5,87)

* Посчитано автором по: [7].

Таблица 2 уточняет наше представление о конкуренции различных национальных кухонь в кулинарном пространстве Балтийского региона. Итальянская кухня располагает тремя первыми и шестью вторыми позициями, японская — двумя вторыми, тремя третьими, двумя четвертыми и одной пятой, американская кухня — одной второй, двумя третьими, пятью четвертыми и одной пятой, французская — двумя третьими, двумя четвертыми и тремя пятыми. Русская кухня обладает всего лишь одной первой и одной пятой позициями, немецкая — только одной первой. Итальянская, японская и американская кухни по числу завоеванных лидирующих позиций в странах Балтийского региона превосходят прочие кулинарные системы.

Русская и немецкая кухни влиятельны в своих странах, русская — еще и в Эстонии, стране, где проживает крупная русская община. Серьезным влиянием в странах Балтийского региона, помимо материнских для этих кухонь стран, они практически не обладают и не могут конкурировать с ведущими мировыми кухнями — итальянской, японской, американской, французской и т. д. В Финляндии, Эстонии и Литве позиции кухонь данных стран настолько слабы, что они уступают иностранным кухням, о чем говорит то, что рестораны этих кухонь даже не были выделены сайтом TripAdvisor.ru в отдельную категорию учета.

Структура кулинарных пристрастий каждой из стран обладает своими нюансами. Например, в Германии на третью позицию прорывается

экзотическая для Европы вьетнамская кухня, опережая французскую и американскую, а в Хельсинки на пятое место поднимается не менее экзотическая тайская кухня. Логично предположить, что заметные позиции вьетнамской кухни в Берлине коренятся еще в сотрудничестве ГДР и Вьетнама в эпоху социалистического содружества. В дополнение к сказанному выясним влияние национальных кухонь стран Балтийского региона и внутри региона в целом, и в регионе за пределами материнских стран этих кухонь (табл. 3).

Таблица 3

Национальные кухни балтийских стран в кулинарном пространстве Балтийского региона по состоянию на 24.01.2017*

Национальная кухня	Количество ресторанов кухни в 9 городах, шт.	Количество ресторанов кухни в столицах 8 стран, помимо материнской для данной кухни страны, шт.	Доля ресторанов кухни в столицах 8 стран, помимо материнской для данной кухни страны, %
Русская	1850	90	4,86
Немецкая	977	140	14,33
Шведская	489	12	2,45
Датская	465	7	1,51
Польская	439	18	4,1
Латышская	144	8	5,56

* Посчитано автором по: [7].

Как видим, из всех национальных кухонь стран Балтийского моря некоторое общерегиональное значение имеет только немецкая, поскольку она пользуется определенным умеренным влиянием за границами Германии. Русская, шведская, датская, польская и латышская кухни, не говоря уже о финской, эстонской и литовской, за пределами своих стран сколько-нибудь заметным влиянием почти не пользуются. Это вполне согласуется с тем, что в глобальном кулинарном пространстве Германия выступает как малая кулинарная держава, а Россия, Польша и другие балтийские страны — как сверхмалые.

Государства при сотрудничестве и в рамках конкуренции в эпоху глобализации опираются не только на свою экономическую и военно-политическую мощь, но и на то, что американский политолог Дж. Най назвал «мягкой силой» (soft power), относя к ней культуру, образ жизни, язык и т. д. С нашей точки зрения, концепцию «мягкой силы» следует считать парафразом концепции легитимного господства М. Вебера и концепции гегемонии А. Грамши, спроецированной на формирующееся глобальное общество. Кулинарная мощь — важный компонент «мягкой силы». Она существенно увеличивает «мягкую силу» Италии, Японии, Китая, США, Франции и ряда других стран. Ни Россия, ни Германия, не говоря уже о других странах Балтийского региона, не

располагают сколько-нибудь значительной кулинарной «мягкой силой». К сожалению, на примере Балтийского региона мы должны еще раз признать, что блюда русской кухни, какими бы замечательными они ни были по своим гастрономическим качествам, не способствуют в серьезной мере приращению «мягкой силы» России.

Кулинарный суверенитет стран Балтийского региона

Важной характеристикой позиционирования любой страны в глобальном кулинарном пространстве является кулинарный суверенитет. Под кулинарным суверенитетом страны мы подразумеваем степень ориентации ее населения на блюда ее национальной кухни. Эту величину можно определить довольно строго и конкретно, а именно как отношение ресторанов национальной кухни к общему количеству ресторанов отобранных нами национальных кухонь в ведущих городах данной страны. В ходе наших исследований были выделены четыре группы стран с различной степенью кулинарного суверенитета: 1) страны с полным кулинарным суверенитетом; 2) страны с ограниченным кулинарным суверенитетом; 3) кулинарные полукolonии; 4) кулинарные колонии [5].

Страна обладает полным кулинарным суверенитетом в том случае, если национальная кухня в ее кулинарном пространстве абсолютно доминирует, превосходя по популярности кухни всех других стран, вместе взятые. В этом случае более 50% ресторанов в ведущих городах страны представляют ее национальную кухню. Жителей данной страны следует квалифицировать как радикальных кулинарных патриотов (националистов). Как показало наше исследование, это случай Турции, Китая, Италии, Греции, Южной Кореи, Испании, Японии, Венгрии, Франции.

Страна обладает ограниченным кулинарным суверенитетом в том случае, если национальная кухня в ее кулинарном пространстве относительно доминирует над кухнями любых других стран, но при этом кухни всех других стран совокупно по популярности превосходят данную национальную кухню. В этом случае рестораны национальной кухни составляют менее 50% и более 30% от общего количества ресторанов в ведущих городах страны. Ограниченным кулинарным суверенитетом обладают, например, Австрия, Индонезия, Таиланд, Ливан, Польша. Жителей этих стран следует охарактеризовать как умеренных кулинарных националистов.

Страна является кулинарной полукolonией, если национальная кухня на ее территории более популярна, чем кухня любой другой страны, но при этом преобладание незначительно. В данном случае количество ресторанов национальной кухни данной страны меньше, чем 30%, но больше количества ресторанов любой из иностранных кухонь. Кулинарные полукolonии, согласно нашему исследованию, — например, Великобритания, Нидерланды и Австралия. Жителей кулинарных полукolonий следует охарактеризовать как умеренных кулинарных космополитов.

Страна является кулинарной колонией, то есть не обладает даже малой степенью кулинарного суверенитета, если ее национальная кухня в ее же кулинарном пространстве по популярности уступает кухне другой страны или даже сразу нескольких стран. Яркий пример кулинарной колонии — Канада, в которой итальянская, японская и китайская кухни по отдельности более популярны, чем канадская. Жителей кулинарных колоний следует квалифицировать как радикальных кулинарных космополитов.

После введения понятия кулинарных колоний и полуколоний мы должны говорить и о кулинарных метрополиях. Кулинарная метрополия — это страна, чья национальная кухня доминирует на территории другой страны. Например, кулинарными метрополиями по отношению к Великобритании являются Италия и Индия.

Вычислим степень кулинарного суверенитета девяти стран Балтийского региона на основании полученных выше данных о количестве ресторанов различных национальных кухонь в столицах этих стран (табл. 4). Страны ранжированы по степени убывания кулинарного суверенитета.

Таблица 4

**Кулинарный суверенитет стран Балтийского региона
по состоянию на 24.01.2017***

Страна	Всего ресторанов 24 кухонь, шт.	Ресторанов кухни данной страны, шт.	Ресторанов кухни данной страны, %
Латвия (Рига)	370	136	36,76
Польша (Варшава)	1175	421	35,83
Дания (Копенгаген)	1292	458	35,45
Швеция (Стокгольм)	1396	477	34,17
Россия (Москва)	5689	1760	30,94
Германия (Берлин)	3480	837	24,05
Финляндия (Хельсинки)	439	0	0
Эстония (Таллинн)	281	0	0
Литва (Вильнюс)	245	0	0

* Посчитано автором по: [7].

Как видим, из всех стран Балтийского региона наибольшим кулинарным суверенитетом обладают Латвия, Польша, Дания и Швеция, им немного уступает Россия. Все эти пять стран обладают ограниченным кулинарным суверенитетом, и их жители, согласно нашей классификации, — умеренные кулинарные националисты.

Германия, несмотря на определенную влияние ее кухни за пределами страны, является кулинарной полуколонией, причем в качестве кулинарной метрополии по отношению к ней выступает Италия. Немцев мы должны охарактеризовать как умеренных кулинарных космополитов. Финляндия, Литва, Эстония оказываются ярко выраженными

ми кулинарными колониями, национальные кухни которых теряются на фоне кухонь других стран мира, а их жителей следует рассматривать как радикальных кулинарных космополитов. Кулинарными метрополиями для Финляндии и Эстонии выступают Италия и Япония, для Литвы — Италия и США.

Примечательно, что нестоличные балтийские города Германии и Польши отличаются от столиц большей ориентацией на свои национальные кухни и, следовательно, большим кулинарным национализмом (см.: прил. 2). В Ростке 46,15% от совокупной численности ресторанов 24 национальных кухонь являются немецкими, в Любеке — 38,32%, в Киле — 32,22%. Жители Ростка оказываются почти в два раза большими кулинарными националистами, чем жители Берлина. В Гданьске доля польских ресторанов среди ресторанов 24 кухонь составляет 51,65%, а в Щецине — 40%. Как видим, если брать нестоличные города, то самыми большими кулинарными патриотами являются жители двух польских городов. В Гданьске приверженность местных жителей польской кухне превосходит не только аналогичный показатель варшавян, но и доходит до степени радикального кулинарного национализма.

Ситуация с соотношением кулинарных пристрастий столиц и других городов в Германии, России и Польше разная. Крупные немецкие города (Гамбург, Мюнхен, Кёльн и т. д.) по своим кулинарным ориентациям тяготеют, как показывают наши исследования, к Берлину. В этом случае Берлин — индикатор кулинарного пространства Германии.

То же самое можно сказать и про Россию: кулинарные пристрастия Москвы соответствуют кулинарным ориентациям российских городов-миллионеров и городов с населением от 0,5 до 1 млн человек, взятых в целом [6]. В этом случае столица служит индикатором. Санкт-Петербург выступает как кулинарная девиация: по сравнению с московскими и общероссийскими условиями здесь значительно выше ориентация на русскую кухню. В Санкт-Петербурге доля ресторанов русской кухни среди общего количества ресторанов 24 национальных кухонь равна 45,46%, в Калининграде — 28,77%. Таким образом, для петербуржцев характерен заметно больший кулинарный национализм, чем для москвичей.

Калининградцы демонстрируют умеренный кулинарный космополитизм, о чем говорит то, что доля ресторанов русской кухни в этом городе не только меньше 30%, но и их количество заметно уступает совокупному количеству итальянских и японских ресторанов. Степень нацеленности на русскую кухню жителей Калининграда близка московским и российским показателям, но немного уступает им. Примечательно, что жители Москвы, Санкт-Петербурга и Калининграда демонстрируют схожую структуру кулинарных ориентаций: наиболее influentialными во всех трех городах (в порядке убывания) являются русская, итальянская, японская и американская кухни.

В Польше ситуация иная: существует осязаемое противоречие между кулинарными ориентациями Варшавы и других городов этой стра-

ны. Жители Гданьска, Щецина, Кракова, Лодзи и других крупных и средних польских городов — более выраженные кулинарные националисты, чем варшавяне. Таким образом, вкусы Варшавы не являются индикатором кулинарного пространства Польши.

К объяснению особенностей кулинарного пространства стран Балтийского региона

Как объяснить выявленные нами особенности кулинарного пространства стран Балтийского региона? Почему национальные кухни из других регионов планеты более популярны в Балтийском пространстве, чем местные кухни? Почему одни балтийские кухни в странах этого региона популярнее других? Перед тем, как попытаться ответить на эти вопросы, изложим некоторые теоретические соображения, касающиеся оснований существующей иерархии национальных кухонь в глобальном кулинарном пространстве.

Система блюд любой кухни выступает как масса пищевых продуктов, обладающих широким спектром благоприятных вкусовых воздействий, которые сигнализируют организму человека о полезности этих продуктов. Любая национальная кухня нацелена на удовлетворение потребности в веществах, необходимых для поддержания жизнедеятельности организма человека в данных ему географических и социально-экономических условиях. На основе анализа иерархии кулинарных держав следует сделать вывод о том, что для достижения национальной кухней заметных позиций в глобальном кулинарном пространстве необходимо наличие четырех предпосылок. *Во-первых*, достаточно обширная территория (более 100 тыс. км²). *Во-вторых*, достаточно многочисленное население (не менее 10 млн человек в начале XXI века). *В-третьих*, богатство природных даров, обусловленное разнообразием географической среды. Это предполагает в первую очередь теплый, мягкий, достаточно влажный климат, плодородие почв, изобилие растительного и животного мира, соприкосновение территории страны с теплыми морями. Выход к теплым морям не только часто обуславливает мягкий и теплый климат, но и означает изобилие рыбы и морепродуктов, а, кроме того, наличие круглогодично действующих водных коммуникаций, позволяющих обмениваться, среди прочего, и кулинарными достижениями. *В-четвертых*, существование на территории страны сословно-классовых и классовых обществ с достаточно высоким уровнем социального неравенства в течение длительного времени (многих веков или даже одного-трех тысячелетий). Названные предпосылки обусловили генезис великих кухонь Италии, Японии, Китая и Франции, а также весьма влиятельных кухонь Индии, Турции, Таиланда, Кореи, Вьетнама.

Страны с относительно суровым климатом, относительно небогатым и однообразным растительным и животным миром, страны, не имеющие выхода к теплым морям, не смогли создать кухни, которые смогли бы занять заметные позиции в глобальной кулинарии. Это случается, например, в Великобритании, Германии, России, Польши.

Но одного лишь благоприятного климата и богатства природы для возникновения великой кулинарной традиции, создания разнообразной, изощренной, изысканной и богатой национальной кухни мало. Индонезия, Малайзия, Филиппины, народы Центральной и Южной Африки с их весьма богатой природой не смогли создать национальных кухонь, которые завоевали бы заметные позиции в глобальном кулинарном пространстве.

Богатая и изощренная кухня не может возникнуть, если она не опирается на довольно развитый способ производства, обусловленный длительным существованием классово-сословного общества на данной территории, что предполагает внушительные традиции использования значительных масс прибавочного продукта в натуральной и денежной форме для создания высококачественных и разнообразных элитарных предметов потребления, в том числе и пищевых благ для привилегированных слоев — монархов с их дворами, феодальной аристократии, позже — и для буржуазии. В странах, являющихся кулинарными сверхдержавами и великими кулинарными державами (за исключением США) с древности или с первого тысячелетия нашей эры существовали общества с классовыми и сословными преимуществами. В этих обществах развитое классово-сословное неравенство издавна обуславливало и кулинарное неравенство — изысканную кухню для верхов и примитивную — для низов. Выдающиеся национальные кухни, добившиеся большой влияния в глобальном кулинарном пространстве, возникают главным образом на основе кухни привилегированных классов и сословий. В последующие эпохи с ростом производительных сил и совокупного богатства общества способы питания и пища высших слоев становятся доступными для более широких слоев населения. Таким образом, то, что мы называем национальными кухнями, возникло преимущественно на основе пищи привилегированных классов и сословий.

Особый случай представляют собой США, чьи кулинарные традиции сформировались относительно недавно — во второй половине XIX и XX веков. На наш взгляд, то обстоятельство, что при этом США удалось стать великой кулинарной державой, объясняется тем, что с рубежа XIX—XX веков это самая развитая, могущественная и богатая капиталистическая страна мира. Все аспекты капиталистического социального бытия принимают в США классическую, эталонную форму. Американское общество — это классическое капиталистическое общество, с капиталистическим отношением ко всему, в том числе к пище и питанию. Это обусловило возникновение американской кухни, американской индустрии быстрого питания, ставших воплощением капиталистического духа в кулинарии, своего рода кулинарным протестантизмом, если вспомнить о концепции протестантской этики М. Вебера. В американской кулинарии приготовление и прием пищи отвечают императивам быстрого и эффективного насыщения, однородности, стандартности, рациональности (калькулируемости), контролируемости, то

есть того, что американский социолог Дж. Ритцер назвал «макдональдизацией». Американская кулинария конгениальна американской архитектуре — все те же грандиозность, утилитаризм и функциональность. Поскольку современный мир движется в основном по рельсам капиталистического развития, то вполне закономерно, что американская кухня оказывается востребованной на всех континентах.

Попытаемся, исходя из сказанного, набросать контуры объяснения особенностей кулинарного пространства девяти стран Балтийского региона. В кулинарном пространстве Балтийского моря местные национальные кухни в значительной мере уступают ведущим мировым кухням — итальянской, японской, китайской, французской, американской и т. д. Часть стран Балтийского региона являются небольшими по площади (Эстония, Латвия, Литва, Дания), многие из балтийских государств располагают немногочисленным населением (Эстония, Латвия, Литва, Дания, Финляндия), и это, безусловно, послужило серьезным препятствием для развития их национальных кухонь. Для всех стран Балтийского региона характерны относительно суровый климат, выход к холодному морю (морям в случае России и Германии), относительно однообразная природа, отнюдь не блещущая изобилием своих даров, что не может соперничать с богатством и разнообразием природной среды Италии, Японии, Китая, Франции, США, Индии, Вьетнама, Таиланда и ряда других стран. Уже это обрекло кухни всех балтийских стран на неудачу в конкуренции с кухнями стран с более благоприятным климатом. Неудивительно, что самая успешная по влиятельности в мире из кухонь региона, немецкая, занимает, согласно нашему исследованию, всего лишь 14-е место.

Мы увидели, что немецкая, русская, польская и шведская кухни более влиятельны в кулинарном пространстве Балтийского региона (по крайней мере в своих странах), чем финская, эстонская и литовская. Три последние располагают настолько скромным влиянием даже внутри страны, что сайт TripAdvisor.ru не выделяет их как отдельную категорию учета. Латышская кухня сайтом выделяется, но ее популярность за пределами Латвии ничтожна, правда, чуть выше, чем датской. Датская кухня заметно более влиятельна в Дании, чем латышская в Латвии (458 ресторанов датской кухни в Копенгагене против 136 ресторанов латышской кухни в Риге при сопоставимом количестве жителей обеих столиц).

Весьма скромные позиции финской, литовской, эстонской кухонь даже у себя на родине обусловлены не только первыми тремя из выделенных нами предпосылок, но и особенностями социально-исторического развития соответствующих стран, то есть тем, что мы отметили как четвертую предпосылку формирования национальных кухонь. Сословно-классовое общество в Восточной Прибалтике возникло относительно поздно — лишь во втором тысячелетии нашей эры. Еще большее значение имеет то, что все финны, эстонцы, латыши на протяжении большей части своей истории существовали, будучи включенными

в государства, созданные другими народами. При этом у них не было или почти не было своих королевских дворов и знати — той среды, которая порождает высокую кухню. Финляндия длительное время находилась в составе Швеции, и привилегированный класс в Финляндии состоял из шведских дворян, а после включения в 1809 году в состав Российской империи к ним добавились русские аристократы. На территориях будущих Эстонии и Латвии привилегированные классы состояли в основном из немцев, позже к ним также добавились русские дворяне и буржуазия. Шведские, немецкие и русские аристократы были ориентированы на свои национальные кухни, а также на кухни Западной Европы. Это привело к тому, что финская, эстонская и латышская кухни были кухнями крестьян и рыбаков, то есть довольно простыми, однообразными и небогатыми с точки зрения содержания полезных веществ и вкусовых ощущений. На этой социально-кулинарной основе не могли возникнуть сложные, богатые и изощренные кухни вроде итальянской, французской или китайской.

Несколько особый случай представляют собой литовцы и литовская кухня. У Литвы в прошлом было свое государство и своя знать, но Великое княжество Литовское с 1569 года существовало в унии с Польшей, образовав Речь Посполитую. В этом государстве литовская знать оказалась младшим партнером более многочисленной и богатой польской знати, и в нем происходила полонизация литовских магнатов и шляхты, в том числе и кулинарная. Полонизированная литовская знать была ориентирована на польскую и западноевропейскую кухни. Это также привело к тому, что литовская кухня развивалась главным образом как крестьянская.

Монархические дворы и аристократии, а потом и буржуазные классы существовали в России, Германии, Швеции, Дании и Польше, что и обусловило возникновение довольно влиятельных (на своих территориях) русской, немецкой, шведской, датской и польской кухонь. Более слабые позиции датской кухни (см. табл. 3), вероятно, связаны в первую очередь со скромными территорией и численностью населения этой страны.

Предпринятая нами попытка объяснения иерархии национальных кухонь в кулинарном пространстве Балтийского региона сугубо предварительна, выступает скорее как приглашение к размышлениям над поставленной проблемой, а не ее окончательное решение. В этой сфере существует много явлений, нуждающихся в объяснении. Например, в рамках предлагаемой схемы неясными остаются причины того, что латышская кухня оказалась более влиятельной на своей территории и даже за ее пределами, чем финская, эстонская и литовская. Проблема особенностей балтийского кулинарного пространства, вопрос о месте стран Балтийского региона в глобальном кулинарном пространстве, о факторах, обусловивших эволюцию национальных кухонь стран региона, требуют дальнейших исследований.

Приложение 1**Количество ресторанов 24 национальных кухонь
в столицах 9 стран Балтийского региона по состоянию на 24.01.2017***

Кухня	Москва	Хельсинки	Таллин	Рига	Вильнюс	Варшава	Берлин	Стокгольм	Копенгаген
Русская	1760	9	27	18	7	4	24	0	1
Итальянская	1274	87	55	69	56	249	826	186	212
Японская	1008	55	36	24	25	103	161	106	82
Китайская	206	50	24	15	23	39	149	82	54
Американская	531	43	28	28	35	65	164	90	104
Французская	210	23	29	22	32	49	165	71	101
Немецкая	103	4	7	2	4	6	837	10	4
Мексиканская	98	26	9	10	10	24	86	20	23
Испанская	80	31	9	5	16	36	117	58	43
Тайская	59	33	15	7	8	41	163	77	68
Индийская	57	20	20	8	7	42	147	76	49
Вьетнамская	51	14	4	0	3	23	245	17	25
Корейская	47	5	1	3	3	11	42	15	7
Греческая	47	7	0	4	2	9	99	31	12
Британская	44	3	4	5	2	6	15	17	8
Ирландская	31	1	2	4	0	2	10	6	4
Турецкая	29	17	6	8	1	23	140	20	19
Ливанская	26	7	1	0	2	16	40	23	11
Аргентинская	11	0	2	1	1	4	29	5	3
Бразильская	7	3	1	0	1	1	7	1	2
Шведская	4	1	0	1	1	1	2	477	2
Датская	3	0	0	0	0	0	0	4	458
Латышская	2	0	1	136	4	0	1	0	0
Польская	1	0	0	0	2	421	11	4	0
<i>Всего</i>	5689	439	281	370	245	1175	3480	1396	1292

* Посчитано автором по: [7].

Приложение 2**Количество ресторанов 24 национальных кухонь в нестоличных городах
Балтийского региона по состоянию на 24.01.2017***

Кухня	Санкт-Петербург	Калининград	Любек	Киль	Росток	Гданьск	Щецин
Итальянская	568	57	22	16	14	42	37
Японская	560	47	1	3	1	11	5
Китайская	187	3	12	12	6	8	4
Французская	103	4	3	4	1	9	6
Американская	247	13	4	3	6	20	9
Индийская	31	2	2	3	3	3	4
Испанская	36	1	3	2	3	6	3
Тайская	35	1	2	4	3	9	1
Мексиканская	45	3	3	5	2	6	2

Окончание табл.

Кухни	Санкт-Петербург	Калининград	Любек	Киль	Росток	Гданьск	Щецин
Корейская	16	0	0	1	0	1	0
Вьетнамская	16	1	2	2	0	2	0
Греческая	26	1	7	3	3	3	2
Турецкая	38	2	2	0	0	6	5
Британская	21	5	0	0	0	0	0
Немецкая	60	10	41	29	36	1	1
Ливанская	2	0	0	0	0	1	0
Аргентинская	1	0	1	1	0	1	0
Русская	1684	61	0	0	0	3	1
Бразильская	0	0	0	1	0	0	0
Ирландская	26	1	1	0	0	0	1
Польская	0	0	1	0	0	141	54
Шведская	0	0	0	1	0	0	0
Датская	1	0	0	0	0	0	0
Латвийская	1	0	0	0	0	0	0
<i>Всего</i>	3704	212	107	90	78	273	135

* Подсчитано автором по: [7].

Список литературы

1. *Веселов Ю. В.* Повседневные практики питания // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 95—104.
2. *Веселов Ю. В.* Современная социальная система питания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1. С. 68—82.
3. *Гладкий Ю. Н., Корнекова С. Ю.* Географические особенности эволюции гастрономических культур России // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Естественные науки. 2015. № 1 (60). С. 80—85.
4. *Носкова А. В.* Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 49—64.
5. *Рахманов А. Б.* Глобальное кулинарное пространство и его эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2016. № 4. С. 115—127.
6. *Рахманов А. Б.* Глобальное кулинарное пространство и гастрономические стратегии городов России // ЭКО. 2017. № 3. С. 91—103.
7. *Трипадвизор.* Россия. URL: <http://www.tripadvisor.ru> (дата обращения: 24.01.2017).
8. *Aguilar-Rodriguez S.* Cooking Modernity: Nutrition Policies, Class, and Gender in 1940s and 1950s Mexico City // The Americas. 2007. Vol. 64, № 2. P. 177—205.
9. *Beardsworth A., Keil T.* Sociology on the Menu. An invitation to the study of food and society. L.; N. Y., 1997.
10. *Ceccarini R.* Pizza and Pizza Chefs in Japan: A Case of Culinary Globalization. Leiden; Boston, 2012.
11. *Coe A.* Chop Suey. A Cultural History of Chinese Food in the United States. Oxford; N. Y., 2009.
12. *D'Arms J. H.* The Culinary Reality of Roman Upper-Class Convivia: Integrating Texts and Images // Comparative Studies in Society and History. 2004. Vol. 46, № 3. P. 428—450.

13. *Finstad T.* Familiarizing Food: Frozen Food Chains, Technology, and Consumer Trust, Norway 1940—1970 // *Food and Foodways: Explorations in the History and Culture of Human Nourishment*. 2013. Vol. 21, №1. P. 22—45.
14. *Fukutomi S.* Bottom-up Food: Making Rāmen a Gourmet Food in Tokyo // *Food and Foodways: Explorations in the History and Culture of Human Nourishment*. 2014. Vol. 22, №1—2. P. 65—89.
15. *Harper D., Faccioli P.* The Italian way. Food and Social Life. Chicago ; L., 2009.
16. *Hollows J.* The Bachelor Dinner: Masculinity, class and cooking in Playboy, 1953—1961 // *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*. 2010. Vol. 16, №2. P. 143—155.
17. *Kaplan D.* The Philosophy of Food. Berkeley ; Los Angeles ; L., 2012.
18. *Kearney A. T.* Global Cities Index, 2014. URL: <https://www.atkearney.com/research-studies/global-cities-index/2014> (дата обращения: 15.09.2015).
19. *Korthals M.* Before Dinner. Philosophy and Ethics of Food. Dordrecht, 2004.
20. *Lee S.-P.* Eating Solo: Food Practices of Older Hong Kong Chinese Migrants in England // *Food and Foodways*. 2015. Vol. 23, №3. P. 210—230.
21. *Luley B. P.* Cooking, Class, and Colonial Transformations in Roman Mediterranean France // *American Journal of Archaeology*. 2014. Vol. 118, №1. P. 33—60.
22. *Mahoney C.* Health, Food and Social Inequality: Critical Perspectives on the Supply and Marketing of Food. L., 2015.
23. *Mendez C. D.* The Sociology of Food in Spain: European Influences in Social Analyses on Eating Habits // *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5, №4. P. 353—380.
24. *Nye J.* Soft Power: The Means To Success In World Politics. N. Y., 2005.
25. *Rath E. C.* Food and Fantasy in Early Modern Japan. Berkely, 2010.
26. *Ritzer G.* Explorations in the Sociology of Consumption: Fast Food, Credit Cards and Casinos. L., 2001.
27. *Roberts J. A. G.* China to Chinatown. Chinese Food in the West. L., 2002.
28. *Robertson R.* Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992.
29. *Turner K. L.* Buying, Not Cooking // *Food, Culture and Society*. 2006. Vol. 9, №1. P. 13—39.
30. *Vásquez C., Chik A.* “I Am Not a Foodie...”: Culinary Capital in Online Reviews of Michelin Restaurants // *Food and Foodways*. 2015. Vol. 23, №4. P. 231—250.
31. *Waters M.* The Globalization. L. ; N. Y., 1996.

Об авторе

Азам Борисович Рахманов, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Для цитирования:

Рахманов А. Б. Страны Балтийского региона в глобальном кулинарном пространстве // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №2. С. 122—141. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-7.

COUNTRIES OF THE BALTIC REGION IN THE GLOBAL CULINARY SPACE

A. B. Rakhmanov¹¹ *Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia*

Submitted on February 27, 2017

Globalisation is creating a global culinary space where culinary traditions of different countries interact and compete. The author sets out to explore characteristic features of the culinary space of nine Baltic States as part of the global culinary space. The author uses empirical data on the number of restaurants serving different national cuisines in the main cities of the region. The Baltic culinary space incorporates the world's leading cuisines (Italian, Japanese, Chinese, etc.) as well as the local cuisines of the BSR countries. The world's leading cuisines prove to be more influential in the region than the local ones. Some countries of the Baltic Sea region (Russia, Poland, Sweden, Latvia, and Denmark) have culinary sovereignty, since their residents prefer national cuisines. In some other countries of the region (Finland, Estonia, and Lithuania), the public favours the world's leading cuisines — Italian, Japanese and American — over the local ones. The non-capital Baltic cities of Poland and Germany, as well as St. Petersburg, display a greater sense of culinary patriotism than Warsaw, Berlin, and Moscow respectively. This article attempts to explore the features of the Baltic culinary space. The author considers the environmental and socio-historical factors key determinants of the countries' cuisines.

Key words: global culinary space, culinary powers, culinary sovereignty, culinary nationalism, culinary cosmopolitanism, Baltic region, Russia, Germany

References

1. Veselov, Yu. V. 2015, Everyday practices of eating, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, p. 95—104. (In Russ.)
2. Veselov, Yu. V. 2015, Modern social system of eating, *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no. 1, p. 68—82. (In Russ.)
3. Gladkij, Yu. N., Kornekova, S. Yu. 2015, Geographical properties of evolution of gastronomical cultures of Russia, *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Estestvennyye nauki*, no. 1 (60), p. 80—85. (In Russ.)
4. Noskova, A. V. 2015, Eating as a subject and a marker of social inequality, *Vestnik Instituta sotsiologii*, no. 14, p. 49—64. (In Russ.)
5. Rakhmanov, A. B. 2016, Global culinary space and its empirical research, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sociologija*, no. 4. (In Russ.)
6. Rakhmanov, A. B. 2017, Global culinary space and gastronomical strategies of cities of Russia, *EKO*, no. 3, p. 91—103. (In Russ.)
7. Tripadvisor. Russia, 2017, available at: <http://www.tripadvisor.ru/> (accessed 24.01.2017).
8. Aguilar-Rodríguez, S. 2007, Cooking Modernity: Nutrition Policies, Class, and Gender in 1940s and 1950s Mexico City, *The Americas*, Vol. 64, no. 2, p. 177—205.
9. Beardsworth, A., Keil, T. 1997, *Sociology on the Menu. An invitation to the study of food and society*, London and New York.
10. Ceccarini, R. 2012, *Pizza and Pizza Chefs in Japan: A Case of Culinary Globalization*, Leiden, Boston.

11. Coe, A. 2009, *Chop Suey. A Cultural History of Chinese Food in the United States*, Oxford, New York.
12. D'Arms, J. H. 2004, The Culinary Reality of Roman Upper-Class Convivia: Integrating Texts and Images, *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 46, no. 3, p. 428—450.
13. Finstad, T. 2013, Familiarizing Food: Frozen Food Chains, Technology, and Consumer Trust, Norway 1940—1970, *Food and Foodways: Explorations in the History and Culture of Human Nourishment*, Vol. 21, no. 1, p. 22—45.
14. Fukutomi, S. 2014, Bottom-up Food: Making Rāmen a Gourmet Food in Tokyo, *Food and Foodways: Explorations in the History and Culture of Human Nourishment*, Vol. 22, no. 1—2, p. 65—89.
15. Harper, D., Faccioli, P. 2009, *The Italian way. Food and Social Life*, Chicago, London.
16. Hollows, J. 2010, The Bachelor Dinner: Masculinity, class and cooking in Playboy, 1953—1961, *Continuum: Journal of Media&Cultural Studies*, Vol. 16, no. 2, p. 143—155.
17. Kaplan, D. 2012, *The Philosophy of Food*, Berkeley, Los Angeles, London.
18. Kearney, A. T. 2014, *Global Cities Index*, available at: <http://www.atkearney.com/research-studies/global-cities-index/2014> (accessed 15. 09. 2015).
19. Korthals, M. 2004, *Before Dinner. Philosophy and Ethics of Food*, Dordrecht.
20. Lee, S.-P. 2015, Eating Solo: Food Practices of Older Hong Kong Chinese Migrants in England, *Food and Foodways*, Vol. 23, no. 3, p. 210—230.
21. Luley, B. P. 2014, Cooking, Class, and Colonial Transformations in Roman Mediterranean France, *American Journal of Archaeology*, Vol. 118, no. 1, p. 33—60.
22. Mahoney, C. 2015, *Health, Food and Social Inequality: Critical Perspectives on the Supply and Marketing of Food*, London.
23. Mendez, C. D. 2006, The Sociology of Food in Spain: European Influences in Social Analyses on Eating Habits, *Comparative Sociology*, Vol. 5, no. 4, p. 353—380.
24. Nye, J. 2005, *Soft Power: The Means To Success In World Politics*, New York.
25. Rath, E. C. 2010, *Food and Fantasy in Early Modern Japan*, Berkely.
26. Ritzer, G. 2001, *Explorations in the Sociology of Consumption: Fast Food, Credit Cards and Casinos*, London.
27. Roberts, J. A. G. 2002, *China to Chinatown. Chinese Food in the West*, London.
28. Robertson, R. 1992, *Globalization. Social Theory and Global Culture*, London.
29. Turner, K. L. 2006, Buying, Not Cooking, *Food, Culture & Society. An International Journal of Multidisciplinary Research*, Vol. 9, no. 1, p. 13—39.
30. Vásquez, C., Chik, A. 2015, “I Am Not a Foodie...”: Culinary Capital in Online Reviews of Michelin Restaurants, *Food and Foodways*, Vol. 23, no. 4, p. 231—250.
31. Waters, M. 1996, *The Globalization*, London, New York.

The author

Dr. Azat B. Rakhmanov, Associate Professor, Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

To cite this article:

Rakhmanov, A. B. 2017, Countries of the Baltic Region in the Global Culinary Space I, Balt. reg., Vol. 9, no. 2, p. 122—141. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-7.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ГАНЗЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Н. А. Васильева¹
Ю. В. Косов²

Критический анализ традиций Ганзы может дать важный методологический материал для изучения балтийской регионализации в XXI веке. Актуальность исследования политиками, экономистами, историками положительных и отрицательных характеристик Ганзейского союза определяется современными тенденциями развития Балтийского региона, научный анализ которых невозможен без обращения к успешному опыту взаимодействия разных народов Балтийского моря прошлых эпох.

К сожалению, в XXI веке Балтийский регион оказался зоной геополитических противоречий, что, в частности, негативно отразилось на эффективности отношений российских северо-западных городов с региональными соседями. Поэтому очень важно в условиях информационного общества сосредоточиться на инновационных направлениях регионального взаимодействия, примером чему стало объединение университетских центров, где проводится эффективная работа по формированию международной программы для устойчивого развития региона Балтийского моря.

Особое внимание заслуживают балтийские города, которые демонстрируют многообразные формы трансграничного сотрудничества, что не только дает возможность развивать межгосударственные взаимоотношения, но и способствуют продвижению бизнес-планов приграничного сотрудничества, а также разнообразных взаимодействий гражданского общества. История Ганзейского союза и его сегодняшнее возрождение (Новая Ганза) свидетельствуют о том, что эффективные международные отношения возможны не только

¹ Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

² Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43.

Поступила в редакцию 15.06.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-8

© Васильева Н. А., Косов Ю. В., 2017

между государствами, но и между отдельными городами и университетами для развития экономических, политических и культурных связей народов Балтийского региона.

Ключевые слова: Балтийский регион, Ганзейский союз, дипломатия городов, Балтийское море, сотрудничество, устойчивое развитие

Введение

Регионализация в условиях первой четверти XXI века способствует формированию многоуровневого и многообразного по характеру участников и их взаимодействию процесса сближения государств и народов. Последние геополитические конфликты в Европе и по соседству доказали значимость понятий границы, территории, национальной идентичности и регионализма в современном постоянно изменяющемся мире [13]. Однако все чаще возникают научные дискуссии о роли государства, об исторической судьбе этого международного института. По мнению Р.Х. Симонян, «ослабление роли государства, реальное, зафиксированное всеми без исключения обществоведами, — процесс, только набирающий силу. Заметной политической единицей становятся города. Совершается еще один виток истории. На наших глазах происходит возрождение города как самостоятельного субъекта международных отношений. Сегодня — это Дубай, Гонконг, Сингапур, Шанхай, Нью-Йорк, Лос-Анжелес, Токио, Лондон, Москва, Санкт-Петербург — именно они устанавливают стандарты глобализации» [16, с. 27]. В этом контексте Балтийский регион, возникновение которого на политической и экономической карте мира стимулировали геополитические потрясения 90-х годов XX века, являет собой пример региона с большим потенциалом новых форм трансграничного сотрудничества и мультикультурного взаимодействия городов.

Исторический опыт Ганзейского союза

Важно подчеркнуть, что и в прежние эпохи народы, жившие по берегам Балтийского моря, демонстрировали эффективные формы экономической и культурной интеграции, центральным звеном которых был Ганзейский союз городов. Именно поэтому исторический опыт Ганзейского союза в условиях XXI века становится предметом изучения политиков, экономистов, историков. Определение современных тенденций развития Балтийского региона невозможно без обращения к успешным примерам взаимодействия разных народов Балтийского моря прошлых эпох.

В истории Европы вольные города Средневековья сыграли значимую роль, которая, по мнению русского ученого П. А. Кропоткина, была определяющей в становлении эпохи Возрождения: «Благодаря свободе, организации от простого к сложному, тому, что производство и внутренний обмен велись ремесленными союзами, а внешняя торговля

велась всем городом, а закупка главных предметов потребления также производилось самим городом, который распределял их между гражданами по себестоимости, — благодаря также духу предприимчивости, развитому такими учреждениями, средневековые города в течение первых двух столетий своего свободного существования сделались центрами благосостояния для всего своего населения, центрами богатства, высокого развития и образованности, невиданных до тех пор» [10, с. 294]. Такая характеристика городской жизни в полной мере подходила не только для итальянских городов-республик, но и для балтийских городов, создавших крупнейшую торговую ассоциацию (Ганзейский союз), положившую начало формированию нового городского социального слоя — буржуазии. В середине XIV века северогерманское купечество выступило инициатором формирования «купеческой Ганзы», на основе которой возникла «Ганза городов» (Любек, Бремен, Гамбург, Штральзунд и др.), получившая название «Немецкая Ганза».

Балтийское море стало важным торговым путем, однако в одиночку купеческие гильдии не могли обеспечить безопасное и эффективное международное торговое сотрудничество, поэтому создание Ганзейского союза помогло качественно изменить экономическую ситуацию в регионе Северной Европы. Помимо Лондона, торговые представительства Ганзы имелись в Бергене и Брюгге, Пскове и Венеции, Новгороде и Стокгольме. Немецкие купцы были единственными иностранными торговцами, которые имели в Венеции свое торговое подворье и за которыми северо-итальянские города признавали право свободного плавания по Средиземному морю. Особую значимость, как отмечают историки, приобрели ярмарки, устраивавшиеся в Дублине и Осло, Франкфурте и Познани, Плимуте и Праге, Амстердаме и Нарве, Варшаве и Витебске: «Здесь приобреталось то, ради чего семьи, отказывая себе в необходимом, долгие месяцы копили деньги. Торговые ряды ломились от обилия восточной роскоши, утонченных и экзотических предметов быта. Там фламандское полотно встречалось с английской шерстью, аквитанские кожи с русским медом, кипрская медь с литовским янтарем, исландская сельдь с французским сыром, а венецианское стекло — с багдадскими клинками» [3].

Столь значимый экономический эффект Ганзы во многом определялся политико-юридическими особенностями организации властных отношений в тогдашней Европе. Ганзейские города (их число в период расцвета достигало 170) представляли собой достаточно редкое явление в политической и экономической жизни Европы, так как они не находились под властью государства или церкви. Фактически это были самоуправляющиеся торговые республики, где власть принадлежала населению городов (бюргерам). Сами же городские власти руководствовались необходимостью соблюдать экономические правила взаимодействия с партнерами, поэтому международное сотрудничество основывалось на общих интересах торговых городов Северной Европы. Кроме экономической составляющей, необходимо отметить и определенный мультикультурный фактор — общий язык, немецкая основа

которого постоянно разбавлялась итальянскими и славянскими вкраплениями. Нельзя не упомянуть и о такой важнейшей составляющей успеха Ганзейского союза, как наличие развитой системы безопасности, что включало в себя собственные войска и флот, позволявшие охранять городские коммерческие интересы от притязаний отдельных феодалов и даже вести войны с государствами.

Просуществовавший до середины XVII века (последний съезд состоялся в 1669 году) Ганзейский торговый союз был крупной политической силой на Балтийском море. Однако, как отмечает А. Штенцель, в деятельности Ганзы были весьма существенные недостатки, так как «вследствие привилегий, которыми пользовалась Ганза, с Балтийского моря совершенно исчезла скандинавская и русская торговля, а английская заняла второстепенное место — Ганза властвовала от Невы до Нидерландов над морем и над торговлей» [20, с. 492]. Нельзя не согласиться и с критической оценкой роли Ганзейского союза, данной известным исследователем средневековой Европы М.П. Лесниковым, отмечавшим, что «цепкая и беспринципная, хотя и не всегда искусная, политика Ганзы, ее борьба за всевозможные льготы, привилегии привели к тому, что ганзейцы опутали своей торговой сетью все страны, прилегающие к Балтийскому и Северному морям, эксплуатируя их и оттеснив на второй план своих туземных, более отсталых или менее предприимчивых конкурентов или контрагентов» [11, с. 71].

Таким образом, деятельность Ганзейского союза определялась интересами немецких торговых кругов, использовавших различные методы установления экономической монополии на Балтике. Поэтому многие города русской Балтики, прежде всего, русские северные города-республики Великий Новгород и Псков, стремились отстоять свои торговые интересы. Как отмечает председатель совета попечителей Международного фонда Фридриха фон Хайека Е.С. Волк, ретроспективный анализ связей между Русью и Ганзейским союзом в XIII—XVII веках показывает, что ситуация в сфере свободной торговли между двумя этими субъектами экономических отношений была не столь идиллической, как она часто представляется теперь. Можно даже говорить о том, что многие системные проблемы, характерные для нынешних отношений между Россией и Западной Европой, сложились уже тогда и усложняли как политические, так и экономические связи между Ганзой и Русью [12].

Внутренние (постепенное наращивание экономических противоречий между участниками Союза) и внешние (перемещение основных торговых операций в Атлантику и Тихий океан) причины постепенно привели к развалу Ганзы, однако исторический след, оставленный этим международным негосударственным союзом, значим до сих пор: «Он стимулировал развитие сельского хозяйства, текстильной, горнодобывающей промышленности, а, главное, он расширял коммуникации, создавал свою предпринимательскую культуру, стимулировал бурное развитие городов, науки и просвещения» [17, с. 27]. Таким образом,

опыт Ганзейского союза городов нужно использовать для современных интеграционных проектов в Балтийском регионе, где города по-прежнему играют ведущую роль в политико-экономическом развитии.

Новые тренды региональных взаимосвязей в Балтийском регионе

К сожалению, Балтийский регион оказался зоной геополитических противоречий, что, в частности, негативно отразилось на эффективности взаимодействия российских северо-западных городов с региональными соседями. По мнению российского эксперта Д. Войнова, «проблема Калининградского анклава на территории расширяющегося Европейского союза напоминает ситуацию, возникшую более шести веков назад, когда несговорчивость Ганзы и Русского государства привели к разрыву экономически выгодных связей между ними. Сегодня Евросоюз, не желая идти на уступки, также провоцирует Россию к принятию адекватных шагов. По сути, вновь дала ростки система двойных стандартов, ставшая, казалось бы, пережитком холодной войны и доказавшая свою бесперспективность» [3]. В этой связи нельзя не согласиться с экспертной оценкой, согласно которой «экономико-географический потенциал (ЭГП) Калининградской области, расположенной вблизи крупного европейского рынка, не реализуется как из-за высоких торговых барьеров, так и оторванности от остальной территории России» [5, с. 123]. Данные негативные тенденции последних лет во взаимоотношениях России и ЕС могут и должны быть остановлены в своем разрушительном для обеих сторон развитии.

В этом контексте представляется крайне важным обратить внимание на новые тренды региональных взаимосвязей, получивших название «дипломатия городов», под которой понимается «выход на прямые связи между городами и другими участниками международного общения, распространение своего влияния и взаимодействие с партнерами в поиске и задействовании ресурсов для своего развития и сотрудничества далеко за пределами национальной территории» [18, с. 377]. Большая часть населения региона Балтийского моря проживает в малых и средних городах или в сельской местности в непосредственной близости от города.

Достаточно симптоматично, что в 1980 году в голландском городе Зволле были проведены торжественные мероприятия по случаю 700-летнего юбилея со дня основания Ганзы, давшие толчок к созданию организации «Ганзейский союз Нового времени» («Новая Ганза»). Целью организации стало развитие культуры и туризма, что нашло отражение в ежегодных фестивалях «Ганзейские Дни», во время которых в одном из городов Новой Ганзы проводятся выставки, ярмарки и другие мероприятия. При этом как город-организатор, так и города-гости своей главной задачей считают необходимость возрождения духа Ганзы — дружбы, сотрудничества, взаимоуважения. Не только культурные, но и экономические вопросы обсуждаются на этих встречах. Важно отметить, что в 2009 году фестиваль прошел в Великом Новгороде, а всего

«Ганзейский союз Нового времени» объединяет 187 городов из 16 стран Европы, в том числе 14 русских городов: Белозерск, Великий Новгород, Великий Устюг, Вологда, Ивангород, Калининград, Кингисепп, Порхов, Псков, Смоленск, Тверь, Тихвин, Торжок и Тотьма [4]. Естественно, что такой масштабный проект, реализуемый на неправительственной основе логически вытекает из истории средневекового союза «Ганза», когда города Балтийского моря были своеобразной ячейкой и основой в развитии экономических, политических и культурных связей между странами региона. По мнению Т.М. Кочегаровой и Р.Х. Симонян, «через Балтийское море российский транзит идет более тысячи лет, меняется только товар — сначала мед, воск, соль, сегодня контейнеры. Но неизменен такой неисчерпаемый ресурс этого региона, как его географическое положение. И чем больше этот ресурс эксплуатировать, тем богаче он становится» [12].

В качестве иллюстрации «дипломатии городов» можно привести встречу в Таллине (в прошлом — ганзейском Ревеле) мэров «ганзейских» городов, во время которой красной линией проходила идея о необходимости использовать в полной мере интеграционный потенциал Балтийского региона, объединяющего порядка 50 млн человек, причем в основном это высокообразованные люди, способные активно развивать экономику знаний. Однако на данном пути еще много преград, обусловленных историческими и политическими причинами. В ряде экспертных исследований подчеркивается, что даже внутри стран Балтии наблюдаются социально-экономические разделительные линии между этническими сообществами. Так, при сравнении Таллина и Риги отмечается, что «эстонцы гораздо больше обособляются от русскоязычного меньшинства, чем латыши. Эстонцы доминируют в социальной иерархии, оставляя меньшинствам нижние ступени, что усиливает социально-экономическую сегрегацию в Таллине. Иными словами, модели этнической и социально-экономической сегрегации все чаще пересекаются друг с другом» [15]. Такого рода проблемы невозможно ликвидировать быстро, но в том и состоит задача гражданского общества, в частности, «Новой Ганзы», чтобы создавать необходимые условия для сближения людей.

Развитие университетских центров как путь к инновационной трансграничной мобильности и сотрудничеству

В Балтийском регионе есть большие потенциальные возможности для развития инновационных форм регионального сотрудничества, поскольку многие города являются центрами науки и образования, где сосредоточены большие коллективы высокообразованных людей. Это особенно важно в условиях развития «экономики знаний», в контексте общего движения государств региона к информационному обществу.

Как отмечал в своем выступлении на XIII парламентском форуме южной зоны Балтийского моря немецкий политик К. Шли, «так же, как и Ганзейский союз до нас, мы все понимаем, что Балтийское море является скорее объединяющим, а не разделяющим элементом. Мы все заинтересованы в укреплении региона Балтийского моря, мы все считаем себя соседями. Но если сегодня образование является самым важным ресурсом для инноваций, то Балтийский регион имеет отличные предпосылки в рамках глобальной конкуренции» [19, с. 38—39].

В развитие этой темы нужно упомянуть о программе «Балтийский университет» (The Baltic University Programme), основанной по сетевому принципу и объединяющей 200 университетов из 14 стран региона Балтийского моря. Программа «Балтийский университет» (основана в 1991 году) координируется секретариатом в Упсальском университете (Швеция). Но национальные центры «Балтийского университета» есть в каждой стране, что дает возможность более оперативно взаимодействовать в сфере развития инновационных проектов.

Создатели данной программы исходили из определения Балтийского региона, основываясь на факторе площади водосборного бассейна Балтийского моря, то есть пространства, с которого вода всех рек территории попадает в Балтику. Поэтому наряду с прибрежными странами (Финляндия, Швеция, Дания, Германия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Россия) в программе участвуют Беларусь, Украина, Словакия, Чехия и Норвегия [8]. Важно подчеркнуть, что одной из главных целей ее создания было стремление способствовать развитию образовательной кооперации в сфере сохранения качества окружающей среды и устойчивого развития Балтийского региона. Однако, по мнению ряда экспертов, очевидно, что между правительственными и неправительственными субъектами экологического управления нет должных связей, поэтому необходима трансформация всей многоуровневой системы для того, чтобы «найти новую форму управления, которая бы сочетала в себе традиционное управление государства с одновременным участием большого числа различных негосударственных субъектов» [7, р. 95]. В этом контексте крайне важно использовать потенциал студенческой молодежи, которая и усваивает навыки экологического мышления в рамках программы «Балтийский университет». Процесс обучения в ней был изначально построен на использовании спутникового телевидения, одномоментно объединяющего несколько тысяч слушателей из десятков участвующих университетов всех стран этой части Европы [8].

Таким образом, интеграция университетских центров в Балтийском регионе создает возможность для эффективной работы по формированию в нем международной политики для устойчивого развития. «Расширение прав и возможностей людей по принятию обоснованных решений и содействию построению общества, основанного на принципах устойчивого развития, является жизненно важным для обеспечения устойчивости региона в целом. Сбалансированная политика в области устойчивого развития должна осуществляться на всех уровнях, предоставляя при этом более широкие возможности для критического мыш-

ления, творчества и инноваций. Регион Балтийского моря уже сегодня рассматривается как один из ведущих регионов в мире, когда речь идет о развитии наукоемкой продукции и услуг, и экоинноваций. На нынешнем этапе задача заключается в том, чтобы сделать экоинновации более знакомыми и доступными» [17].

Особенности развития «дипломатии городов» Балтийского моря

Важно подчеркнуть, что именно в условиях современного урбанизированного мира крайне важно, чтобы жители городов и муниципальные структуры были вовлечены в процессы поддержания устойчивого развития. Многие балтийские города, в том числе Санкт-Петербург, участвуют в деятельности Всемирной организации «Объединенные города и местные власти» (2004). Это завершило процесс слияния крупнейших мировых организаций, объединяющих местные власти, — Всемирной федерации породненных городов (ВФПГ) и Международного союза местных властей (МСМВ), а также ассоциации крупных городов «Метрополис» [4].

В современных условиях глобализации и регионализации балтийские города становятся все более активными участниками неправительственных структур государств Балтийского региона. Так, например, в 1993 году в ходе конференции в городе Ставангере (Норвегия) была создана неправительственная Ассоциация субрегионального сотрудничества стран Балтийского моря (АСССБМ). Ее главная цель — укрепление межрегионального сотрудничества в районе Балтийского моря. Членами ассоциации являются 162 региона 10 стран: Дании, Германии, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, России, Финляндии, Швеции, Эстонии. В соответствии с уставом АСССБМ служит контактным пунктом для своих членов и действует в качестве посредника для решения задач развития региона. Организация работает над поиском финансовых средств, которые бы обеспечивали осуществление необходимых региону проектов. Специфической целью ассоциации выступает обеспечение информационного обмена между ее участниками и другими организациями, сотрудничающими в регионе. АСССБМ осуществляет широкий обмен опытом развития партнерских связей и участия в проектах на равных условиях. Ассоциация поддерживает контакты со многими европейскими структурами, правительствами. Особенно тесные связи установились с Советом государств Балтийского моря [14].

В качестве интересного примера можно привести проект «Балтийская палитра» (1999—2000), признанный одним из наиболее успешных, так как был направлен на определение путей решения общих проблем в сфере пространственного планирования, возникающих во взаимоотношениях крупных городов и окружающих их территорий. В проекте участвовали регионы Стокгольм-Мэлар (Швеция), Уусимаа и Юго-Западная Финляндия (Финляндия), Рижский регион (Латвия), город Таллин и округ Харью (Эстония), Санкт-Петербург и Ленинградская об-

ласть (Россия). В результате работы по проекту были сформированы документы, определяющие перспективы совместной деятельности до 2020 года, принята Совместная декларация о сотрудничестве [6, с. 89].

Развитие проектов регионального трансграничного сотрудничества городов Балтики нашло свое отражение в таком новом формате, как образование «пар» так называемых городов-близнецов. Понятие «города-близнецы» (twin cities) было использовано в XX веке в США применительно к двум городам, расположенным на разных берегах реки Миссисипи и развивающимся как взаимодополняемые хозяйственные комплексы, — Миннеаполису и Сент-Полу. В Балтийском регионе впервые это явление было отмечено в конце 1980-х годов, когда образовалось трансграничное сотрудничество двух городов Финляндии и Швеции — Торнио и Хапаранда. В дальнейшем в этом проекте приняли участие многие балтийские города, а также «города-близнецы» Восточной и Центральной Европы.

По мнению российских исследователей А. Г. Анищенко и А. А. Сергунина, данное движение — это «не только новая форма приграничного сотрудничества, но и одно из проявлений так называемой парадипломатии, то есть участия в мировой политике нетрадиционных (негосударственных) акторов — городов, внутристрановых регионов, отдельных компаний, учреждений, неправительственных организаций ("народная дипломатия")» [1, с. 30]. В настоящее время выделены соответствующие критерии для определения «городов-близнецов», принимающих участие в международном сотрудничестве:

— расположение непосредственно на границе, то есть они должны быть приграничными городами;

— общее историческое прошлое, в котором они были единым целым или, наоборот, противостояли друг другу. Например, по результатам Второй мировой войны финский город Энсо был разделен на две части — Иматра (Финляндия) и Светогорск (Россия). В свою очередь, Нарва и Ивангород возникли как датский (позже шведский) и русский форпосты на Балтике, противостоящие друг другу;

— стремление к сотрудничеству;

— расположение на разных берегах одной реки, исторически служившей естественной географической границей между ними. По этой причине такие «пары» называют «городами-мостами», символизирующими связь между разными странами и народами;

— наличие соответствующих международных соглашений [1].

В 2006 году проект «городов-близнецов» был институционально закреплён в виде Ассоциации городов-близнецов (АГБ) (City Twins Association). Как следует из устава АГБ, её целью является поощрение взаимодействия между «парами» городов в таких областях, как сотрудничество между городскими администрациями, институтами гражданского общества; развитие местной промышленности; создание единого рынка труда; совместная работа в сфере социального обеспечения и здравоохранения; оборудование и поддержание в надлежащем порядке

пограничных переходов (там, где они еще существуют); реализация проектов в области культуры и образования; продвижение интересов «городов-близнецов» на национальном и международном уровне [2].

Особый интерес представляет Союз балтийских городов (СБГ) — международная неправительственная организация, основанная на конференции представителей городов стран Балтийского моря в Гданьске (1991). Союз балтийских городов (The Union of the Baltic Cities) объединяет свыше 100 городов в 10 странах побережья Балтийского моря в целях развития сотрудничества между ними на уровне местных самоуправлений и обмена опытом для содействия демократическому, социально-экономическому и дружественному окружающей среде развитию в регионе Балтийского моря. Генеральная конференция СБГ собирается раз в два года. Исполнительный совет СБГ состоит из 10 городов, каждый из которых представляет определенную страну Балтийского региона. Союз балтийских городов осуществляет свою деятельность через отраслевые комиссии: по культуре; охране окружающей среды; социальным вопросам; телекоммуникациям; транспорту; спорту; туризму; деловому сотрудничеству [9]. Как отмечал в своей речи по случаю 20-летия организации президент Союза балтийских городов Пер Бодкер Андерсен, «из региона, который был отделен железным занавесом, регион Балтийского моря превратился в пространство широкого сотрудничества» [9].

Заключение

Подводя итог рассмотрению вопросов роли балтийских городов в международных отношениях, необходимо отметить: во-первых, в современных условиях города, наряду с государствами, начали активно участвовать в международных отношениях. Этому способствовали процессы глобализации и информатизации, благодаря которым трансграничное сотрудничество стало доступным для населения городов, особенно в приграничной зоне; во-вторых, критический анализ исторического опыта Ганзейского союза может помочь найти новые стимулы для экономической интеграции в регионе Балтийского моря; в-третьих, балтийские города демонстрируют многообразные формы трансграничного сотрудничества, что не только дает возможность развивать межгосударственные взаимоотношения, но и способствуют продвижению бизнес-планов приграничного сотрудничества, а также разнообразных взаимодействий гражданского общества.

Список литературы

1. Анищенко А. Г. Сергунин А. А. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? // Балтийский регион. 2012. №1. С. 27—38. doi: 10.5922/2074-9848-2012-1-3.
2. City Twin Association Strategy 2010—2020. URL: <http://www.citytwins.org/en/page/5/> (дата обращения: 15.04.2016).

3. *Войнов Д.* Ганзейский союз // Сенатор : федеральный информационно-аналитический журнал. URL: <http://www.senat.org/Germany/Integra-14.html> (дата обращения: 10.04.2016).

4. *Союз русских ганзейских городов.* URL: <http://hansarus.org/media> (дата обращения: 15.05.2016).

5. *Земцов С. П., Бабурин В. Л.* Оценка потенциала экономико-географического положения регионов // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 1. С. 117—138. doi: 10.17059/2016-1-9.

6. *Нечипорук Д.* Пограничные земли, общие воды: история трансграничного сотрудничества России, Балтийских стран и ЕС по оздоровлению экосистемы Балтийского моря. СПб., 2014.

7. *Karaciūskaitė I.* Environmental governance in the Baltic Sea Region and the role of non-governmental actors // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 14. P. 90—100.

8. *Ионов В. В., Кропинова Е. Г.* Международная программа «Балтийский университет» на пороге 20-летия // Балтийский регион. 2010. №3. С. 92—97.

9. *Union of the Baltic cities.* URL: <http://www.ubc.net/> (дата обращения: 15.04.2016).

10. *Кропоткин П. А.* Анархия : сб. / сост. и предисловие Р. К. Баландина. М., 2002.

11. *Лесников М. П.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. 1948. Т. 8. С. 61—93.

12. *Волк Е. С.* Свобода торговли между Россией и Западной Европой: от Ганзейского союза к союзу Европейскому : доклад на заседании Общества Монт Пелерин, 4 апреля 2004 г., Гамбург. URL: <http://hayek.ru/konf02.html> (дата обращения: 11.05.2016).

13. *Martin L., Prokkola E.-K., Saarinen J., Zimmerbauer K.* Regions, borders and identity in a relational and territorial world // Nordia Geographical Publications. 2015. Vol. 44, №4. P. 1—4.

14. *Промежуточный отчет о проведении исследования «Регион Балтийского моря в фокусе стратегий развития Европейского союза и Российской Федерации».* URL: http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2000/02/Promezhtuchnyiy-otchyot-issledovaniya_21.03.2012.pdf (дата обращения: 14.04.2016).

15. *Musterd S., Marcińczak S., van Ham M., Tammaru T.* Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich // Urban Geography. 2016 (in press). doi: 10.1080/02723638.2016.1228371.

16. *Симомян Р. Х.* Россия и Евросоюз: Балтийский потенциал экономической интеграции // МЭиМО. 2011. №4. С. 48—52.

17. *Стратегия устойчивого развития Совета государств Балтийского моря 2010—2015.* URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2013/04/strategy-russian.pdf> (дата обращения: 15.04.2016).

18. *Шлапеко Е. А.* Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов (на примере развития внешних связей Петрозаводского городского округа, Республика Карелия) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №4(1). С. 374—380.

19. *Шли К.* XIII парламентский форум южной зоны Балтийского моря // Вестник российского философского общества. 2015. №3(75). С. 38—39.

20. *Штенцель А.* История войн на море : в 2 т. М., 2002. Т. 1.

21. *Кочегарова Т., Симомян Р. Х.* Новый Ганзейский союз — оптимальный формат сотрудничества России и ЕС // Власть. 2009. №12. С. 14—21.

Об авторах

Наталья Алексеевна Васильева, доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n52basil@gmail.com

Юрий Васильевич Косов, доктор философских наук, заместитель директора, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

Для цитирования:

Васильева Н. А., Косов Ю. В. Современные тренды ганзейских традиций в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 142—155. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-8.

MODERN HANSEATIC TRENDS IN THE BALTIC REGION

N. A. Vasilyeva¹

Yu. V. Kosov²

¹ *North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57/43 Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia.*

² *Saint-Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia*

Submitted on June 15, 2016

A critical analysis of Hanseatic traditions may produce consequential methodological material for the study of the 21st century Baltic regionalisation. Current trends in the development of the Baltic region, whose academic analysis is impossible without considering earlier cases of successful interactions between the peoples of the Baltic Sea region, necessitate political, economic, and historical research on the strengths and weaknesses of the Hanseatic League. Unfortunately, in the 21st century, the Baltic region turned into a stage for geopolitical controversies. This took a toll on the efficiency of cooperation between the cities of Russia's North-West and their Baltic counterparts. Therefore, it is important to seize the opportunities provided by the information society and focus on the innovative areas of regional cooperation. An interesting example is the partnership between Baltic universities, which is aimed to draw up an international agenda for sustainable regional development. Baltic cities are involved in various forms of cross-border cooperation, providing opportunities for interstate relations and contributes to laying down cross-

border cooperation roadmaps and developing civil society networks. It can be concluded, that the history of the Hanseatic League and its current incarnation — the New Hanse — testify to the fact that productive economic, cultural, and other relations can be established between states but also between cities and universities, thus contributing to closer economic, political and cultural ties between the peoples of the Baltic region.

Key words: Baltic region, Hanseatic League, city diplomacy, Baltic Sea, cooperation, sustainable development

References

1. Anishenko, A.G., Sergunin A.A. 2012, Twin cities: a new form of cross-border cooperation in the Baltic Sea Region? *Balt. Reg.*, Vol. 4, no. 1, p. 19—27. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-1-3.
2. City Twin Association Strategy 2010—2020, 2009, *Narva*, available at: <http://www.citytwins.org/en/page/5/> (accessed 15.04.2016).
3. Voinov, D. The Hanseatic League, *Senator*, Information-analytical journal, available at: <http://www.senat.org/Germany/Integra-14.html> (accessed 10.04.2016). (In Russ.)
4. Union of Russian Hanseatic Cities, available at: <http://hansarus.org/media> (accessed 15.05.2016). (In Russ.)
5. Zemtsov, S. P., Baburin, V.L. 2016, Assessment of the potential of the economic and geographic location of the regions, *Ekonomika regiona* [Economy of the region], Vol. 12, no. 1, p. 117—138. DOI: 10.17059/2016-1-9. (In Russ.)
6. Nechiporuk, D. 2014, *Pogranichnye zemli, obshchie vody: istoriya transgrannichnogo sotrudnichestva Rossii, Baltiiskikh stran i ES po ozdorovleniyu ekosistemy Baltiiskogo morya* [Border lands, common waters: the history of cross-border cooperation between Russia, the Baltic States and the EU on the rehabilitation of the Baltic Sea ecosystem], St. Petersburg. (In Russ.)
7. Kapaciauskaite, I. 2011, Environmental governance in the Baltic Sea Region and the role of non-governmental actors, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, Vol. 14, p. 90—100.
8. Ionov V. V., Kropinova Ye. G. 2010, «The Baltic University» programme on the eve of its 20th anniversary, *Balt. Reg.*, Vol. 2, no. 3, p. 70—74. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-3-10.
9. Union of the Baltic cities, available at: <http://www.ubc.net/> (accessed 15.04.2016).
10. Kropotkin, P.A. 2002. In: Balandina, R.K. (Compil. and Preface) *Anarkhiya* [Anarchy], Moscow, 576 p. (In Russ.)
11. Lesnikov, M.P. 1948, The Hanseatic trade in furs at the beginning of the 15th century, *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V. P. Potemkina* [Scientific notes of the Moscow city pedagogical institute], Vol. VIII, p. 61—93. (In Russ.)
12. Volk, E.S. 2004, Freedom of trade between Russia and Western Europe: from the Hanseatic League to the European Union, *Report at the meeting of the Mont Pelerin Society on April 4, 2004 (Hamburg)*, available at: <http://hayek.ru/konf02.html> (accessed 10.04.2016). (In Russ.)
13. Martin, L., Prokkola, E.-K., Saarinen, J., Zimmerbauer, K. 2015, Regions, borders and identity in a relational and territorial world, *Nordia Geographical Publications*, Vol. 44, no 4, p. 1—4.

14. Interim report on the implementation of the study «The Baltic Sea Region in the focus of development strategies of the European Union and the Russian Federation», 2012, *Center for Cross-Border and Interregional Cooperation of the Higher School of Economics, St. Petersburg*, available at: http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2000/02/Promezhutochnyy-otchyot-issledovaniya_21.03.2012.pdf (accessed 14.04.2016). (In Russ.)
15. Musterd, S., Marcińczak, S., van Ham, M., Tammaru, T. 2016, Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich, *Urban Geography*, p. 1—22. DOI: 10.1080/02723638.2016.1228371.
16. Simonyan, R. 2011, Russia and EU: Baltic Potential of Economic Integration, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 4, p. 48—59, available at: http://www.imemo.ru/en/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=1247&jid=49&jj=49 (accessed 14.04.2016).
17. Council of the Baltic Sea States Strategy on Sustainable Development 2010—2015, 2011, *The International Permanent Secretariat of Council of the the Baltic Sea States*, available at: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2013/04/strategy-english.pdf> (accessed 15.04.2016).
18. Shlapeko, E. A. 2012, The role of urban elites and the sister city movement in the formation of cross-border regions (on the example of the development of external relations of the Petrozavodsk urban district, the Republic of Karelia), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky], no. 4 (1), p. 374—380. (In Russ.)
19. Shli, K. 2015, XIII Parliamentary Forum of the Southern Zone of the Baltic Sea, *Vestnik rossiiskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], no. 3(75), p. 38—39. (In Russ.)
20. Shtenzel, A. 2002, Chapt. 2. The Baltic Sea and the Hanseatic Sea Alliance. In: *Istoriya voyn na more* [History of wars at sea], T. 1, Part 2. Poyavlenie parusnykh voennykh flotov [The appearance of sailing military fleets], Moscow. (In Russ.)
21. Kochegarova, T.M., Simonyan, R.H. 2009, *New Hanseatic League — the best format for cooperation between Russia and the EU, Vlast' [Power]*, no. 12, p. 14—21. (In Russ.)

The authors

Prof Natalya V. Vasilyeva, Department of World Politics, St.-Petersburg State University, Russia.

E-mail: n52basil@gmail.com

Prof Yuri V. Kosov, Deputy Director, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

To cite this article:

Vasilyeva, N.A., Kosov, Yu. V. 2017, Modern Hanseatic Trends in the Baltic Region, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 142—155. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-8.

**К ВОПРОСУ
ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ
СВЯЗЕЙ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ РФ
С СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫМИ
ВОЕВОДСТВАМИ ПОЛЬШИ:
ПРОГРАММНЫЙ ПОДХОД**

**Д. А. Миронюк¹
К. Женгота²**

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

² Варминьско-Мазурский университет
в Ольштыне
10-719, Польша, Ольштын,
ул. М. Очаповского, 2.

Поступила в редакцию 30.01.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-9

© Миронюк Д.А., Женгота К., 2017

Рассматривается история развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши в период с 1946 по 2016 год. Целью работы стало определение основных результатов российско-польского приграничного сотрудничества в условиях смены исторических и политических парадигм в Балтийском регионе. Авторами проведен краткий исторический анализ этой сферы внешних взаимоотношений. Генезис интеграционных связей на уровне приграничных регионов рассмотрен в контексте выделения основных направлений и инструментов взаимодействия. В своем исследовании авторы опирались на научные работы российских (советских) и польских исследователей, межправительственные соглашения, программы приграничного сотрудничества России и ЕС, материалы экспертных интервью и аналитические доклады по теме. Особое внимание уделено программному формату реализации межрегионального и приграничного сотрудничества как наиболее эффективной форме взаимодействия в сфере усиления интеграционных связей и социально-экономического развития приграничных территорий. В результате оценки основных достижений сотрудничества в данной сфере авторы делают общий вывод об успешности российско-польского приграничного сотрудничества и необходимости в перспективе построения эмпирико-ориентированной модели российско-польских отношений на долгосрочный период с учетом многолетнего практического опыта сотрудничества Калининградской области РФ с польскими воеводствами.

Ключевые слова: Россия, Европейский Союз, российско-польские отношения, приграничное сотрудничество, Калининградская область РФ, северо-восточные воеводства Польши, пограничные переходы

Введение

Развитие взаимосвязей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши на протяжении всей их истории в значительной степени зависело от внешнеполитических факторов: сначала ими были советско-польские, а затем — российско-польские отношения. Существенное влияние на взаимодействие сторон оказывали также условия, в рамках которых развивалось международное сотрудничество и функционировали механизмы межгосударственных связей, сформировавшиеся в послевоенном мировом устройстве [35]. Сегодня, в потоке глобальных интеграционных процессов и мировой кооперации, де-юре существующая Ялтинско-Потсдамская система международных отношений постепенно теряет свою актуальность. В этом контексте особенно важное значение приобретают механизмы международного сотрудничества на региональном и локальном уровнях. Большой опыт такого сотрудничества есть у Калининградской области Российской Федерации (до 1991 года — РСФСР) и северо-восточных воеводств Польши. Необходимо выделить два наиболее ярко очерченных периода этого сотрудничества: первый — с 1946 по 1991 год, когда любые международные связи Калининградской области сильно ограничивались по причине закрытого статуса региона в составе СССР; второй — после 1991 года, когда регион стал открытым для внешних контактов, а естественными партнерами в этом плане стали приграничные воеводства Польши. Одно из важнейших исторических событий с позиций данной статьи — вступление Польши в Европейский Союз, создавшее новые институциональные и программные условия трансграничного сотрудничества с Калининградской областью РФ. Впоследствии именно программный формат российско-польского приграничного сотрудничества стал главным инструментом для анализа и оценки уровня взаимоотношений региона с северо-восточными воеводствами Польши.

Развитие интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши в 1946—1991 годах

Период развития советско-польских приграничных связей на границе с Калининградской областью с 1946 по 1991 год стал темой исследования ряда российских и польских историков, стремившихся продемонстрировать эволюцию, которую совершило само понятие межрегионального сотрудничества в годы «советско-польской дружбы» [20; 24; 32; 36]. Необходимо подчеркнуть, что одновременно сильной и слабой стороной сложившейся ситуации стало единообразие происхождения советско-польских регионов, возникших на территории бывшей Восточной Пруссии после Второй мировой войны. Жители Калининградской области РСФСР и северо-восточных польских воеводств начали обживать новые земли в схожих экономических и культурно-ис-

торических условиях, большинству из них пришлось пойти на определенный риск, покинув традиционные места проживания и переехав в поисках лучших условий жизни для своих семей. В этом контексте В. М. Кузьмин, рассматривая советско-польские взаимоотношения сквозь призму сотрудничества партийных и общественных объединений, сообщал об исключительных особенностях исторического, экономического и политического развития смежных регионов СССР и Польши: «Указанные регионы соединены общей системой шоссейных и железных дорог, у них единые мелиоративная и энергетическая системы. Если в заселении вновь созданной Калининградской области принимали участие выходцы из 20 областей и 3 автономных республик РСФСР, а также 6 областей Белоруссии, то и вновь созданные польские воеводства заселялись выходцами из всех воеводств Польши, а также репатриантами из СССР» [7, с. 7].

Ослабление командно-административных барьеров и начало периода хрущевской оттепели привело к положительным переменам в плане открытости советского государства для внешних контактов с союзниками по социалистическому лагерю. Это подтверждает и П. П. Полх, подчеркивая, что официальной точкой отсчета в советско-польском приграничном сотрудничестве следует считать 30 июня 1956 года, когда был подписан договор между СССР и ПНР о сотрудничестве в промышленной, культурной и других сферах. Специальное постановление ЦК КПСС в августе 1956 года определило необходимость сотрудничества Калининградской области и Ольштынского воеводства [14, с. 140]. Образованные в новых границах Эльблонгское и Сувалкское воеводства присоединились к сотрудничеству с советской областью после административно-территориальной реформы — в 1975 году. Как отмечает Войцех Модзелевски, современная российско-польская сухопутная граница сформировалась только в 1999 году и составила 209,83 км. Последний западный фрагмент границы пересекает Калининградский (Вислинский) залив и формирует общую морскую границу протяженностью 22,21 км [38, с. 9].

Работая над периодизацией развития советско-польского приграничного сотрудничества, В. М. Кузьмин аргументировал количественный и качественный рост двусторонних связей между Калининградской областью РСФСР и приграничными воеводствами ПНР данными из советских партийных документов. Анализ и выводы были противоречивы: «Так, если в 1956 г. в Ольштынском воеводстве побывали 163 калининградца, в 1970 г. область и воеводство обменялись 29 делегациями и группами, в составе которых было 469 человек от каждой стороны, а в 1978—1979 гг. в воеводства были направлены 99 делегаций и групп в составе 1704 человек и приняты в Калининградской области 94 делегации и группы общей численностью 1674 человека, то за два года (1986—1987) в воеводства и область выезжали по три тысячи человек в составе 500 делегаций и групп, что явилось наивысшим показателем за минувшие тридцать лет сотрудничества» [7, с. 258].

Польские исследователи из Гданьского университета, Р. Анисевич и Т. Пальмовски, объясняют столь незначительное количество пересечений границы исключительной политизированностью контактов. Участие в поездках принимали группы, состав которых согласовывался руководством партийных и производственных организаций, очень часто видящих своей основной целью пропагандистскую работу. Тему развивает О. А. Шашкова, которая, рассматривая российско-польскую археографию, отмечает, что из 150 сборников документов, посвященных русско-польским отношениям, опубликованных в 1920—1990 годы, 45 % составляли пропагандистские сборники о социалистическом строительстве и коммунистическом движении в XX веке [27, с. 66].

Опираясь на данные польских государственных учреждений, Р. Анисевич и Т. Пальмовски пишут о 233 тыс. пересечений советско-польской границы в период с 1956 по 1989 год, при этом отмечая, что 57 % пересечений пришлось на период так называемой перестройки 1988—1989 годов [28, с. 17].

Важно осознавать, что возможность свободного пересечения советско-польской границы для жителей Калининградской области отсутствовала, регион был закрытым, и все международные связи сводились к формализованным отношениям. При этом необходимо согласиться, что даже то незначительное количество контактов, которое существовало между калининградцами и жителями приграничных воеводств Польши, способствовало сглаживанию чувства изолированности, развивало культурный и товарный обмен, а также сказывалось на внедрении организационных и технических новаций. Польский историк Е. Войновский говорит о том, что вышеуказанные взаимные контакты существенным образом сдерживали развитие ксенофобии и способствовали разрушению стереотипов, существующих у жителей приграничных регионов [44, с. 56].

Представляется, что искусственное сдерживание развития двусторонних контактов во многом было результатом действий властей именно на местах, опасавшихся вызвать недовольство центра излишней открытостью и активностью в налаживании связей с соседями. Но были и определенные достижения. Среди них разработка Калининградским областным и Ольштынским воеводским комитетами партии четырехлетней программы сотрудничества на период 1987—1990 годов. Протокол об основных направлениях развития связей между областью и воеводством на период до 1990 года, вытекающих из Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры был подписан сторонами 27 мая 1987 года [7]. С точки зрения истории международных отношений данный документ, обозначивший первые шаги приграничных регионов по закреплению четких программных направлений сотрудничества, является знаковым. Это объясняется тем фактом, что действие данной программы, невзирая на коллизии в российско-польских отношениях и неоднократную смену власти, продлевается уже на протяжении 29 лет. Последней из цепочки стала Программа сотрудничества между Калининградской областью РФ и Варминь-

ско-Мазурским воеводством Республики Польша, подписанная временно исполняющим обязанности губернатора Калининградской области Антоном Алихановым и маршалком Варминьско-Мазурского воеводства РП Густавом Бжезином 15 декабря 2016 года в Калининграде [2].

В контексте развития приграничных связей с Польшей того исторического периода нельзя не отметить активную роль сотрудничества муниципальных образований. В 1977 году в ознаменование многолетнего сотрудничества и дружбы между Калининградской областью, Ольштынским и Эльблонгским воеводствами Польши (связи между муниципалитетами были официально установлены в 1959 году, когда города Калининград, Ольштын и Эльблонг стали городами-побратимами) на проспекте Калинина в Калининграде был торжественно открыт «Памятный знак советско-польской дружбы» работы скульптора Е. А. Попова [13]. В настоящий момент памятник посещается жителями и гостями города и находится под государственной охраной (в статусе объекта культурного наследия местного (муниципального) значения). До сегодняшнего дня в Калининграде существуют улицы Ольштынская и Эльблонгская, при том, что существовавшая в Ольштыне до 1990-х годов улица Калининградская была переименована городскими властями в Дворцовую (Вокзальную) [41].

Рис. 1. Памятный знак советско-польской дружбы в Калининграде [8]

В целом сотрудничество Калининградской области с приграничными воеводствами Польши до 1991 года можно оценить как условно хорошее. Существенным ограничением в развитии двусторонних связей, в особенности в сфере личных контактов между гражданами, был закрытый статус территории региона. Несмотря на это, необходимо отметить, что в тот период развивалось сотрудничество на уровне учрежде-

ний образования и культуры. Это представляло собой существенный задел для продолжения сотрудничества в новых условиях международных отношений, возникших после распада СССР и смены геополитического положения Калининградской области РФ.

Правовые и институциональные основы сотрудничества после 1991 года

Начало 1990-х годов стало настоящим вызовом для большинства территорий бывшего СССР. Разрыв устоявшихся социально-экономических и производственных связей привел к потере политических ориентиров на многих направлениях. Калининградская область РФ перестала быть закрытой территорией, ограничения на взаимные пересечения российско-польской границы были сняты. В результате в первой половине 90-х годов XX века начали активно развиваться торговые контакты россиян и поляков. По данным польской пограничной службы, количество пересечений российско-польской государственной границы начиная с 1991 года поступательно росло и в 1997 году достигло своего первого пика, превысив цифру в 5 млн человек [28, с. 19]. Этому способствовало не только ослабление административных барьеров, но и начало совместных действий по инфраструктурным проектам (автомобильное и железнодорожное сообщение, перевалка грузов в морских портах и т. д.). В 1992 году был заключен «Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о погранпереходах», который устанавливал на российско-польской государственной границе следующие погранпереходы [4]:

- 1) железнодорожные:
 - а) Мамоново — Бранево;
 - б) Багратионовск — Бартошице;
 - в) Железнодорожный — Скандава;
- 2) автодорожные:
 - а) Мамоново — Гроново;
 - б) Мамоново — Гжехотки;
 - в) Багратионовск — Безледы;
 - г) Гусев — Голдап.

Впоследствии, 7 декабря 2010 года, в связи с увеличившимся количеством пересечений границы и загруженностью действующих российско-польских погранпереходов был открыт международный автомобильный пункт пропуска Мамоново 2 — Гжехотки.

Снижение показателей приграничного передвижения между Калининградской областью и северо-восточными воеводствами Польши было характерно для периодов, отмеченных экономическими кризисами и падением курсов национальных валют в 1998 и 2008 годах [28].

Формальным закреплением принципов взаимного сотрудничества в новых геополитических условиях стало подписание 22 мая 1992 года

«Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша» [19], действующее уже четверть века. Примечательно то, что первым дипломатическим представителем иностранного государства на территории Калининградской области РФ стало именно Генеральное консульство Республики Польша, открывшееся 7 мая 1992 года. Первым дипломатическим представителем Польши в Калининграде в ранге генерального консула — полномочного министра стал Ежи Бар [26].

Определенного рода феноменом развития международных отношений в 1990-х годах стало существование представительств субъектов РФ за рубежом. В тот период постсоветского хаоса Москве было просто некогда вникать в международные инициативы регионов, а федеральный закон №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» был принят только 4 января 1999 года [22]. В истории международных связей Калининградской области РФ было три зарубежных представительства: в Польше, Литве и Беларуси. Наиболее активным было Представительство Калининградской области в Польше, созданное распоряжением главы областной администрации Ю. Маточкиным 16 сентября 1992 года. Первым представителем региона в Польше был О. Турушев, в дальнейшем — Ю. Анненков (1996—2004) и Ю. Рожков-Юрьевский (2004—2007) [17].

Работа Представительства Калининградской области в 1997—2000 годы была обусловлена тем, что в Польше вступило в действие новое административно-территориальное деление, приступили к работе новые органы самоуправления, произошло вступление в НАТО (в 1999 году) и велась активная подготовка к вступлению в ЕС (состоялось в 2004 году), в том числе в части, касающейся новых визовых правил [45]. Произошли коренные изменения в аппаратах воевод и сеймиках. По итогам административной реформы юридическую силу утратили все двусторонние соглашения Калининградской области РФ с воеводствами Польши. В этих условиях одной из главных задач Представительства стало установление контактов с новыми руководителями воеводств и проведение работы по подготовке новых соглашений о сотрудничестве. Как результат, взамен ранее существовавших соглашений с Ольштынским и Гданьским воеводствами в 2001 году были подписаны соглашения о сотрудничестве Калининградской области с Варминьско-Мазурским и Поморским воеводствами. Незакрепленные международными соглашениями контакты осуществлялись с Лодзинским, Любельским, Подляским и Подкарпатским воеводствами.

В 2007 году губернатор Калининградской области Г. Боос, ввиду нецелесообразности, принял решение об упразднении представительства Калининградской области за рубежом [11]. С позиций сегодняшнего дня, вывод о нецелесообразности работы регионального Предста-

вительства в Польше представляется необоснованным. Некорректно также утверждать, что Представительство дублировало функционал российского посольства и консульства за рубежом. Общеизвестно, что дипломатическое учреждение по причине ряда особенностей в первую очередь является государственной миссией, которая реализует внешнеполитические задачи на общегосударственном уровне. В случае Представительства Калининградской области задача состояла в развитии приграничных контактов с регионами Польши, точечной работе по возобновлению, созданию и поддержанию торгово-экономических, культурно-исторических, научных и других, именно **местных** связей.

Одновременно с открытием Представительства области в Польше в 1992 году началась активная работа ряда российско-польских консультативных органов, в первую очередь Российско-польского совета по сотрудничеству Калининградской области Российской Федерации и регионов Республики Польша, первое заседание которого состоялось в октябре 1994 года в Светлогорске, а последнее (16-е) — 5 октября 2016 года в Ольштыне [1]. Практическая работа Совета строилась на параллельной работе 12 комиссий по профильным вопросам, среди которых: пограничные переходы, борьба с преступностью, охрана окружающей среды и комплексное использование Калининградского (Вислинского) залива; использование средств Евросоюза и др. Большую роль в эффективности работы Совета играло участие в нем высокопоставленных политических фигур: с российской стороны — губернатора Калининградской области РФ, а с польской (до недавнего времени) — заместителя министра внутренних дел Польши.

Программный формат сотрудничества

Активное развитие российско-польских приграничных контактов в 90-е годы послужило логичным началом программного формата сотрудничества сторон. Нередко этот процесс был включен в комплексное взаимодействие регионов Балтийского моря. В качестве одного из первых межрегиональных механизмов такого рода стал институт еврорегионов [33, с. 267]. Само название «еврорегион» означает отдельный европейский регион, расположенный на пограничье, либо несколько граничащих между собой европейских государств. Происхождение термина относится к старейшей европейской инициативе трансграничного сотрудничества «Euroregio», которая была учреждена в 1958 году и охватывала территорию немецко-голландского приграничья [42, с. 96]. Много позже, в феврале 1998 года, был создан еврорегион «Балтика» (ЕРБ), куда, помимо приграничных территорий Дании, Латвии, Литвы, Польши и Швеции, вошла Калининградская область РФ. Он стал первым регионом, в который формально был включен партнер из Российской Федерации [37].

Рис. 2. Территория еврорегиона «Балтика» [3]

Еврорегион «Балтика» стал своего рода «хабом» для трансграничных контактов между простыми гражданами, политиками, партнерами в области экономики и общественной деятельности, государственными и образовательными учреждениями. Также еврорегион выполнял управляющую функцию в реализации программы ФАРЕ (PHARE). В 1999—2006 годы, по информации секретариата ЕРБ, программа ФАРЕ состояла из двух направлений: одно — по сотрудничеству в регионе Балтийского моря, второе — по сотрудничеству с Калининградской областью РФ. Более 6 млн евро в качестве грантов получили заявители из 10 стран, которые реализовали 225 проектов в области поддержки малого и среднего предпринимательства и образовательных организаций, продвижения проектов по молодежному обмену, организации спортивных и культурных мероприятий, конференций, семинаров и тренингов [29].

Одной из важнейших задач ЕРБ следует считать реализацию стратегических инициатив, направленных на устойчивое развитие регионов, задействованных в сотрудничестве. Несмотря на многие скептические высказывания по отношению к эффективности работы самого института еврорегионов, сегодня очевидно, что еврорегион «Балтика» стал важной политической платформой, нацеленной на действенное продвижение общих интересов на различных уровнях региональных и национальных администраций и Европейского союза. В качестве осязаемых результатов можно отметить влияние ЕРБ на принятие ряда резолюций по общей проблематике Балтийского региона (политика ЕС в области объединения, морской навигации, защиты окружающей среды и транспортной инфраструктуры). Также одним из важнейших резуль-

татов политического сотрудничества в рамках ЕРБ стало создание программы трансграничного сотрудничества в регионе Южной Балтики (South Baltic CBC Programme) [29].

Как отмечает в своем исследовании В. Ястржембска «ЕС считает еврорегионы одной из формул региональной политики, а также инструментом включения новых государств-членов в структуры объединенной Европы. Появление еврорегионов является следствием различных политических и экономических интересов. В положениях официальных документов ЕС еврорегионы должны служить общей пользе в результате консолидированных усилий вне государственных границ» [31, с. 103]. Как отмечалось выше, участие Калининградской области в еврорегиональных структурах находит как сторонников, так и скептиков. Этот институт стал первым трансграничным объединением, де-факто признавшим международное право Калининградской области наравне с регионами других Европейских государств участвовать в выработке общей политики Балтийского региона.

Вступление области в еврорегиональные структуры придавало уверенности в поддержке регионов-партнеров, сталкивающихся со схожими проблемами, что в условиях социально-экономической нестабильности было очень важным [46]. Общая сумма грантов, выделенных на проекты с 1998 по 2005 год только еврорегиона «Балтика», составила более 8,9 млн евро, что позволило профинансировать реализацию 240 проектов. Полученный опыт проведения международных встреч и реализации совместных проектов впоследствии оказался бесценным и позволил Калининградской области с ходу включиться в новую программную политику ЕС по отношению к приграничным регионам и заложить основы долгосрочности такого сотрудничества. Так, в 2017 году в соответствии с принципом ежегодной ротации президентские полномочия в еврорегионе «Балтика» от Калининградской области РФ перейдут шведскому региону Кальмар. В качестве приоритетных направлений сотрудничества выбраны молодежное сотрудничество, защита водных ресурсов и развитие туризма [5]. Важно отметить, что активность других еврорегионов с участием Калининградской области РФ и регионов Польши («Неман», «Шешупе» и «Лына-Лава») значительно уступала деятельности, осуществляемой в рамках еврорегиона «Балтика» и, как правило, сводилась к встречам представителей органов власти и совместным проектам общественной направленности.

Анализируя историю программного сотрудничества приграничных регионов-стран ЕС и Калининградской области РФ, необходимо понимать, что в разные годы, порой одновременно, на этом направлении межрегиональных отношений использовался ряд политических и финансовых инструментов с различными целями и критериями, порядком принятия решений и их осуществления в соответствии с различными законодательствами.

В 1990-е годы основным инструментом поддержки ЕС приграничного и межрегионального сотрудничества, финансируемым европейскими структурными фондами, стала инициатива ЕС ИНТЕРРЕГ, реализация которой началась в 1990 году. В дальнейшем были осуществлены программы ИНТЕРРЕГ I — 1990—1993 годы, ИНТЕРРЕГ II —

1994—1999 годы и ИНТЕРРЕГ III 2000—2006 годы [39]. На тот момент у Калининградской области не было сухопутных границ с Европейским союзом (до момента вступления в ЕС Польши в 2004 году), что предполагало включение региона в раздел межгосударственных программ по Балтийскому региону. В качестве обоснования приводилось мнение, что межгосударственное сотрудничество более масштабно по сравнению с приграничным и лучше отвечает нуждам морского региона на Балтике. О масштабе указанной европейской инициативы наглядно свидетельствует тот факт, что на завершающем этапе ИНТЕРРЕГ III в 2000—2006 гг. бюджет программы составил 4,875 млрд евро [10].

Параллельно с ИНТЕРРЕГ реализовывалась программа Тасис (TACIS — Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States), связывавшая ЕС с 13 государствами-партнерами в Восточной Европе и Средней Азии. Две программы координировались между собой, но существовали обособленно. Именно Тасис была изначально нацелена на реализацию проектов с регионами третьих стран, экономика которых находилась в переходном периоде. Здесь необходимо отметить, что функциональная часть программы Тасис создавалась в 1991 году европейскими структурами в большой спешке, без необходимой информации, опыта взаимодействия и устоявшихся связей в новообразованных независимых республиках.

Официально считалось, что в результате геополитических изменений, произошедших в результате распада СССР, на постсоветском пространстве возник огромный политический, экономический и социальных вакуум, который нуждался в заполнении в самом широком смысле [43]. Тасис состояла из национальных и многосторонних программ. Одной из таких многосторонних программ являлась программа приграничного сотрудничества с участием четырех государств-партнеров: России (в том числе Калининградской области), Беларуси, Молдовы и Украины. В период 1991—1999 годов в рамках программы Тасис было выделено 4,226 млн евро на более чем 3 000 проектов. В 2000—2006 годы бюджет программы составил 3,138 млн евро. В части взаимодействия с Российской Федерацией усилия Тасис были сосредоточены на поддержке институциональной, правовой и административной реформы, частного сектора и содействии экономическому развитию, поддержке мер по ослаблению социальных последствий переходного периода и ядерной безопасности.

В связи с расширением Европейского союза в мае 2004 года, вопросы европейского трансграничного сотрудничества были выделены в отдельный блок, впоследствии сформировавшийся в новый Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП). Административно ЕИСП был механизмом внешних отношений ЕС. В регламентах ЕС с 2006 года было прекращено использование термина ИНТЕРРЕГ, но неофициально он продолжал существовать в качестве определенного «бренда» (ИНТЕРРЕГ IV). В статусе российского эксклава, территориально расположенного среди государств-членов ЕС, Калининградская область РФ стала участником трехсторонней программы приграничного сотрудничества Литва — Польша — Россия 2007—2013. Необходимо подчеркнуть, что сама программа, по причине задержки подписания

финансовых соглашений между Россией и Европейской комиссией, фактически была утверждена в конце 2008 года и начала реализовываться только в начале 2010 года.

Рис. 3. Территория Программы Литва — Польша — Россия 2007—2013 [21]

Эта программа обладала достаточно сильной правовой основой, ядро которой составили Регламент (ЕК) № 1638/2006 Европейского парламента и Совета от 24 октября 2006 года, определяющий общие положения Европейского инструмента соседства и партнерства (Регламент ЕИСП), и Регламент (ЕК, Евроатом) № 1605/2002 от 25 июня 2002 года о Финансовом регламенте, применимом к общему бюджету Европейских сообществ. В преамбуле программы сообщалось, что ЕС проявляет особый интерес к Калининградской области, так как она окружена государствами-членами ЕС. Ее цель — обеспечение реализации социально-экономического потенциала Калининграда и окружающего его региона. Программа ПГС ЕИСП Литва — Польша — Россия призвана внести в решение этих задач местную и трансграничную перспективу, способную оказать «рычажный» эффект [18].

Общий бюджет программы составил около 146 млн евро, из которых свыше 124 млн были предоставлены из средств Европейского союза, а около 22 млн — из средств Российской Федерации. В рамках программы финансирование получили 60 проектов: 53 регулярных, отобранных для реализации на открытой конкурсной основе, а также 7 крупномасштабных стратегических.

Отдельно остановимся на крупномасштабных проектах, которые включали в себя работы, призванные стать ответом на конкретные общие проблемы жителей регионов Литвы, Польши и России, охваченных программой. Четыре крупномасштабных проекта были посвящены

охране окружающей среды, а именно улучшению экологического состояния реки Неман и Балтийского моря, устойчивому развитию прибрежной территории и улучшению состояния прибрежных вод Вислинского и Калининградского заливов, а также Гданьской бухты и Южной Балтики в целом. Оставшиеся три крупномасштабных проекта были нацелены на улучшение транспортной доступности региона, а их результатом стало дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры, ведущей к границе, и повышение уровня безопасности движения на пограничных пунктах пропуска между Калининградской областью, Польшей и Литвой (Калининград — Мамоново 2, Советск — Панемуне и Гусев — Голдап). Общий бюджет крупномасштабных проектов составил 78 418 млн евро, что позволило создать 12 новых инфраструктурных объектов, построить 22 км новых дорог, мостов и эстакад, проложить 64 км труб водопроводной ливневой и канализационной сетей и в целом удовлетворить запросы 2 млн жителей приграничных территорий [15, с. 149]. По словам руководителя объединенного технического секретариата программы М. Вожняк, «ЕИСП Литва — Польша — Россия 2007—2013 стала исключительной в силу характера политической ситуации, в которой она реализовывалась и функционировала в качестве связующего звена между ЕС и Россией. Программа сумела внести вклад не только в преодоление барьеров на пути устойчивого развития всего региона, но и в рост взаимопонимания и взаимодоверия между ЕС и Россией» [15, с. 5].

Официально завершение программы было объявлено в ходе финальной конференции ПГС ЕИСП «Литва — Польша — Россия 2007—2013» и конференции, посвященной открытию программы приграничного сотрудничества «Польша — Россия 2014—2020», которые состоялись в формате единого мероприятия 8 декабря 2016 года в Гданьске [12].

Рис. 4. Территория Программы Польша — Россия 2014—2020 [40]

Новая финансовая перспектива ЕС на 2014—2020 годы в рамках Европейского инструмента соседства (ENI) предусматривает разделение программы «Литва — Польша — Россия 2007—2013» на две отдельные программы: «Польша — Россия 2014—2020» и «Литва — Россия 2014—2020». Заявляется, что успешная реализация программы «Польша — Россия 2014—2020» в долгосрочной перспективе будет способствовать большей интеграции программной территории по обе стороны российско-польской границы (три польских воеводства: Поморское, Варминьско-Мазурское и Подляское, с российской стороны — Калининградская область). Бюджет программы «Польша — Россия 2014—2020» составляет 61,9 млн евро (41,3 млн евро из средств Европейского союза и 20,6 млн евро из средств Российской Федерации). Гранты будут предоставляться проектам, направленным на продвижение местной культуры и исторического наследия, защиту окружающей среды, улучшение транспортной и коммуникационной инфраструктуры, а также содействие управлению границами и обеспечению их безопасности. В свою очередь, программа «Литва — Россия 2014—2020» была утверждена 19 декабря 2016 года с общим объемом финансирования в 17 млн евро [30].

Заключение

Анализируя вопрос развития двусторонних связей Калининградской области с северо-восточными воеводствами Польши, необходимо рассмотреть два взаимосвязанных периода сотрудничества: 1946—1991 годы и после 1991 года. В первом историческом периоде сотрудничество ограничивалось объективными факторами, связанными, прежде всего, с закрытым характером территории Калининградской области и отсутствием механизмов сотрудничества на уровне личных контактов граждан по обе стороны границы. Существенному усилению контактов после 1991 года способствовало развитие правовой и институциональной базы российско-польского приграничного сотрудничества [36].

Очевидно, что в условиях охлаждения межгосударственных отношений между Россией и Европейским союзом сам факт запуска нового витка программ приграничного сотрудничества — большой успех. Необходимо отметить, что эффект реализации совместных проектов, как правило, не имеет политической окраски и самым непосредственным образом сказывается на социально-экономическом развитии приграничных регионов. Несмотря на всю положительность развития ситуации на этом направлении, надо подчеркнуть, что, по мнению ряда российских экспертов, «подвох» со стороны европейских партнеров может проявиться на стадии одобрения заявок на финансирование проектов в рамках программ. Представители европейских секретариатов могут по формальным признакам отклонять значимые для российской стороны проекты, в том числе крупномасштабные, тем самым обеспечивая лобби польских либо литовских проектов с дополнительным финансированием из бюджета России. В данном случае важную роль иг-

рает объективность подхода к проверке документов заявителей, а также профессионализм сотрудников секретариатов, наработанный на предыдущих этапах программы.

Учитывая консолидированное мнение российской и польской сторон о полном достижении заявленных целей основных инструментов ЕС по реализации межрегионального и приграничного сотрудничества в 1991—2016 годы в отношении Калининградской области, до сих пор остается непонятным одностороннее решение руководства Польши о приостановке режима местного приграничного передвижения (МПП) с 4 июля 2016 года. За четыре года функционирования МПП не было зафиксировано ни одного случая существенного нарушения установленных сторонами правил, а количество пересечений российско-польской границы и показатели внешнеторгового оборота достигли своих исторических максимумов [47]. Более того, в силу своей исключительности и достигнутых результатов по вкладу в социально-экономическое развитие приграничных территорий механизм МПП на границе России и Польши рассматривался в качестве аргумента в ускоренном продвижении к безвизовому режиму с ЕС [6, с. 40]. Представляется, что аргументация польской стороны, инициировавшей этот шаг, не может считаться логичной, а само решение мотивировано исключительно политически [34].

Жители северо-восточных воеводств Польши и Калининградской области РФ стали заложниками политической конъюнктуры, которая на протяжении многих лет вносила разлад в развитие российско-польских отношений. Политические циклы, характеризуемые сменой польских элит, приводили к разрыву годами нарабатываемых экономических и деловых связей, снижали темпы взаимной торговли и подрывали доверие сторон. Еще в 2012 году польские исследователи М. Хелминак и В. Котович отмечали, что подписание соглашения об МПП между Калининградской областью РФ и воеводствами Польши стало событием, которое нарушило ранее существовавший консенсус среди польских политических партий в отношении польско-российских отношений, касающихся региона. Уже тогда некоторые представители политической партии «Право и Справедливость» выразили несогласие с установкой преференциальных принципов местного приграничного движения и заявили о потенциальной военной угрозе Польше со стороны территории калининградского анклава [25, с. 77]. Следовательно, после победы правоконсервативных партий на парламентских выборах в Польше в 2015 году отмена режима МПП была лишь вопросом времени. Сейчас очевидно, что несмотря на неоднократные обращения польской общественности и представителей местного самоуправления в адрес Варшавы с требованием возобновить режим МПП, ситуация останется неизменной до очередной смены политического курса руководства Польши. В итоге Калининградская область РФ так и не стала главным приоритетом польской дипломатии в отношениях с Россией.

По мнению А. А. Сергунина, в период 2011—2013 годов из региона блокового противостояния, которым он был в годы холодной войны,

регион Балтийского моря превратился если и не в образцовый «регион сотрудничества», то в зону весьма оживленных и разнообразных контактов на государственных и негосударственных уровнях. Так, некоторые отечественные и зарубежные ученые даже называли его «экспериментальной площадкой», «лабораторией европейской интеграции», чтобы подчеркнуть уникальный и вместе с тем инновационный характер современной Балтики [16, с. 55].

В этом контексте именно Калининградская область РФ может послужить внешнеполитическим целям России и выступить в качестве политического регулятора российско-польских двусторонних отношений. Помимо роли регионального партнера, Польша — удобная площадка для выстраивания транзитных взаимосвязей по линии запад-восток. Это касается вопросов внешней торговли, научно-технического и культурного сотрудничества, туристского обмена и визового законодательства. Сегодня Калининградская область РФ находится в активной фазе подготовки к проведению матчей чемпионата мира по футболу в 2018 году. Несмотря на завершение с 1 января 2017 года эксперимента МИД России по выдаче краткосрочных 72-часовых туристических виз иностранным гражданам и лицам без гражданства на территории Калининградской области РФ [9], руководство региона работает над новыми механизмами безвизового въезда на территорию региона. Так, на этапе внесения в Правительство РФ находится проект поправок в федеральный закон «Об особой экономической зоне на территории Калининградской области». В нем для граждан иностранных государств, прибывающих в Российскую Федерацию через пункты пропуска, расположенные на территории особой экономической зоны в Калининградской области, Правительство Российской Федерации планирует установить упрощенный порядок оформления однократных обыкновенных деловых, туристических и гуманитарных виз на срок действия до 30 дней с разрешенным сроком пребывания в Российской Федерации до 8 суток. Предусматривается возможность их выдачи в форме электронного документа на основании решений федерального органа исполнительной власти, ведающего вопросами иностранных дел, о выдаче иностранным гражданам виз, принятых по заявлениям в форме электронного документа указанных граждан [23].

Учитывая многолетний практический опыт сотрудничества Калининградской области РФ с польскими воеводствами, в перспективе представляется необходимым построение эмпирико-ориентированной модели российско-польских отношений на долгосрочный период. Принципами этой модели, по мнению авторов, должно стать усиление роли «калининградского фактора» в формировании внешнеполитических стратегий Москвы на польском направлении, использование региона в качестве площадки для международных саммитов и встреч на высшем уровне, значимых научных и культурных мероприятий, размещения в Калининграде центров российско-польского диалога и т. д. Такой подход, в случае приложения усилий сторон, позволит создать в регионе атмосферу международной открытости и прийти к устойчивым компромиссам по сложным вопросам двусторонних отношений.

Список литературы

1. Алла Иванова: Наилучшие условия для сохранения безопасности — это создание климата доверия // Правительство Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://gov39.ru/news/101/106411/> (дата обращения: 20.01.2017).
2. Антон Алиханов: В непростой период российско-польских отношений продолжается взаимодействие региона с соседними воеводствами // Правительство Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://gov39.ru/news/101/108786/> (дата обращения: 17.01.2017).
3. Генеральное консульство Российской Федерации в Клайпеде (Литовская Республика) : [официальный сайт]. URL: <http://www.klaipeda.mid.ru/img/euroregion.gif> (дата обращения: 19.01.2017).
4. Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о погранпереходах от 22 мая 1992 года // Бюллетень международных договоров. 1993. № 10. С. 48—50.
5. Калининградская область передает шведской стороне председательство в Еврорегионе «Балтика» // Правительство Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://gov39.ru/news/101/108914/> (дата обращения: 23.01.2017).
6. Кретинин Г. В., Миронюк Д. А. Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории // Балтийский регион. 2014. № 4(22). С. 30—47.
7. Кузьмин В. М. Участие местных партийных и общественно-политических организаций в развитии советско-польского приграничного сотрудничества. 1950—80-е годы (на материалах Калининградской области, Ольштынско-го и Эльблонгского воеводств) : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 1991. С. 308.
8. Муниципальное казенное учреждение культуры «Центр охраны памятников» // Администрация городского округа «Город Калининград» : [официальный сайт]. URL: <http://www.klgd.ru/social/culture/memory/foto/34.jpg> (дата обращения: 20.01.2017).
9. О прекращении эксперимента по выдаче краткосрочных виз — «туризм 72 часа» // Представительство Министерства иностранных дел Российской Федерации в Калининграде : [официальный сайт]. URL: http://kaliningrad.mid.ru/mainpage/-/asset_publisher/Ee74EIHVsjJH/content/ob-izmenenii-poradka-vruceniya-sudebnyh-i-nesudebnyh-dokumentov-v-litovskoj-respublike?inheritRedirect=false&redirect=http%3A%2F%2Fkaliningrad.mid.ru%2Fmainpage%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_Ee74EIHVsjJH%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения: 19.01.2017).
10. Объединение финансирования программ Тасис и ИНТЕРРЕГ // European Commission : [официальный сайт]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/interreg3/documents/tacis_ru.pdf (дата обращения: 23.01.2017).
11. Оптимизация структуры призвана повысить эффективность работы регионального правительства на международном направлении // Правительство Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://gov39.ru/news/101/26250/> (дата обращения: 20.01.2017).
12. Открыта регистрация на программную конференцию в Гданьске // Lithuania-Poland-Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013 : [официальный сайт]. URL: <http://www.lt-pl-ru.eu/ru,news,317> (дата обращения: 20.01.2017).

13. *Памятный* знак советско-польской дружбы // Администрация городского округа «Город Калининград» : [официальный сайт]. URL: <http://www.klgd.ru/social/culture/memory/compare12.php> (дата обращения: 19.01.2017).
14. *Полх П. П.* Калининградский обком КПСС и организация сотрудничества СССР и ПНР в 1956—1970 гг. // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 10(126). С. 139—144.
15. *Результаты* Программы приграничного сотрудничества (ЕИСП) Литва — Польша — Россия 2007—2013. Варшава, 2016. С. 165.
16. *Сергунин А. А.* Россия и Европейский союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 53—66.
17. *Согласована* кандидатура нового представителя Калининграда в Польше // Информационное агентство REGNUM : [сайт]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/361416.html> (дата обращения: 19.01.2017).
18. *Согласованность* с политикой и целями Европейских Сообществ // Lithuania-Poland-Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013 : [официальный сайт]. URL: <http://www.lt-pl-ru.eu/ru,1,6> (дата обращения: 20.01.2017).
19. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве северо-восточных воеводств Республики Польша и Калининградской области Российской Федерации // Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница) : [официальный сайт]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/en/node/3181> (дата обращения: 17.01.2017).
20. *Столяров О. А.* Влияние исторической памяти на польско-российские отношения (1989—2009 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 397.
21. *Территория* Программы // Lithuania — Poland — Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013 : [официальный сайт]. URL: <http://www.lt-pl-ru.eu/ru,1,4> (дата обращения: 20.01.2017).
22. *О координации* международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (дата обращения: 30.01.2017).
23. *Федеральный портал* проектов нормативных правовых актов : [официальный сайт]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npr=46298> (дата обращения: 17.01.2017).
24. *Федоров Г. М., Корнеевец В. С.* Балтийский регион: социально-экономической развитие и сотрудничество : монография. Калининград, 1999. С. 208.
25. *Хелминак М., Котович В.* Внешняя политика Польши и Калининградской области в период 1989—2012 гг. // Балтийский регион. 2012. № 4 (14). С. 72—81.
26. *Хроника* Генерального консульства Республики Польша в Калининграде // Генеральное консульство Республики Польша в Калининграде : [официальный сайт]. URL: http://www.kaliningrad.msz.gov.pl/ru/consulate/historical_background/chronicle/chronicle (дата обращения: 19.01.2017).
27. *Шашкова О. А.* Россия и Польша: сквозь призму советских публикаций // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4. С. 64—67.
28. *Anisiewicz R., Palmowski T.* Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji bałtyckiej // Prace i Studia Geograficzne. 2016. Т. 61, з. 1. С. 13—28.
29. *Background* // Euroregion Baltic : [официальный сайт]. URL: <http://www.eurobalt.org/category/s19-about-erb/c42-background/> (дата обращения: 23.01.2017).

30. European Commission approves Joint Operational Programme „Lithuania — Russia 2014—2020” // The Lithuania — Russia Cross-border Cooperation Programme 2014—2020 : [официальный сайт]. URL: <http://www.eni-cbc.eu/lr/en/news/european-commission-approves-joint-operational-programme-lithuania-russia-2014-2020/85> (дата обращения: 21.01.2017).
31. *Jastrzębska W.* Rola euroregionów i współpracy transgranicznej w procesie integracji europejskiej // Spójność ekonomiczna a modernizacja regionów transgranicznych. 2008. S. 95—105.
32. *Kretinin G. V., Mironyuk D. A., Tarasov I. N., Kuznetsova T. Y.* Dialogue of the borderland: from Euro Regions to Local Border Traffic. Political and geographical aspects // International Journal of Environmental & Science Education. 2016. Vol. 11, № 17. P. 10485—10492.
33. *Lepik K.-L.* Euroregions as mechanisms for strengthening cross-border cooperation in the Baltic Sea region // Trames. 2009. № 13. P. 265—284.
34. *Modzelewski T.* Zawieszenie małego ruchu granicznego z Rosją ma charakter polityczny — przyznaje PiS // Dziennik Bałtycki : [новостной интернет-портал]. URL: <http://www.dziennikbaaltycki.pl/wiadomosci/a/zawieszenie-malego-ruchu-granicznego-z-rosja-ma-charakter-polityczny-przyznaje-pis,10492902/> (дата обращения: 23.01.2017).
35. *Modzelewski W. T., Żukowski A.* Kategoria pogranicza w politologii. Aspekty teoretyczne i praktyczne // Pogranicze. Polish Borderlands Studies. № 1. Opole, 2013. S. 36—38.
36. *Modzelewski W. T.* Polska — Obwód Kaliningradzki FR. Polityczne uwarunkowania współpracy transgranicznej : monografia. Olsztyn, 2006.
37. *Modzelewski W. T.* Polskie euroregiony formą integracji europejskiej // Szkice europejskie: Unia Europejska wobec wyzwań współczesności / red. B. Gaziński. Olsztyn, 2015. S. 175—188.
38. *Modzelewski W. T.* Polsko-rosyjskie pogranicze — od regionu izolowanego do transgranicznego // Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. 2015. № 1. S. 5—24.
39. *Olejniczak K.* Mechanizmy wykorzystania ewaluacji. Studium ewaluacji średniookresowych Interreg III. Warszawa, 2008. S. 105—122.
40. *Poland — Russia CBC Programme 2014—2020* // Serwis Programów Europejskiej Współpracy Terytorialnej i Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa : [официальный сайт]. URL: https://www.ewt.gov.pl/media/20914/projekt_Programu_Polska-Rosja_jezyk_angielski.pdf (дата обращения: 21.01.2017).
41. *Sierocińska Ewa* Olsztyn. Kolejna zmiana nazw ulic? // Naszemiasto.pl : [новостной интернет-портал]. URL: <http://olsztyn.naszemiasto.pl/archiwum/olsztyn-kolejna-zmiana-nazw-ulic,161165,art,t,id,tm.html> (дата обращения: 17.01.2017).
42. *Szymański J.* Podstawowe instrumenty prawne współpracy transgranicznej w ramach Rady Europy // Białostockie Studia Prawnicze. 2011. № 9. S. 90—109.
43. *The European Commission’s Tacis Programme 1991—2006* // European Commission : [официальный сайт]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/tacis_success_story_final_en.pdf (дата обращения: 20.01.2017).
44. *Wojnowski E.* Obwód Kaliningradzki Federacji Rosyjskiej — od obszaru zamkniętego ku rejonowi współpracy (1946—2006) // Biblioteka Olsztyńska. 2006. № 53. S. 155.
45. *Żęgota K.* Bilans polskiego przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej w kontekście Obwodu Kaliningradzkiego Federacji Rosyjskiej // Prezydencja Polski w Radzie Unii Europejskiej / red. J. Fiszer. Warszawa, 2012.

46. *Żukowski A., Chelminiak M.* Polish-Russian cross-border cooperation from the perspective of Polish foreign policy. General view // *Regional formation and development studies*. 2015. №3. P. 181—188.

47. *Żukowski A.* Mały ruch graniczny między Polską a Rosją — wstępne konkluzje // *Polska polityka wschodnia a współpraca zagraniczna województwa warmińsko-mazurskiego* / red. W. Kotowicz, W.T. Modzelewski, A. Żukowski. Olsztyn, 2013. S. 55—63.

Об авторах

Денис Алексеевич Миронюк, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: p.aeg.iordt@gmail.com

Кишиштоф Женгота, кандидат политических наук, Институт политических наук, Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Республика Польша.

E-mail: krzegota@gmail.com

Для цитирования:

Миронюк Д. А., Женгота К. К вопросу истории развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши: программный подход // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №2. С. 156—179. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-9.

THE HISTORY OF THE INTEGRATION BETWEEN RUSSIA'S KALININGRAD REGION AND POLAND'S NORTHEASTERN VOIVODESHIPS: A PROGRAMME APPROACH

D. A. Mironyuk¹

K. Żęgota²

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia*

² *University of Warmia and Mazury in Olsztyn
Michała Oczapowskiego Str. Olsztyn, 10—719, Poland*

Submitted on January 30, 2017

This article considers the development of integration between Russia's Kaliningrad region and Poland's northeastern voivodeships in 1946—2016. The authors set out to identify the main results of Russian-Polish cross-border cooperation in the context of the changing historical and political paradigms in the Baltic region. The authors conduct a brief historical analysis of this sphere of international relations. The genesis of integration at the regional level is explored by identifying the major areas and tools for collaboration. The authors address research works of Russian

(Soviet) and Polish researchers, intergovernmental agreements, EU-Russia cross-border cooperation programmes, expert interviews, and relevant analytical reports. Special attention is paid to programme-based interregional and cross-border cooperation as the most efficient form of collaboration for accelerating integration and socio-economic development in border areas. Based on their evaluation of the major achievements, the authors conclude that Russian-Polish cross-border cooperation has been successful. Yet, there is a need for developing a long-term empirical model of Russian-Polish relations in view of the many-years' collaboration between the Kaliningrad region and the Polish voivodeships.

Key words: Russia, European Union, Russian-Polish relations, Россия, cross-border cooperation, Kaliningrad region, northeastern voivodeships, border checkpoints

References

1. Alla Ivanova: The best conditions for maintaining security are creating a climate of confidence, 2016, *Government of the Kaliningrad Region*, available at: <http://gov39.ru/news/101/106411> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)
2. Anton Alikhanov: During the difficult period of Russian-Polish relations, the region continues to interact with neighboring voivodeships, 2016, *Government of the Kaliningrad Region*, available at: <https://gov39.ru/news/101/108786/> (accessed 17.01.2017). (In Russ.)
3. Eururegion, 2016, *The Consulate General of the Russian Federation in Klaipeda (the Republic of Lithuania)*, available at: <http://www.klaipeda.mid.ru/img/eururegion.gif> (accessed 19.01.2017).
4. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Poland on border crossings of 22 May 1992, 1993, *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 1993, October, no. 10, p. 48—50.
5. The Kaliningrad region transfers to the Swedish side the chairmanship in the Euroregion Baltika, 2016, *Government of the Kaliningrad Region*, available at: <http://gov39.ru/news/101/108914/> (accessed 23.01.2017). (In Russ.)
6. Kretinin, G., Mironyuk, D. 2014, Local Border Traffic as a Form of Visa Liberalisation and Territorial Development, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 4. C. 27—41. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-2.
7. Kuzmin, V.M. 1991, *Uchastie mestnykh partiinykh i obshchestvenno-politicheskikh organizatsii v razvitii sovetsko-pol'skogo prigranichnogo sotrudnichestva. 1950—80-e gody (na materialakh Kaliningradskoi oblasti, Ol'shtynskogo i El'blongskogo voevodstv)* [Participation of local party and socio-political organizations in the development of Soviet-Polish cross-border cooperation. 1950—80-ies (on materials of the Kaliningrad region, Olsztyn and Elbląg voivodeships)], Report on the Candidate Dissertations in the Historical Sciences, p. 308. (In Russ.)
8. Municipal State Cultural Institution "Center for the Preservation of Monuments, *Site of the Administration of the urban district "City of Kaliningrad"*, available at: <http://www.klgd.ru/social/culture/memory/foto/34.jpg> (accessed 20.01.2017).
9. On Cancelling Short-Term Visa Experiment "Tourism 72 Hours", *The Representative Office of MFA of Russia in Kaliningrad*, 2017, available at: http://kaliningrad.mid.ru/en_GB/web/kaliningrad_en/home/-/asset_publisher/CyflP6GPijdC/content/short-term-visas-tourism-72-hour-1?inheritRedirect=false&redirect=http%3A%2F%2Fkaliningrad.mid.ru%2Fen_GB%2Fweb%2Fkaliningrad_en%2Fhome%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_CyflP6GPijdC%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D1 (accessed 19.01.2017).

10. A guide to bringing INTERREG and Tacis funding together, 2001, *European Commission*, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/interreg3/documents/tacis_en.pdf (accessed 23.01.2017).

11. Optimization of the structure is designed to improve the efficiency of the regional government in the international direction, 2007, *Government of the Kaliningrad Region*, available at: <http://gov39.ru/news/101/26250/> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

12. Registration for The Programme Final-Opening Conference in Gdansk is open, 2016, *Lithuania-Poland-Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013*, available at: <http://www.lt-pl-ru.eu/en/news,362> (accessed 20.01.2017).

13. Memorable sign of Soviet-Polish friendship, Administration of the urban district "City of Kaliningrad", available at: <http://www.klgd.ru/social/culture/memory/compare12.php> (accessed 19.01.2017).

14. Polkh, P.P. 2013, The Kaliningrad Regional Committee of the CPSU and the organization of cooperation between the USSR and Poland in 1956—1970, *Vestnik TGU*, no. 10 (126), p. 139—144. (In Russ.)

15. *Results of the Cross-Border Cooperation Program (ENPI) Lithuania-Poland-Russia 2007—2013*, 2016, Center for European Projects, Warsaw, p. 165.

16. Sergunin, A. A. 2013, Russia and the European Union in the Baltic region: a treacherous path to partnership, *Balt. Reg.*, Vol. 5, no. 4, p. 38—47. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-4-4.

17. The candidature of a new representative of Kaliningrad in Poland was agreed in Poland, 2004, Information Agency *REGNUM*, November 18, available at: <https://regnum.ru/news/polit/361416.html> (accessed 19.01.2017). (In Russ.)

18. Coherence with the policies and objectives of the European Communities, *Lithuania-Poland-Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013*, available at: <http://www.lt-pl-ru.eu/ru,1,6> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

19. *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Poland on the cooperation of the northeastern voivodeships of the Republic of Poland and the Kaliningrad Region of the Russian Federation*, 1992, Abolished 02.02.2016, available at: <http://www.rosgranitsa.ru/en/node/3181> (accessed 17.01.2017). (In Russ.)

20. Stolyarov, O. A. 2015, *Vliyaniye istoricheskoi pamyati na pol'sko-rossiiskie otnosheniya (1989—2009)* [The influence of historical memory on Polish-Russian relations (1989—2009)], Report on the Candidate Dissertations in the Historical Sciences, St. Petersburg, St. Petersburg State University, p. 397. (In Russ.)

21. Area of the Program, *Lithuania-Poland-Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013*, available at: <http://www.lt-pl-ru.eu/ru,1,4> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

22. Federal Law of 04.01.1999 No. 4-FZ On the Coordination of International and Foreign Economic Relations of Subjects of the Russian Federation, 1999, President of Russia, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (accessed 01.2017). (In Russ.)

23. The federal portal of draft normative legal acts, the official website for posting information on the preparation by federal executive bodies of draft normative legal acts and the results of their public discussion, available at: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=46298> (accessed 17.01.2017). (In Russ.)

24. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 1999, *Baltiiskii region: sotsial'no-ekonomicheskoi razvitiye i sotrudnichestvo* [Baltic region: socio-economic development and cooperation], Kaliningrad, p. 208.

25. Chelminiak, M., Kotowicz, W. 2012, The foreign policy of Poland and the Kaliningrad region in 1989—2012, *Balt. Reg.*, Vol. 4, no. 4, p. 52—58. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-4-6.
26. Chronicle of the Consulate General of the Republic of Poland in Kaliningrad, *Consulate General of the Republic of Poland in Kaliningrad*, available at: http://www.kaliningrad.msz.gov.pl/ru/consulate/historical_background/chronicle/chronicle (accessed 19.01.2017). (In Russ.)
27. Shashkova, O. A. 2013, Russia and Poland: through the prism of Soviet publications, *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [RSUH/RGGU Bulletin]*, no. 4, p. 64—67.
28. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2016, Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji bałtyckiej, *Prace i Studia Geograficzne*, Vol. 61, no.1, p.13—28.
29. Magier, S. 2009, Background, *Euroregion Baltic*, available at: <http://www.eurobalt.org/category/s19-about-erb/c42-background/> (accessed 23.01.2017).
30. European Commission approves Joint Operational Programme „Lithuania-Russia 2014—2020”, 2016, *The Lithuania—Russia Cross-border Cooperation Programme 2014—2020*, available at: <http://www.eni-cbc.eu/lr/en/news/european-commission-approves-joint-operational-programme-lithuania-russia-2014-2020/85> (accessed 21.01.2017).
31. Jastrzębska, W. 2008, Rola euroregionów i współpracy transgranicznej w procesie integracji europejskiej. In: Woźniak, M.G. (ed.) *Spójność ekonomiczna a modernizacja regionów transgranicznych*, p. 95—105.
32. Kretinin, G. V., Mironyuk, D. A., Tarasov, I. N., Kuznetsova, T. Y. 2016, Dialogue of the borderland: from Euro Regions to Local Border Traffic. Political and geographical aspects, *International Journal of Environmental & Science Education*, Vol. 11, no. 17, p. 10485—10492.
33. Lepik, K.-L. 2009, Euroregions as mechanisms for strengthening cross-border cooperation in the Baltic Sea region, *Trames*, no. 13, p. 265—284.
34. Modzelewski, T. 2016, Zawieszenie małego ruchu granicznego z Rosją ma charakter polityczny — przyznaje PiS, *Dziennik Bałtycki*, available at: <http://www.dziennikbałtycki.pl/wiadomosci/a/zawieszenie-malego-ruchu-granicznego-z-rosja-ma-charakter-polityczny-przyznaje-pis,10492902/> (accessed 23.01.2017).
35. Modzelewski, W. T., Żukowski, A. 2013, Polityczne, Kategoria pogranicza w politologii. Aspekty teoretyczne i praktyczne, *Pogranicze. Polish Borderlands Studies*, no. 1, p. 36—38.
36. Modzelewski, W. T. 2006, *Polska — Obwód Kaliningradzki FR. Uwarunkowania współpracy transgranicznej*, Olsztyn.
37. Modzelewski, W. T. 2015, Polskie euroregiony formą integracji europejskiej. In: Gaziński, B. (ed.) *Szkice europejskie: Unia Europejska wobec wyzwań współczesności*, Olsztyn, Instytut Nauk Politycznych UWM, p. 175—188.
38. Modzelewski, W. T. 2015, Polsko-rosyjskie pogranicze — od regionu izolowanego do transgranicznego, *Środkoeuropejskie Studia Polityczne*, no. 1, p. 5—24.
39. Olejniczak, K. 2008, *Mechanizmy wykorzystania ewaluacji. Studium ewaluacji średniookresowych Interreg III*, Warszawa, p. 105—122.
40. Poland-Russia CBC Programme 2014—2020, *Serwis Programów Europejskiej Współpracy Terytorialnej i Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa*. Available at: https://www.ewt.gov.pl/media/20914/projekt_Programu_Polska-Rosja_jezyk_angielski.pdf (accessed 21.01.2017).
41. Sierocińska, E. 2001, Olsztyn. Kolejna zmiana nazw ulic? *Naszemiasto.pl*, available at: <http://olsztyn.naszemiasto.pl/archiwum/olsztyn-kolejna-zmiana-nazw-ulic,161165,art,t,id,tm.html> (accessed 17.01.2017).

42. Szymański, J. 2011, Podstawowe instrumenty prawne współpracy transgranicznej w ramach Rady Europy, *Białostockie Studia Prawnicze*, no. 9, p. 90—109.
43. The European Commission's Tacis Programme 1991—2006, *European Commission*, available: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/tacis_success_story_final_en.pdf (accessed 20.01.2017).
44. Wojnowski, E. 2006, Obwód Kaliningradzki Federacji Rosyjskiej — od obszaru zamkniętego ku rejonowi współpracy (1946—2006), *Biblioteka Olsztyńska*, no. 53, p. 155.
45. Żegota, K. 2012, Bilans polskiego przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej w kontekście Obwodu Kaliningradzkiego Federacji Rosyjskiej. In: Fiszer, J. (ed.) *Prezydencja Polski w Radzie Unii Europejskiej*, Warszawa, Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk.
46. Żukowski, A., Chelminiak, M. 2015, Polish-Russian cross-border cooperation from the perspective of Polish foreign policy. General view, *Regional formation and development studies*, no. 3, p. 181—188.
47. Żukowski, A. 2013, Mały ruch graniczny między Polską a Rosją — wstępne konkluzje. In: Kotowicz, W., Modzelewski, W. T., Żukowski, A. (eds.) *Polska polityka wschodnia a współpraca zagraniczna województwa warmińsko-mazurskiego*, Olsztyn, Instytut Nauk Politycznych UWM, p. 55—63.

The authors

Denis A. Mironyuk, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russian Federation.

E-mail: p.aeg.iordt@gmail.com

Dr Krzysztof Żegota, Assistant Professor, Institute of Political Science, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland.

E-mail: krzegota@gmail.com

To cite this article:

Mironyuk, D. A., Żegota, K. 2017, The history of the Integration between Russia's Kaliningrad Region and Poland's Northeastern Voivodeships: A Programme Approach, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 156—179. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-9.

РЕЦЕНЗИЯ

Максимцев И.А., Королева А.В., Сирота Н.П. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского союза в регионе Балтийского моря. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — 170 с.

Регион Балтийского моря уникален в политическом и экономическом отношении — именно здесь проходит граница между Европейским союзом и Российской Федерацией. Непосредственное соприкосновение с Евросоюзом на Северо-Западе представляет для России как ценность, так и масштабные вызовы. Потенциально в Балтийском регионе могут быть созданы все условия для взаимовыгодного сотрудничества.

Россия, являясь государством Балтийского региона, активно способствует развитию сотрудничества в сфере экономики, энергетики, окружающей среды и культуры, рассматривая поиск решений региональных проблем, прежде всего, в плоскости практического содержания.

Монография «Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского союза в регионе Балтийского моря», подготовленная коллективом авторов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, представляет собой подробное исследование экономики региона. Акценты сделаны на изучении позиции России как субъекта мировой экономики, а также рассмотрена степень вовлеченности экономики России в процессы региональной интеграции.

В работе предлагается к изучению большой объем аналитического материала по позиционированию Северо-Западного федерального округа России в исследуемом регионе, что представляет собой особую ценность.

Авторы монографии — доктор экономических наук, профессор Игорь Анатольевич Максимцев, кандидаты экономических наук Анастасия Валерьевна Королева и Наталья Павловна Сирота — обозначили цель монографии как определение возможностей для дальнейшего торгово-экономического сотрудничества РФ и ЕС. В числе задач отмечено изучение стран Балтийского региона, их экономических особенностей, взятых в динамике и в сравнении групп стран. Большое внимание уделено вопросам конкурентоспособности государств Прибалтики и Северных стран.

Актуальность исследования, несомненно, состоит также в том, что авторы пытаются уйти от традиционного заострения на историческом прошлом региона, отмечая, что это ограничивает возможности разви-

тия сотрудничества и процветания. Данная работа уникальна по объему фактического материала, она помогает наиболее полно представить картину современного состояния стран Балтийского региона.

Монография состоит из трех частей, первая рассматривает институциональную структуру региона Балтийского моря, при этом отмечено, что Балтийский регион являет собой молодую территориальную целостность, история которой началась в 1990-х годах, и обладает рядом особенностей, дающих региону все возможности для преуспевания на международной арене. Авторами подробно изложена хронология процесса региональной интеграции на постсоветском пространстве с того момента, как Прибалтийские страны вышли из состава СССР. Отмечен важный для будущего развития региона и остающийся открытым вопрос возможного разделения ЕС на группы, что может повлечь за собой образование новых интеграционных объединений с собственной позицией по отношению к региону Балтийского моря.

В главе, посвященной стратегии развития региона Балтийского моря (РБМ), рассмотрены основные положения «Программы региона Балтийского моря на 2014—2020 годы». Авторы подчеркивают, что Балтийское море — совместный экологический и экономический актив, объединяющий фактор для всех стран-членов РБМ. Наглядно, в виде схематичных рисунков, авторами монографии представлены приоритетные направления и конкретные цели программы, отмечается, что в РБМ присутствует огромное количество объектов исследовательской и инновационной инфраструктуры, не используемых оптимально из-за недостаточной координации.

Несомненной заслугой авторов служит публикуемый SWOT-анализ приоритетных направлений «Программы региона Балтийского моря на 2014—2020 годы», в котором самым подробным образом изучены сильные и слабые стороны направлений, существующие возможности и угрозы (в том числе экологического и демографического характера). Представленный анализ является базой для понимания приоритетов разных стран региона, обсуждения и корректировки направлений сотрудничества.

Отдельная глава в этой части монографии посвящена специфике экономик стран региона, в том числе экономическому положению стран Прибалтики. Авторы подчеркивают, что, несмотря на различие культур и правового регулирования, экономические и общественные интересы стран тесно переплетаются и взаимно дополняют друг друга. Отдельно авторы рассматривают положение Северных стран, подчеркивая, что закономерным итогом реализации ими социально-экономической модели с сильной инновационной компонентой стало укрепление их экономического положения.

Вся статистическая информация в этой части монографии представлена в виде 11 таблиц и графиков — уровень инфляции, ВВП, инвестиции в страны РБМ и др. — и дает представление о сравнительном

экономическом положении каждой страны за 10 лет (с 2003 по 2014 год). Также авторы публикуют статистические данные за более ранние годы, начиная с 1990-го, полагая, что при анализе продолжительного отрезка времени можно получить более глубокое понимание современной ситуации и построить прогнозы на будущее.

Вторую часть монографии авторы посвящают взаимодействию России и Европейского союза в регионе Балтийского моря и уделяют особое внимание периоду председательства России в Совете государств Балтийского моря. Они убедительно показывают, что открывшиеся дополнительные возможности были использованы для укрепления лидирующей роли России в регионе и расширения взаимодействия по всем аспектам сотрудничества, а также соединения целей в СГБМ с национальными интересами. Современное состояние интересов РФ на Балтике представлено в «Стратегии развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года», и авторы монографии обращают внимание, как на цели Стратегии, так и на проблемы по направлениям, обозначенным в ней. Подробные аналитические таблицы и рисунки отражают перспективные ориентиры развития в сфере экспорта, импорта, внешнеэкономической деятельности, в сфере капиталовложений и экономической безопасности.

Авторы не без основания подчеркивают, что для успешной реализации любых стратегий, принятых ЕС для региона Балтийского моря, требуются координация действий всех государств-членов ЕС, регионов ЕС, трансбалтийских организаций, финансовых учреждений и неправительственных организаций. Большая заслуга авторов состоит в глубоком исследовании внешнеэкономической деятельности стран Балтийского региона: приведены подробные данные экспорта и импорта каждой из стран, рассмотрены перспективы развития торгово-экономических связей с Россией даже в условиях экономического кризиса и непростых политических отношений.

Тема возможности дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества России и ЕС рассматривается в третьей части монографии. Исследование определяет сильные и слабые стороны стран Балтийского региона, отмечая, что выступает основой высоких экономических показателей в разных странах — модернизация компаний в Германии; качество бизнес-структур в Швеции; развитая социальная инфраструктура в Исландии. Можно также констатировать отставание России по конкурентоспособности от стран РБМ. В целом, по мнению авторов, регион стремится к балансу сильных и слабых сторон, что увеличивает показатель мировой конкурентоспособности региона.

Отметим, что монография, которую можно назвать фундаментальной исследовательской работой, имеет множество достоинств: последовательно изложенный материал, разделенный на сбалансированные смысловые части; большое количество актуальных статистических данных, представленных в виде наглядных таблиц и рисунков; даны аргументированные оценки фактам.

Об авторах

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Надежда Сергеевна Чукалова, магистрант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

The authors

Prof. Nikolai M. Mezhevich, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: mez13@mail.ru

Nadezda S. Chukalova, master's degree student, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: nadezda.mo@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;

- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

5) список литературы (не более 25 источников);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2017
Том 9
№ 2

Редактор *А. Д. Матвеевко*
Корректор *А. Д. Дмитриева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 31.05.2017 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод 60 экз.). Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6